

СЛАВЯНОСЛОВ

ISSN 0132-1366

№

Славяно

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК

СЛАВЯНО ·
· ВЕДЕНИЕ

1

2012

«НАУКА»

Славяноведение

ЖУРНАЛ ОСНОВАН В ЯНВАРЕ 1965 г.

ВЫХОДИТ 6 РАЗ В ГОД

Журнал издается под руководством
Отделения историко-филологических наук РАН

1
2012
ЯНВАРЬ •
ФЕВРАЛЬ •

СОДЕРЖАНИЕ

СТАТЬИ

<i>Кимура К.</i> (Токио). «Дело Райка» в контексте венгерско- югославских отношений	3
<i>Улуян Ар. А.</i> (Москва). Готовился ли переворот в Албании? «Дело Т. Сейко»: версии	16
<i>Искендеров П.А.</i> (Москва). Эхо польской «Солидарности» в албанских горах.....	33
<i>Носкова А.Ф.</i> (Москва). Российская историография сталинизма в СССР и странах Восточной Европы: некоторые итоги изучения (конец XX – начало XXI века)	40
<i>Якушкина Е.И.</i> (Москва). Семантика сербских лексем <i>чојство</i> и <i>јунаштво</i>	55

СООБЩЕНИЯ

<i>Мурашко Г.П.</i> (Москва). Чехословацкие события 1968 года глазами КГБ и МВД СССР: размышляя над книгой... ..	62
<i>Хорев В.А.</i> (Москва). Другой Броневский	70
<i>Шолак З.</i> (Нови Сад). Личное имя и его субститут в творчестве Иво Андрича	80
<i>Ганенкова Т.С.</i> (Москва). Грамматические значения предлога <i>на</i> в современном македонском языке	86

ОБЗОРЫ И РЕЦЕНЗИИ

<i>Косик В.И.</i> С.Н. Букасова-Богословова. Руската следа във Варна	99
<i>Косик В.И.</i> И. Стоянов. ТЦБК. Идеи и проекти	100
<i>Станков Н.Н.</i> В. Ferencuhová. Francúzsko a slovenská otázka 1789–1989	103
<i>Никифоров К.В.</i> S.P. Ramet. Tri Jugoslavije. Izgradnja države i izazov legitimacije. 1918–2005	105
<i>Силкин А.А.</i> А. J. Тимофеjev. Руси и други светски рат у Југославији: утицај СССР-а и руских емиграната на догађаје у Југославији 1941–1945	112
<i>Серапионова Е.П.</i> В.В. Марыина. Советский Союз и чехо-словацкий вопрос во время Второй мировой войны. 1939–1945	115

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

<i>Тунин А.Е.</i> Балканистика в Москве и Санкт-Петербурге сегодня: общее и различное	117
---	-----

ЮБИЛЕИ

К юбилею Александра Александровича Гугнина 123

НЕКРОЛОГИ

Памяти Елены Захаровны Цыбенко (1923–2011) 124

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

М.А. РОБИНСОН (главный редактор),
Г.К. ВЕНЕДИКТОВ, Р.П. ГРИШИНА, В.И. КОСИК, Г.Ф. МАТВЕЕВ,
В.В. МОЧАЛОВА, К.В. НИКИФОРОВ, С.В. НИКОЛЬСКИЙ, В.Я. ПЕТРУХИН,
Л.А. СОФРОНОВА, А.С. СТЫКАЛИН, Б.Н. ФЛОРЯ, В.А. ХОРЕВ, Т.В. ЦИВЬЯН

А.С. Стыкалин (отв. секретарь)

Заведующие отделами: *И.Е. Адельгейм* (отдел литературоведения),
О.В. Белова (отдел культурологии), *М.М. Валенцова* (отдел лингвистики),
А.С. Стыкалин (отдел истории)

Зав. редакцией *Г.А. Михеева*

Сотрудники редакции: *Л.А. Авакова, Е.В. Пономарева, И.Ю. Веслова*

*Адрес редакции: 119991, Москва, Ленинский пр-т, 32а,
Телефон 8-495-938-01-20
E-mail: zhurslav@mail.ru*

Рукописи принимаются в электронном виде с распечаткой (1 экз.) объемом: статьи не более 40 тыс. знаков, сообщения – до 30 тыс., рецензии – до 20 тыс. знаков. Статьи и сообщения должны сопровождаться краткой аннотацией (200–300 знаков) на русском и английском языках и ключевыми словами (5–7 слов).

Научный аппарат должен быть оформлен в соответствии с правилами, принятыми в журнале. Правила оформления см. на сайте: <http://inslav.ru>. Авторы должны предоставить сведения о степени, должности, электронную почту и контактный телефон.

Рукописи не рецензируются и не возвращаются.

© Российская академия наук, 2012 г.
© Институт славяноведения РАН, 2012 г.
© Редакция журнала «Славяноведение»
(составитель), 2012 г.

© 2012 г. К. КИМУРА

«ДЕЛО РАЙКА» В КОНТЕКСТЕ ВЕНГЕРСКО-ЮГОСЛАВСКИХ ОТНОШЕНИЙ

Судебный процесс по делу Ласло Райка (сентябрь 1949 г.) сыграл решающую роль в углублении советско-югославского конфликта, инициированного Сталиным в 1948 г. В статье, опирающейся на широкий круг источников, это событие рассматривается в контексте отношений между Венгрией и Югославией.

László Rajk's Trial in Budapest (September 1949) deepened the conflict between the USSR and Yugoslavia, initiated by Stalin in 1948. The article, based on a broad range of sources, examines the event in the context of the relations between Yugoslavia and one of the Soviet satellites, Hungary.

Ключевые слова: Сталин, Тито, Ракоши, Райк, советско-югославский конфликт, Венгрия, советский блок.

Успешно развивавшиеся в первые послевоенные годы отношения между Венгрией и Югославией (см. [1]) испортились весной 1948 г. с началом советско-югославского конфликта. В Москве хорошо знали не только о многосторонних, с каждым годом активизировавшихся межгосударственных связях, но и об особой близости партийных элит венгерской и югославской компартий. Как отмечалось в одном из документов, «до резолюции Информбюро (речь идет о принятой в конце июня 1948 г. на втором совещании Коминформа резолюции с резкой критикой Коммунистической партии Югославии (КПЮ), ее обвинениями в национализме. – К.К.), у венгров с югославами была трогательная дружба, настолько трогательная», что министр внутренних дел Венгрии Л. Райк «ухитрился» утвердить явно в угоду югославам устав демократического союза южных славян Венгрии, в котором был пункт, что этот союз является объединением по национальному признаку и членство в нем ставится выше партийной принадлежности. «По сути говоря, национальные интересы тут были поставлены над интересами партии» [2. Т. 2. С. 150]. Осознавая, что Сталин, всегда с подозрением относившийся к любым горизонтальным, плохо контролируемым из Москвы связям между странами советской сферы влияния, может нанести удар и по руководству венгерской компартии, ее лидер М. Ракоши предпринял кардинальный поворот в своей политике. В марте в Будапеште под знаком содружества дунайских народов прошли крупномасштабные торжества по случаю столетия венгерской революции 1848 г. Как культивирование венгерских патриотических традиций, так и актуализация идей позднего Л. Кошута о Дунайской федерации вызвали явное неудовольствие в Москве (см. написанную по свежим следам юбилея революции справку от 24 марта 1948 г. «О националистических ошибках руководства Венгерской компартии и

Кимура Каори (Япония) – аспирантка МГУ.

буржуазном влиянии в венгерской коммунистической печати», подготовленную в отделе внешней политики ЦК ВКП(б) [2. Т. 1. С. 802–806]. Однако всего через три недели Ракоши первым из руководителей партий-участниц Информбюро присоединился к инициированной ВКП(б) антиюгославской кампании. Желая обезопасить себя, он уже 8 апреля совершил жест лояльности Москве, отправив руководству КПЮ письмо, в котором полностью солидаризировался с обвинениями со стороны ЦК ВКП(б) [3]. В июне того же года на втором совещании Коминформа Ракоши выступил с предельно жестких антиюгославских позиций, предложив приступить к ведению подпольной работы в Югославии как главного средства борьбы против ее нынешнего руководства [4. С. 29]; ту же тему он развивал и во многих последующих своих выступлениях. Всего этого было, однако, недостаточно, чтобы развеять недоверие Сталина. Судя по имеющимся документам, в Москве продолжали выискивать крамолу в Будапеште, в структурах ВКП(б), ответственных за межпартийные связи и деятельность Коминформа, составлялись записки о националистических, правооportunистических тенденциях в деятельности венгерской компартии (с лета 1948 г. Венгерской партии трудящихся (ВПТ)), которые могли быть востребованы в случае, если бы Сталин поставил вопрос о замене ее руководства (см., например, письмо курировавшего ВПТ сотрудника аппарата Коминформбюро С. Заволжского в Секретариат Информбюро от 26 марта 1949 г. [5. Ф. 575. Оп. 1. Д. 188]). В Москве были также недовольны деятельностью пропагандистских органов ВПТ. Венгерская пропаганда, отмечалось в документе, относящемся к маю 1949 г., «по существу замалчивает разоблачение клики Тито» (записка Заволжского от 16 мая [5. Ф. 575. Оп. 1. Д. 188. С. 20]). В том же документе Ракоши обвинялся в пассивности: «Руководящие деятели партии и, в частности, т. Ракоши заняли совершенно неправильную позицию выжидания по работе с югославской эмиграцией и усиления борьбы против клики Тито, ожидая соответствующих указаний Москвы» [5. Ф. 575. Оп. 1. Д. 188. С. 25].

В этих условиях Ракоши приступил к подготовке большого судебного процесса, который должен был подтвердить наличие мощной югославской агентуры в венгерской компартии, выведя вместе с тем из-под удара самого лидера ВПТ. Проведение такого процесса в полной мере соответствовало ожиданиям Сталина, жаждавшего громких разоблачений Тито и его окружения. В качестве ведущего фигуранта судебного дела был избран видный деятель ВПТ Ласло Райк, в 1946–1948 гг. министр внутренних дел Венгрии, затем, вплоть до своего неожиданного ареста в конце мая 1949 г., занимавший пост министра иностранных дел.

В биографии Райка, уроженца Трансильвании, с 1931 г. активного участника коммунистического движения в Венгрии, Чехословакии и других странах, было немало моментов, дававших повод для подозрений в «двойной игре». Впоследствии Ракоши, пытавшийся снять с себя ответственность за дело Райка, переложить ее на Л. Берию и его людей, признал в мемуарах, что личность Райка была «удобна для провокаций» [6. С. 112–113]. В самом деле, еще в 1931 г., во время первого ареста в хортистской Венгрии, 22-летний Райк для того, чтобы оказаться на свободе, давал подписку, что не будет заниматься политикой, хотя вскоре нарушил свои обещания. Во второй половине 1930-х годов, после поражения гражданской войны в Испании, Райк в числе других коммунистов-интернационалистов, сражавшихся на стороне республиканской армии, оказался в лагере для интернированных во Франции, где теоретически легко мог быть завербован различными спецслужбами. Был в его биографии эпизод, связанный с временным исключением из компартии в конце 1930-х годов по обвинению в принадлежности к троцкистам. Покрыты также мраком неизвестности обстоятельства возвращения Л. Райка в Венгрию в годы Второй мировой войны, не ясной была его роль в самороспуске подпольной венгерской компартии в 1943 г., начавшей вскоре функционировать под другим названием («Партия мира»). Арестованный нилашистами в декабре

1944 г. и оказавшийся затем в концлагере на западе Германии, Райк не только выжил и сохранил здоровье, но был в числе первых освобожден американскими оккупационными войсками, поспособствовавшими ему к тому же в возвращении на родину в мае 1945 г. Это также вызывало подозрения в том, что он был заброшен в качестве агента. Между тем, огромное влияние Райка в среде венгерских коммунистов-подпольщиков способствовало его избранию в Политбюро венгерской компартии через считанные недели после возвращения домой. Вдобавок ко всему родной брат Райка был видным членом крайне правой нилашистской партии, бежавшим в начале 1945 г. на Запад (в конце 1944 г. он, по некоторым сведениям, сумел спасти брата от расстрела находившимися у власти нилашистами), тогда как жена Райка, будучи участницей подпольного коммунистического движения, имела связи с троцкистскими группами.

Компрометирующие Райка факты биографии были известны в Москве от унаследованных от распущенного в 1943 г. Коминтерна структур, ведавших кадровыми вопросами мирового коммунистического движения (см. переданную в аппарат ЦК ВКП(б) справку канцелярии Секретариата Информбюро о Л. Райке. Апрель 1949 г. [2. Т. 2. С. 64–67]). Существовало к тому же убеждение, что «движение сопротивления руководилось в Венгрии английской разведкой» [2. Т. 2. С. 65], что, разумеется, бросало тень на одну из виднейших фигур в этом движении в 1943–1944 гг. Таким образом, Ласло Райк явно не был «человеком Москвы», а его деятельность с марта 1946 г. по август 1948 г. в должности министра внутренних дел Венгрии дала повод для нового недовольства со стороны советских спецслужб. В частности, уже в 1946 г. он пытался отстранить от руководящих должностей в политической полиции тех венгерских коммунистов, которые находились ранее в СССР, принимали участие в советских партизанских отрядах, что привело его к конфликту с Союзной контрольной комиссией (СКК), всецело контролируемой Советским Союзом. Он отказался также от создания института советских советников при министре внутренних дел, а в 1947 г., при ликвидации СКК, потребовал передачи венгерскому МВД списков советской агентуры, находящейся в Венгрии. Москва терпела слишком самостоятельного Райка в роли министра внутренних дел побежденной и ждавшей определения своего послевоенного статуса Венгрии только в силу его активности в деле устранения из политической жизни противников компартии. Роль этого не слишком разборчивого в средствах политика в установлении коммунистической диктатуры в Венгрии была весьма велика, а его реальный облик мало походил на тот мифологизированный образ борца со сталинизмом, который возник на реформ-коммунистической волне, порожденной XX съездом КПСС.

Как бы там ни было, Райк давал повод упрекать себя, в том числе и в недооценке партийного влияния в органах МВД. Так, в начале ноября 1947 г., во время пребывания Ракоши в СССР, он издал приказ о роспуске всех парторганизаций в полиции. Поскольку там уже с 1945 г. преобладали коммунисты, это коснулось прежде всего их [2. Т. 2. С. 66]. Тем самым министр внутренних дел, стремившийся ко все большей независимости, вступил в конфликт с руководством своей партии. Ракоши опасался слишком амбициозного Райка, пытавшегося не только всецело подчинить себе политическую полицию, но и установить собственные связи с Москвой по линии спецслужб. В августе 1948 г., когда в Венгрии уже существовала властная монополия ВПТ, он добился перевода его на пост министра иностранных дел, менее влиятельный в силу того, что Венгрия в тех условиях не обладала значительным полем самостоятельных маневров на международной арене. В должности министра внутренних дел Райка тогда сменил считавшийся в то время менее самостоятельным Я. Кадар.

В аппарате ЦК ВКП(б) знали о Райке и как об активном стороннике сближения Венгрии с титовской Югославией. Впрочем, линия на активизацию всесторонних

связей с Югославией, представительницей победоносной антифашистской коалиции, страной с резко возросшим за годы войны международным престижем и к тому же быстро продвигавшейся по пути коммунистических реформ, была вплоть до весны 1948 г. общей установкой руководства венгерской компартии (см. [1]). Более поздние, относящиеся к октябрю 1956 г., нашумевшие в то время свидетельства социал-демократа П. Юстуса (проходившего с Райком по одному делу, но выжившего) о том, что весной 1948 г. Райк выступил вразрез позиции ВКП(б) и Ракоши за сохранение близких отношений с Югославией и за венгерское посредничество в разрешении советско-югославского конфликта [7. С. 313], не подтверждаются другими известными нам источниками. Представляется, что верность Райка своим прежним проюгославским симпатиям делала невозможным его назначение на пост министра иностранных дел в августе 1948 г., в условиях, когда внешнеполитические ориентации следовало изменить именно на югославском направлении.

Как бы то ни было, компрометирующих фактов было в биографии Райка достаточно, при фабрикации в 1949 г. судебного дела охотно использовалось все, что подтверждало концепцию, в соответствии с которой Райк с 1931 г. был агентом венгерской охраны, а с 1943 г. англо-американским шпионом, работавшим совместно с югославскими агентами тех же разведок. Таким образом, существовавшее стойкое недоверие в Москве к Л. Райку, как и стоявшая за ним репутация последовательного приверженца венгерско-югославского сближения, делали его очень удобной фигурой для выдвижения на роль главного подсудимого, причем именно на процессе по делу антиюгославской направленности. В условиях, когда Сталин ждал от «проштрафившихся» близостью к Тито венгерских коммунистов все новых и новых свидетельств лояльности генеральной линии мирового коммунистического движения (см. свидетельства Хрущева о том, что Сталин публично демонстрировал своему окружению недовольство Ракоши и недоверие к нему в его же присутствии [8. С. 73–74]), организация такого процесса выглядела вполне закономерной. Ракоши задумал проведение суда по делу Райка, в определенной мере играя на опережение. Он знал, что и над ним могут стусить тучи – в Москве были хорошо информированы о том, что и он, едва ли в меньшей степени, нежели Райк, был в 1945–1947 гг. активным протагонистом венгерско-югославской дружбы. Посол СССР в Венгрии Г. Пушкин в мае 1949 г. выражал недовольство также стремлением Ракоши иметь ручную политическую полицию, не имеющую связей с СССР, «или в крайнем случае связь должна проходить только через него»; по словам Пушкина, Ракоши внимательно следил за тем, чтобы в Москву не проникала нежелательная для него информация о положении в Венгрии (записка референта Секретариата Информбюро С. Заволжского от 16 мая 1949 г. [5. Ф. 575. Оп. 1. Д. 94. Л. 92–95]). В ходе бесед с Заволжским Ракоши с беспокойством интересовался мнением о своей работе, сложившимся как в Москве, так и в структурах Информбюро в Бухаресте).

Процессом по делу Райка, задуманным, судя по всему, как раз в мае 1949 г., Ракоши стремился убить сразу двух «зайцев» – избавиться от наиболее опасного своего конкурента и выслужиться перед Сталиным, развеяв его недоверие. Не меньшую активность в реализации «дела Райка» проявил давно находившийся с ним в сопернических отношениях влиятельный министр обороны и заместитель генерального секретаря ЦК ВПТ М. Фаркаш. Есть основание считать, что именно ему первым пришла в голову идея сделать Райка главной фигурой большого показательного процесса. Все это дало потом возможность Ракоши после XX съезда КПСС, весной 1956 г., в условиях активизировавшихся нападок со стороны внутрипартийной оппозиции, попытаться переложить главную ответственность за суд над Райком с себя именно на Фаркаша (см. [9. С. 43–44, 83]).

Внушавшие подозрение эпизоды были и в биографии партийного работника Т. Сени, приобщенного к делу Райка. Живя во время войны в эмиграции в Швейцарии, он, как и некоторые другие коммунисты, работавшие в пользу СССР, получал деньги от американской благотворительной организации, контролирувавшейся шефом американской разведки в Европе А. Даллесом. Полученный весной 1949 г. новый компромат на Т. Сени, касавшийся его связей времен войны, стал отправной точкой в процессе фабрикации «дела Райка».

Конкретные обстоятельства ареста Райка и подготовки судебного дела неоднократно становились предметом исследований (см., в частности [10]). Здесь стоит лишь заметить, что на первых допросах Райк (арестованный 30 мая 1949 г.), несмотря на жестокость обращения с ним, категорически отрицал свои какие-либо шпионские связи, отвергал все обвинения. Дело сдвинулось с мертвой точки лишь с приездом в Будапешт советских советников во главе с генерал-лейтенантом госбезопасности М.И. Белкиным, хорошо знавших технологию фабрикации показательных процессов. По версии «следствия», Райк впервые встретился с Тито в Париже, когда тот занимался комплектацией интербригад для помощи республиканской Испании, а с будущим шефом югославской безопасности А. Ранковичем находился в лагере для испанских беженцев во Франции уже после победы генерала Франко в гражданской войне. Используя имевшиеся данные о реальных контактах Райка с югославскими коммунистами и прибегая во многих случаях к домыслу, организаторы дела разработали версию, согласно которой он еще в 1930-е годы установил прямые связи с югославскими агентами иностранных разведок, а позже сам был завербован для шпионажа в пользу разведок – сначала английской, американской, а к 1945 г. уже югославской. Стремление к криминализации своих политических оппонентов Ракоши в полной мере унаследовал от фабрикаторов больших московских процессов 1930-х годов – ему важно было показать, что его противники были не людьми идеи, а заурядными провокаторами, орудием в руках Тито и Ранковича. В соответствии с этой задачей и разрабатывалась вся концепция обвинения. Ракоши был осведомлен о готовившемся в Болгарии процессе по «делу Трайчо Костова», оба разоблачительных процесса готовились параллельно и с участием советских советников, ставилась задача доказать, что Тито и Ранкович «хотели сделать в Болгарии на базе личности Костова то же, что сделали на базе личности Райка в Венгрии» (из донесения Белкина в Москву [11. С. 177]). В момент приезда в Будапешт Белкина и его команды недоверие к Ракоши в Москве сохранялось, советские «эксперты» приехали с определенным предубеждением против венгерского лидера, в ходе совместной работы возникали конфликты. Однако масштабный показательный процесс антиюгославской направленности был нужен Сталину для дальнейшей эскалации конфликта, для консолидации стран-сателлитов СССР на антититовской платформе. Поэтому инициативе Ракоши уже в конце мая был дан ход из Москвы. За подготовкой «дела Райка» все более внимательно следили в Кремле, конкретные детали обсуждались в относящейся к августу-сентябрю переписке Сталина и Ракоши (см. [12–13]), а также во время приема Ракоши советским вождем [14. С. 526–527]. Судя по имеющимся документам, у Ракоши непросто складывались отношения с советским послом Г.М. Пушкиным, отзыв которого (пока не ясно, что за этим отзывом стояло) совпал с активизацией работы по фабрикации дела. Еще в середине мая 1949 г. посол жаловался эмиссару Информбюро С. Заволжскому на то, что Ракоши по сути дела запретил политической полиции заниматься разработкой троцкистов и других враждебных лиц в партии, на то, что слишком большое доверие оказывается коммунистам, вернувшимся в Венгрию с Запада, а в аппарате МИД до сих пор остаются не разоблаченными явные шпионы [5. Ф. 575. Оп. 1. Д. 94. Л. 92–93]. На самом деле в эти дни уже началась волна арестов, захватившая среди прочего и коммунистов, приехавших с Запада, и работников МИДа.

Концепция будущего процесса постепенно обретала свои очертания и антиюгославская составляющая в ней усиливалась. Приданию «делу Райка» антитетовской направленности способствовало подключение к нему югославского политэмигранта-коминформовца, одно время дипломата в Будапеште Л. Бранкова, который был специально доставлен из Москвы. Согласно выработанной концепции, Бранков не только активно вербовал югославскую агентуру в Венгрии для подрывной работы, именно через него осуществлялась связь Райка и ряда его сообщников в высших органах власти в Венгрии с Тито и Ранковичем в целях свержения действующего правительства и установления проюгославского. Наряду с антиюгославской сохраняла, впрочем, актуальность и антиамериканская составляющая следственной конструкции, которую обеспечивал арестованный в мае 1949 г. в Праге и доставленный по настоянию Ракоши в Будапешт левый американский журналист Н. Фильд, одно время сотрудничавший с советской разведкой. Руководимая Фильдом в годы войны благотворительная структура, находившаяся в Швейцарии, с санкции ЦРУ перечисляла средства восточноевропейским коммунистам, боровшимся с нацизмом (показания Фильда вообще были широко использованы при подготовке политических судебных процессов в странах советского блока на рубеже 1940–1950-х годов). Согласно разработанной версии, Райк якобы был завербован американскими спецслужбами в лице Фильда и после освобождения из концлагеря получил задание вернуться на родину с тем, чтобы приступить к дезорганизации коммунистического движения. Его связи как с американцами, так и с югославами были, по замыслу, звеньями единой разведывательной сети. При отборе конкретных персонажей для участия в показательном процессе учитывались любые биографические детали, подтверждавшие связи с Югославией. Так, один из главных осужденных, бывший зав. отделом кадров в центральном аппарате венгерской компартии Т. Сени, вернулся в Венгрию в 1945 г. из Швейцарии через Югославию, имел определенные связи в этой стране, которым была дана соответствующая интерпретация, подтверждавшая версию о шпионской деятельности. Широко использовались против Райка показания бывшего при нем руководителем пресс-службы МВД Ш. Череснеша, которому в 1945 г. разведка югославских партизан предлагала заняться в Венгрии агентурной работой; сам Череснеш, вернувшись в Венгрию, уведомил компартию о своих югославских контактах (его как человека, обладавшего широкими, причем реальными, а не выдуманными югославскими связями, оставили в живых для получения нового и нового компромата на Тито). Что касается Райка, то его, по всей вероятности, единственная рабочая встреча в декабре 1947 г. в роли министра внутренних дел с шефом югославской госбезопасности Ранковичем, будучи преподнесенной в криминализированном виде, интерпретировалась как важнейший этап в подготовке заговора.

С конца мая в Венгрии началась волна арестов. В ходе фабрикации «дела Райка» всего через допросы прошло около 200 человек, в том числе группа генералов и офицеров – параллельно с «делом Райка» велась подготовка дела о военном заговоре во главе с генералом Д. Палффи (также как и Райк, впоследствии казненным). В соответствии с задуманным действием проюгославски настроенных генералов при прямой военной поддержке маршала Тито и усилия партийно-государственных функционеров во главе с Райком рассматривались как звенья одной цепи в процессе достижения общей цели – захвата власти, устранения правящей верхушки во главе с Ракоши, отрыва Венгрии от СССР, установления проюгославского режима, а затем и реставрации капиталистических порядков¹.

¹ Согласно сфабрикованной уже к первой половине июля версии, «план арестованной группы заключался в том, чтобы в удобный момент свергнуть руководство партии, собрать чрезвычайную партийную конференцию из своих сторонников и поставить во главе партии правительства Райка» (см. докладную записку С.Г. Заволжского в Секретариат Информбюро от 11 июля 1949 г. [2. Т. 2. С. 179]).

Был нанесен превентивный удар по потенциальной опоре Райка в партийных и государственных структурах. Так, уже к середине июля из аппарата центрального руководства ВПТ было уволено 75 человек. Ветеран коммунистического движения журналист Ш. Хараст, руководивший обществом венгерско-югославской дружбы, (впоследствии активный участник реформаторской оппозиции 1956 г.) не один год провел в камере в ожидании смертного приговора, который в отношении него так и не был вынесен.

Хараста в этом смысле повезло. Как явствует из записей бесед Ракоши и Фаркаша с советскими эмиссарами, уже к середине июля была не только сконструирована концепция суда, но и определен приговор в отношении самого Райка: «после окончания следствия Райка будем судить и приговорим к повешению» (см. докладную записку С.Г. Заволжского от 11 июля 1949 г. [2. Т. 2. С. 179]). По замыслу Ракоши, «дело Райка» должно было стать частью более крупномасштабного разоблачения югославской агентуры в рамках всего советского лагеря. «Разоблачение Райка, – говорил советскому эмиссару С. Заволжскому Фаркаш в середине июля, – мы придаем большое значение; видимо, имелся единый центр, и Райк был связан с ему подобными в других странах – во многих партиях в ЦК сидят титовские провокаторы» [2. Т. 2. С. 179]. Ракоши направил письмо чехословацкому коммунистическому лидеру К. Готвальду, в котором предложил ему поучаствовать в создании большого международного шоу. Речь шла конкретно о возможности в ходе показательного процесса по «делу Райка» разоблачить некоторых чехословацких коммунистов, в том числе пока находившихся на свободе [2. Т. 2. С. 223]. Были переданы и выбитые из Райка и проходивших по его делу венгерских коммунистов показания на членов КПЧ. Готвальд и его окружение поначалу восприняли это предложение довольно сдержанно, но через считанные месяцы и в Чехословакии развернулась волна арестов, связанная с обострившейся политической борьбой между Готвальдом и Сланским. С ведома и согласия Сталина, не возражавшего против интернационализации дела Райка при помощи таких фигур, как Фильд и Бранков, Ракоши обратился с призывами к другим партиям ускорить разоблачение титовской агентуры. Ракоши и Фаркаш жаловались представителям Москвы, что в некоторых странах чересчур медленно идет разоблачение провокаторов и шпионов, пробравшихся на руководящие посты в партии, там слишком «либеральничают», кое-кому стоило бы поучиться у венгров решительности. Проявляя большую настойчивость в попытках привлечь внимание советских руководителей к «врагам народа» в разных компартиях, Ракоши не только хотел показать себя Сталину с лучшей стороны, завоевать его доверие. И не только укрепить позиции в собственной партии (а для этого, даже если соперников не было, важно было продемонстрировать силу власти). Он также хотел воспользоваться возможностью усилить свое влияние в международном коммунистическом движении. Но результат оказался в общем противоположным задуманному. Уже в дни процесса разразился скандал, когда польский лидер Б. Берут узнал из газет о прозвучавших из уст обвиняемых показаниях на В. Гомулку, что отнюдь не входило в планы Польской объединенной рабочей партии (ПОРП), поскольку могло скомпрометировать все польское руководство. Старый коминтерновец Ракоши, привыкший мыслить в категориях не одной страны, а всего международного коммунистического движения, без согласования с самими поляками замахнулся на фигуру первого ряда в польском руководстве. Впоследствии, в 1962 г., реабилитационная комиссия ЦК Венгерской социалистической рабочей партии (ВСРП, в 1956 г. занявшей место упраздненной ВПТ), расследовавшая деяния Ракоши в годы его пребывания во главе партии, отметила, что «свои безосновательные подозрения Ракоши распространил также на членов и руководителей других братских партий и тем самым нанес вред международного масштаба» [10. № 3. С. 183]. Всего в

ходе подготовки «дела Райка» были получены показания на 526 (!) иностранных коммунистов [15. С. 187].

По мере продвижения дела задача выбить из арестованных определенные показания отступала на второй план, важнее было заставить их выступить на показательном процессе в соответствии с разработанным сценарием: они должны были публично признать свои замыслы свергнуть в удобный момент при югославской поддержке руководство партии, собрать чрезвычайную партконференцию на базе своих сторонников и поставить Райка во главе ВПТ. На место грубых побоев приходят увещевания, апелляция к коммунистической сознательности, уговоры оказать большую услугу коммунистическому движению. В конце концов в августе Райк признал продиктованные ему сфабрикованные обвинения, согласился выступить на процессе с саморазоблачением в интересах дискредитации главного врага Сталина – Тито. По одному из свидетельств, изможденный Райк, едва ли веривший обещаниям, что ему сохранят жизнь, проявлял все большее безразличие на очных ставках; он подписывал все подsunутые ему протоколы, не возражая против явных логических несостыковок. «Дело Райка» его уже мало интересовало (удачная попытка психологического анализа поведения подсудимых по «делу Райка» предпринята талантливым журналистом Б. Сасом, который проходил по делу Райка в качестве свидетеля, а в 1950 г. сам был осужден. См. [16], а также [10]). Вместе с тем организаторы опасались, что Райк не вовремя покончит самоубийством и задуманный спектакль не состоится, поэтому к нему в роли соседа по камере посадили сотрудника госбезопасности.

В августе – начале сентября детали будущего процесса были согласованы со Сталиным, который в целом одобрил план, подредактировал обвинительное заключение, но предложил оставить открытым вопрос о приговоре: он должен быть вынесен в зависимости от того, что «выяснится» на суде, иначе может быть неправильно «понят народом» [6. С. 131]. Связь со Сталиным осуществлялась не только посредством шифротелеграмм (см. [13]). 20 августа 1949 г., в день, когда в Будапеште вступила в силу Конституция ВНР, гарантировавшая на бумаге немало демократических прав и свобод ее гражданам, Ракоши более двух часов провел в кремлевском кабинете Сталина, в беседе участвовали также некоторые члены Политбюро, руководители МГБ и МВД СССР [14. С. 526–527]. Впоследствии Ракоши в письме Хрущеву, написанном уже после 1956 г. (письмо от 9 января 1957 г. см. [17. Ф. 89. Перечень 45. Док. 63]), а также и в мемуарах [6] признал, что Сталин с готовностью ухватился за «дело Райка», так как едва ли можно было придумать лучшее подтверждение «правильности» проводимой им политики в отношении Югославии. Вместе с тем он старался не выпячивать здесь свою роль, был заинтересован в том, чтобы выявление и истребление югославской агентуры в Венгрии выглядело как дело рук самих венгров.

Политический спектакль по «делу Райка» открылся 16 сентября 1949 г. во Дворце профсоюза металлистов в Будапеште. 47 корреспондентов коммунистической и левой печати из 14 стран получили разрешение присутствовать на процессе, югославские журналисты не были допущены в зал заседаний. В опубликованном еще 10 сентября обвинительном заключении подсудимым инкриминировалось руководство организацией, ставившей своей целью свержение народно-демократического строя, ликвидацию независимости Венгрии при вооруженной поддержке «банды Тито», отрыв страны от СССР. «Дело Райка» было представлено как заговор международного масштаба, все обвиняемые признали себя виновными, выступив в соответствии со сценарием с четко прописанными, заученными ролями. В признаниях акцент был сделан на югославские связи, выступавшие ссылались на якобы имевшие место непосредственные указания Тито и Ранковича, которые в свою очередь согласовывали свои планы с США. Югославские связи «банды Райка» персонифицировала на процессе очень удобная фигура Бранкова

(тоже сидевшего на скамье подсудимых и приговоренного к пожизненному заключению), который якобы завербовал в 1945 г. Райка в югославскую разведку, зная о его симпатиях к Тито. С каждым днем, по мере выступлений подсудимых, всплывали все новые и новые «коварные замыслы» югославских лидеров – причем в отношении не только Венгрии, но и других стран. Тесные связи Венгрии с Югославией в 1945–1947 гг., планы дунайского и балканского сотрудничества с участием Венгрии – все это подавалось как результаты сознательной подрывной работы Райка и его приспешников, завербованных Белградом.

Вынесение окончательных судебных приговоров было вновь согласовано со Сталиным, который в письме от 22 сентября в свете прозвучавших на показательном процессе признаний обозначил свое мнение: «Считаю, что Райка надо казнить, так как любой другой приговор в отношении Райка не будет понят народом» (документ Архива Президента РФ цитируется по послесловию В.Т. Середы к [16. С. 270]). По сути дела именно Сталин решил судьбу Райка, хотя иногда, разыгрывая свой собственный спектакль, он давал понять Ракоши, что предоставляет венгерской стороне самостоятельность в ведении следствия и выборе меры наказания. Детали действительно определялись Ракоши и его советниками из советских спецслужб. Это касалось и подбора персоналий на определенные роли (в том числе судей и адвокатов). Источники свидетельствуют о многочисленных указаниях Ракоши, подобных указанию подобрать на роль адвоката еврея неприятной наружности, не способного вызвать симпатий у большинства присутствующих в зале суда (см., например, письмо Г. Петера в комиссию по расследованию дела Фаркаша [16. С. 266–268]).

Уже с апреля 1948 г., но особенно после резолюции второго (июнь 1948 г.) совещания Коминформа венгерско-югославские отношения переживали не лучшие времена. Произошел ряд скандалов, связанных с высылкой венгерских дипломатов из Белграда. Кроме того, некоторые югославские дипломаты заняли сторону Коминформа, и Белград требовал их выдачи как преступников. Не меньший скандал был связан с незаконным прекращением выплаты венграми репараций, наложенных на Венгрию в пользу Югославии Парижским мирным договором 1947 г. При всем этом в течение всего 1948 г. весьма интенсивно развивались экономические отношения между двумя странами. Югославия занимала самую большую долю в венгерском импорте.

В дни процесса югославская пресса и агентство ТАНЮГ выступили с опровержением звучавших показаний. Еще накануне первого заседания суда, 15 сентября, газета «Борба» опубликовала протест 100 ветеранов югославской компартии, находившихся во время гражданской войны в Испании в рядах республиканских войск, по поводу предъявленных в предварительно опубликованном заключении обвинений в адрес югославских лидеров. Среди подписавших был К. Мразович, действующий посол Югославии в СССР, находившийся в это время в Белграде. В обвинительном акте по «делу Райка» было указано, что Мразович занимался «шпионской провокационной деятельностью в Испании и затем в концлагере», был тесно связан с Райком, организовав тайную встречу Райка с Ранковичем в октябре 1948 г., на которой будто бы обсуждался план вооруженной оккупации Югославией части венгерской территории и «физического уничтожения» отдельных членов венгерского правительства (после этого Мразович был объявлен в СССР персоной *non grata*, ему было запрещено возвращение в Москву) [2. Т. 2. С. 216–217] (см. также [4. С. 44–45]). С обвинениями в адрес югославов был связан наибольший прокол на показательном процессе – в ходе выступлений обвиняемых, в том числе самого Райка, был назван ряд югославов, которые якобы воевали вместе с Райком в Испании, хотя на самом деле их там не было. Все это не только давало югославам повод для громких протестов, но и указывало на явную надуманность обвинений, направленных на то, чтобы подлить масла в огонь антиюгославской истерии (именно в этом контексте и комментировала процесс по делу Райка западная пресса). Выне-

сение смертных приговоров по делу Райка 24 сентября повело к дальнейшей эскалации напряженности в отношениях между СССР и Югославией. Белград сразу же выступил с жесткими антисоветскими заявлениями (например, заявление видного деятеля КПЮ М. Пьяде, что нельзя считать свободной страну, экспортирующую виселицы) (подробнее о развитии советско-югославских отношений см. [4]). Резко возросла напряженность на венгерско-югославской границе. Югославы, опасаясь провокаций, продвинули к границе с Венгрией новые воинские соединения. Венгерское правительство в свою очередь попросило СССР увеличить советский воинский контингент, находившийся на территории Венгрии в соответствии с Парижским мирным договором 1947 г. для поддержания коммуникаций с советской зоной оккупации в Австрии, и эта просьба была выполнена. Как писал Ракоши позже в мемуарах, «югославы, вполне понятно, ожесточенные тяжелыми и, как потом выяснилось, беспочвенными обвинениями в свой адрес, которые прозвучали во время процесса, с пеной у рта нападали на нас и, в особенности, на меня лично. Отношения с ними все более ухудшались, один инцидент следовал за другим» [6. С.132–133].

Райк до самого конца процесса послушно играл роль, отведенную ему по сценарию. В последнем слове он осудил Тито и его «американских хозяев». Главный обвиняемый проявлял даже слишком большую готовность признать собственные преступления и, более того, выступить в качестве рупора для изложения коминформовской версии событий, что заставило западных наблюдателей сомневаться в достоверности показаний, проводя при этом параллели с большими московскими процессами 1936–1938 гг. По сообщениям западных посольств, многие венгерские коммунисты верили в невиновность Райка, который был довольно популярен в партийной среде. В свою очередь люди, далекие от партии, зачастую оставались безразличны к процессу, считая его внутренней разборкой в среде коммунистов (об отклике западных дипломатических служб см. [10. № 3. С. 178–179]).

В советских внешнеполитических структурах не было полной удовлетворенности проведенным показательным процессом. Эмиссар внешнеполитической комиссии ЦК ВКП(б), курировавший Венгрию, С.Г. Заволжский, констатировав решение задачи по разоблачению Тито, вместе с тем увидел главный недостаток в организации процесса в том, что части подсудимых и в первую очередь самому Райку «удалось разыграть из себя на процессе политических деятелей, идейных людей. Часто Райк выступал на процессе не как свидетель, а как лектор, дающий марксистский анализ прошедших событий. Вряд ли целесообразно было давать подсудимым политически разглагольствовать, а тем более когда преступники (Райк) начали в своих выступлениях агитировать за Советский Союз, за вождя трудящихся Ракоши и т.д. Средний человек, слушающий такое выступление, мог подумать, что это инсценировка» (записка в Секретариат Информбюро от 29 сентября 1949 г. См. [2. Т. 2. С. 231–232]).

Мнения об инсценированности процесса придерживались многие восточноевропейские коммунисты. В документе от 30 сентября 1949 г. зафиксировано, что чехословацкие дипломаты в частных беседах со своими румынскими коллегами рассматривали процесс по делу Райка как инсценировку, главную роль в подготовке которой сыграли московские «эксперты». «При этом они заявляют в частных беседах, что эта инсценировка подготовлена очень плохо, что в ней не сходятся концы с концами, что ряд фактов, приводимых на процессе, явно неправдоподобны и вообще процесс совершенно недокументирован»; большие московские процессы также могли быть инсценированными, однако там фигурировали более убедительные факты (из дневника советника посольства СССР в Югославии Г.П. Шнюкова. См. [11. С. 176]).

Смертные приговоры Л. Райку, Т. Сени, А. Салаи, вынесенные 24 сентября, были приведены в исполнение 15 октября. Фаркаш предлагал такую меру для всех подсудимых, но Ракоши с этим не согласился исходя из сугубо прагматических

соображений – он строил планы проведения новых процессов. По его мнению, в частности, Л. Бранкову необходимо было сохранить жизнь для дальнейшего разоблачения «клики Тито» (т.е. задачи разоблачения югославской агентуры в ВПТ не считались исчерпанными), а П. Юстусу для разоблачения некоторых бывших социал-демократов.

Процесс по делу Райка положил начало серии аналогичных беззаконных акций. Как в Венгрии, так и в других восточноевропейских странах происходили массовые аресты, готовились новые судебные процессы антиюгославской направленности (такие, как «дело Костова» в Болгарии). В Венгрии развернулась шпиономания, кампания по выявлению врагов, звучали призывы к усилению бдительности. В первую очередь были арестованы и на длительное время устранены из политической жизни те, в ком Ракоши видел конкурентов – бывшие социал-демократы Д. Марошан, А. Сакашич, один из лидеров подпольной компартии в годы войны Я. Кадар. Внутреннюю политику режима отличало стремление максимально приблизить существующую систему к сталинской модели. Имея перед глазами пример с маршалом Тито, Ракоши понимал, что любые поиски особого пути для Венгрии, как и любые центробежные тенденции внутри советского лагеря неизбежно вызовут крайне негативную реакцию в Москве. В силу этого он всячески подражал советским формам и методам, не допуская отклонения даже в мелочах. То, что могло вызвать раздражение советского руководства, категорически не допускалось. В 1951 г. даже главный национальный праздник, день начала революции 1848 г., стал рабочим днем.

Уже 28 сентября 1949 г. был расторгнут договор о дружбе, взаимной помощи и послевоенном сотрудничестве между СССР и Югославией от 11 апреля 1945 г. Были аннулированы также аналогичные договоры Югославии с другими странами. На результатах процесса по «делу Райка» базировалась резолюция состоявшегося в ноябре 1949 г. под Будапештом третьего совещания Коминформа. Ветеран венгерской компартии, видный деятель коммунистического движения стал главным действующим лицом грандиозного политического спектакля, срежиссированного в угоду Сталину и призванного послужить компрометации его заклятого политического врага, не покорившегося сталинскому диктату югославского лидера Тито. Получив резонанс во всем мире, суд по «делу Райка» стал ключевым звеном в массивной антиюгославской кампании, позволившем через ужесточение обвинений вывести ее на новый виток конфронтации. Отныне на основании материалов будапештского судебного процесса югославские лидеры объявлялись уже не ревизионистами, а шпионами и убийцами. Ставилась практическая задача создания в Югославии новой, подпольной компартии, ведущей борьбу за освобождение страны от «ига узурпаторов».

Груз «дела Райка» стал фактором, резко затруднившим последующее сближение Венгрии и Югославии – уже после смерти Сталина, в условиях, когда Москва взяла курс на примирение с Тито (см. [18]). Показательно, что посетивший в июне 1956 г. СССР с долгосрочным визитом Тито принципиально отказался ехать через Венгрию, чтобы не встречаться с Ракоши, неприязнь к которому он продолжал активно демонстрировать.

После смерти Сталина руководители СССР, пойдя на сближение с титовской Югославией (подробно см. [4]), были заинтересованы в нейтрализации последствий «дела Райка», что было невозможно без признания незаконности самого дела. У Хрущева и других членов Президиума ЦК КПСС не было сомнений в том, что дело сфальсифицировано и его необходимо закрыть в интересах примирения с Тито. Об этом прямо было заявлено на июльском пленуме ЦК КПСС 1955 г., посвященном задачам нормализации советско-югославских отношений (доклад Хрущева 9 июля 1955 г. на пленуме ЦК КПСС «Об итогах советско-югославских переговоров» см. [17. Ф. 5. Оп. 30. Д. 88]). Базировавшаяся на «деле Райка» резолюция третьего совещания Коминформа «Югославская компартия во власти убийц

и шпионов» признавалась несправедливой; по согласованию с другими партиями, входящими в Информбюро, летом 1955 г. она была отменена. Вместе с тем в соответствии с привычной партийной риторикой тех лет главная ответственность была возложена на Берию, Абакумова и других «врагов народа», сфабриковавших «дело Райка» и использовавших ложные показания его фигурантов для раздувания кампании против югославских руководителей. Ракоши ничего не оставалось как принять эту версию и начать излагать ее на партактивах ВСРП. Уже в середине 1955 г. он под давлением Москвы в обтекаемой форме был вынужден признать несправедливость выдвигавшихся в ходе сентябрьского процесса 1949 г. обвинений против Югославии, к концу осени последовала негласная реабилитация Райка, о которой объявили лишь после XX съезда КПСС. Хотя задача укрепления позиций Ракоши в ВПТ и стране была решена, в более долгосрочной перспективе венгерский коммунистический лидер проиграл и позже, после исключения из партии, в написанных в СССР в условиях опалы мемуарах должен был признать контрпродуктивность своей политики, только способствовавшей росту международного авторитета Тито, не покорившегося Сталину. По-прежнему пытаюсь снять с себя ответственность за «дело Райка», он назвал его «одной из самых успешных провокаций империалистов», причинившей огромный ущерб мировому коммунистическому движению, поскольку «жаждавшие мести югославские руководители в 1956 году изо всех сил поддерживали все то, что могло служить им удовлетворением за нанесенные в прошлом обиды», играя, таким образом, на руку «контрреволюции» [6. С. 133].

Позиции Ракоши в ВПТ значительно ослабли после XX съезда КПСС, так что он уже не смог воспротивиться созданию специальной партийной комиссии, расследовавшей «дело Райка». Попытки полностью переложить ответственность на Берию и его людей, а также на бывшего члена Политбюро и министра обороны М. Фаркаша и бывшего шефа госбезопасности Г. Петера, оказались безуспешными. В канун назначенного на июль 1956 г. пленума ЦК ВПТ была подготовлена записка Г. Петера, раскрывающая конкретный «вклад» Ракоши в фабрикации «дела Райка» (лидер ВПТ постоянно давал указания следователям, а в ходе процесса – судьям, собственноручно редактировал обвинительное заключение). Ее оглашение на пленуме при существующем раскладе сил неминуемо повело бы к отстранению первого лица в партии от занимаемой должности. Не дожидаясь выхода событий из-под контроля, посетивший Венгрию член Президиума ЦК КПСС А.И. Микоян настоял на добровольной отставке Ракоши, причем западные наблюдатели не без оснований комментировали отказ Москвы от поддержки Ракоши как уступку Тито (подробнее о миссии Микояна см. [9]). Решающая роль Ракоши в подготовке дела Райка была ясна значительной части партактива и без записки Петера. Ведь еще 30 сентября 1949 г., вскоре после окончания процесса, он говорил на одном из партсобраний: «Разработать план разоблачения было не так-то просто, и должен сказать, что я пережил немало бессонных ночей, пока этот план не обрел наконец конкретные очертания» [19. 656 о.]

Уход Ракоши был с удовлетворением воспринят в Югославии – не только руководством Союза коммунистов Югославии (СКЮ), но и более широкими общественными слоями. Тем самым открылись возможности для активизации двусторонних отношений, процесс этот был, однако, в значительной мере осложнен венгерскими октябрьскими событиями 1956 г., в оценке истоков и характера которых проявились разногласия между КПСС (а также кадаровской ВСРП) и СКЮ (см. [20]). Известно, что именно торжественное перезахоронение останков Ласло Райка 6 октября 1956 г. явилось своего рода прелюдией к венгерской революции – был преодолён определенный психологический рубеж, народ впервые вышел на улицы, почувствовав в себе достаточно сил для сопротивления тоталитарной власти (см. [9]). Опубликованные в те же дни свидетельства вышедшего на свободу П. Юстуса о якобы особой позиции Райка в отношении конфликта с Югославией

[7. С. 310–313] сильно будоражили общественное мнение, усиливали проюгославские симпатии в реформаторских кругах ВПТ.

Направленный на дискредитацию Тито в международном масштабе процесс по «делу Райка» не достиг своей цели, но оставил глубокий след в исторической памяти югославского политического класса. В 1958 г., когда в Будапеште готовился судебный процесс по делу Имре Надя, обвинявшегося в капитуляции перед «контрреволюцией» в 1956 г., в Белграде были всерьез обеспокоены в связи с возможным повторением сценария 1948 г. Беспокойство, однако, оказалось излишним и прежде всего потому, что в Москве сумели извлечь уроки как из советско-югославского конфликта, так и из «дела Райка». Как отмечалось в закрытом письме ЦК КПСС парторганизациям о советско-югославских отношениях (май 1958 г.), критика югославского ревизионизма «не должна вылиться в крикливую перепалку», нельзя задевать национальные чувства югославы, критика должна быть «аргументированной и вестись в спокойном тоне, не впадая в крайности 1949–1953 гг.» [17. Ф. 3. Оп. 14. Д. 207. Л. 75]². К началу 1960-х годов новая кампания критики югославского ревизионизма себя исчерпала, со стороны КПСС признается право Югославии на свой путь к социализму как порождение конкретных и неповторимых специфических условий. Это придало в свою очередь новый импульс успешно развивавшимся венгерско-югославским отношениям.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Кимура К.* Под знаком дунайского содружества. Венгерско-югославские культурные связи в 1945–1948 годы // *Славяноведение*. 2010. № 5.
2. *Восточная Европа в документах российских архивов*. 1944–1953. М.; Новосибирск, 1997–1998. Т. 1. 1944–1948; Т. 2. 1949–1953.
3. *Arhiv Srbije i Crne Gore*. F. Kabineta Maršala Jugoslavije. 1–3-b. 420. Л. 5–6.
4. *Едемский А.Б.* От конфликта к нормализации. Советско-югославские отношения в 1953–1956 годах. М., 2008.
5. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ).
6. «Людам свойственно ошибаться». Из воспоминаний М. Ракоши // *Исторический архив*. 1997. № 3.
7. Советский Союз и венгерский кризис 1956 года. Документы / Ред.-сост. Е.Д. Орехова, В.Т. Середя, А.С. Стыкалин. М., 1998.
8. Мемуары Н.С. Хрущева // *Вопросы истории*. 1994. № 5.
9. *Стыкалин А.С.* Прерванная революция. Венгерский кризис 1956 года и политика Москвы. М., 2003.
10. *Желички Б.Й.* Трагическая судьба Ласло Райка. Венгрия 1949 г. // *Новая и новейшая история*. 2001. № 2–3.
11. Советский фактор в Восточной Европе. 1944–1953. М., 2002. Т. 2. 1949–1953. Документы.
12. *Rainer M. János. Sztálin és Rákosi, Sztálin és Magyarország, 1949–1953 // 56-os Intézet Évkönyv*. 1998. Budapest, 1998.
13. *Rainer M.J. Távirat «Filippov» elvtársnak. Rákosi Mátyás üzenetei Sztálin titkárságának, 1949–1952 // 56-os Intézet Évkönyv*. 1998. Budapest, 1998.
14. На приеме у Сталина. Тетради (журналы) записей лиц, принятых И.В. Сталиным (1924–1953 гг.). М., 2010.
15. *Волокитина Т.В.* Политическое насилие как инструмент утверждения и консолидации коммунистических режимов в Восточной Европе и «советский фактор» (1940–1950-е годы) // *Власть и общество: непростые взаимоотношения (Страны Центральной и Юго-Восточной Европы в XX веке)*. М., 2008.
16. *Сас Б.* Без всякого принуждения. История одного сфабрикованного процесса. М., 2003.
17. Российский государственный архив новейшей истории (РГАНИ).
18. *Стыкалин А.С.* Советско-югославское сближение (1954 – лето 1956 гг.) и внутривосточная ситуация в Венгрии // *Человек на Балканах в эпоху кризисов и этнополитических столкновений XX века*. СПб., 2002.
19. *Társadalmi Szemle*. 1949. № 10.
20. *Стыкалин А.С.* Советско-югославские отношения и внутривосточная ситуация в Венгрии в условиях кризиса 1956 г. // *Spoljna politika jugoslavije. 1950–1961. Zbornik radova*. Beograd, 2008.

² Выражаю благодарность А.С. Стыкалину за указание источника.

© 2012 г. Ар.А. УЛУНЯН

ГОТОВИЛСЯ ЛИ ПЕРЕВОРОТ В АЛБАНИИ? «ДЕЛО Т. СЕЙКО»: ВЕРСИИ

На основании имевшихся ранее и опубликованных недавно в Албании документов автор рассматривает различные версии так называемого заговора Теме Сейко в вооруженных силах Народной республики Албания. Основное внимание уделено малоизвестным обстоятельствам событий 1960–1961 гг.

The author drew on both earlier available and recently published documents in Albania that deal with several version of alleged coup d'etat that has been planned by a group of rear-admiral and commander of the Albanian navy Teme Sejko. Lesser known details of the events of 1960–1961 were analyzed in the article.

Ключевые слова: военный переворот, Народная республика Албания, Теме Сейко, вооруженные силы Народной республики Албании.

Одной из особенностей тоталитарных коммунистических режимов являлась закрытость информационных каналов для общества, в котором властями насаждались удобные для них в политическом смысле «информационные конструкты». Происходящие внутри правящего слоя процессы трактовались публично через призму различных интерпретаций марксистско-ленинской доктрины с учетом существовавшей «национальной специфики». Именно данное обстоятельство способствовало тому, что многие события того времени, не будучи подтверждены документально, получили в общественном дискурсе «народное изложение» в виде порожденных закрытостью слухов, мистифицированных нарративных конструкций или специально распространявшихся властями, не уверенными в результативности собственной пропаганды, искусственно созданных из выдуманных и содержавших отрывочные достоверные сведения версий. К числу продолжающих оставаться наименее изученными, хотя и получившими после крушения Восточного блока возможность быть все-таки исследованными, относятся попытки решения силовым путем противоречия в высших эшелонах власти в рамках существовавших в Восточной Европе коммунистических режимов, а также место и роль различных группировок в этом процессе с учетом вовлеченности в подобные события «внешнего фактора». Особый интерес представляют факты реальной и «мнимой» военной оппозиции в период существования коммунистических режимов. Несмотря на появившиеся в 90-е годы XX в. научные исследования, базирующиеся как на документальных материалах национальных архивов, так и на воспоминаниях участников событий, тема военных заговоров и даже попыток военных переворотов продолжает оставлять широкое поле для исследований.

Улунян Артем Акопович – д-р ист. наук, ведущий научный сотрудник Института всеобщей истории РАН.

К числу таковых относятся события 1960–1961 гг. в коммунистической Народной республике Албании (НРА), вошедшие в историю как «заговор Теме Сейко».

Усиление изоляции Албании в Восточном блоке создавало проблемы для ее руководства, которое было заинтересовано в том, чтобы не допустить дистанцирования Тираны от СЭВ и ОВД как по политическим, так и экономическим причинам, но, сохраняя при этом, полную автономию во внутривнутриполитических делах и определении внешнеполитического курса по отношению к конкретным членам Восточного блока, не входящим формально в него: Федеративной народной республикой Югославия (ФНРЮ) и Китайской народной республикой (КНР). Все более конфликтными становились взаимоотношения между СССР и коммунистической Албанией, усиливалось и без того жесткое противостояние с ФНРЮ, а с соседней Грецией – членом НАТО отсутствовал мирный договор. Режим Э. Ходжи использовал сложившуюся ситуацию в пропагандистских целях, чтобы подчеркнуть перманентно существующую угрозу для Албании, несмотря на то, что она продолжала сохранять свое членство в Организации Варшавского договора. Весна 1960 г. стала одним из важных этапов для внутривнутриполитического развития НРА. Череда событий свидетельствовала о начале пока еще не очевидных для внешних наблюдателей, как, впрочем, и самих граждан страны, процессов. Одним из первых знаковых событий стало посещение главой режима Э. Ходжей 25 апреля южной границы Албании с Грецией. Такие поездки в прошлом, как правило, использовались им для того, чтобы заявить о необходимости защиты страны от агрессии со стороны Греции, где довольно часто слышались призывы освободить Северный Эпир, как в греческой исторической традиции называется южная часть Албании. Однако на этот раз, помимо призывов к бдительности, прозвучали слова о том, что необходимо уделять особое внимание «чистоте партии» и ее «монolithicности» [1. Ф. 204–226].

В определенной степени это было связано со стремлением главы Албанской партии труда (АПТ) усилить консолидацию не только партийных рядов, но и всего албанского общества в условиях набиравшего силу советско-албанского партийного конфликта, когда Тирана уже открыто начала поддерживать Пекин в его споре с Москвой. Так называемые идеологические противоречия АПТ с КПСС, по сути, являлись проявлением более серьезного процесса – стремления Ходжи не допустить каких-либо изменений, способных подорвать его власть и исключить «советский фактор» из внутривнутриполитической жизни страны как опасный для него лично. Поэтому призывы к укреплению партийных рядов имели вполне конкретное содержание и были, одновременно, сигналом для внутренней и внешней аудитории: борьба с несогласными в рядах АПТ усилится.

В самом албанском обществе внимание привлекли события, имевшее более зримые последствия. 26 апреля 1960 г. скоропостижно скончался от кровоизлияния в мозг, как об этом сообщил 27 апреля орган ЦК АПТ газета «Zëri i popullit», начальник управления Министерства внутренних дел в Шкодре 38-летний генерал-майор Хилми Сейти. В городе распространились слухи о том, что смерть – не трагическая случайность и к ней имеют отношения сами власти, которые организовали 28 апреля торжественные похороны. Имея в виду особенности албанского общества, характер формальных и личных связей в нем, а также традиционный регионализм, базирующийся на земляческих и родственных отношениях, сведения о «неслучайном» характере произошедшего с Сейти имели определенные основания. Среди жителей Шкодра и его района генерал-майор стал известен после своего назначения на пост главы регионального УВД как прекративший волну репрессий, распространившихся в Южной Албании и направленных против реальных, а большей частью – мнимых врагов «народного строя». Ставшие известными в течении последних 20-ти лет после крушения коммунизма в Албании факты имеют непосредственное отношение к «делу Теме Сейко». Так, в частности, боль-

шинство свидетелей событий апреля 1960 г. в Шкодре отмечают участвовавшие в этом месяце поездки руководителей Министерства внутренних дел из центрального аппарата и лично его главы – генерал-лейтенант Кадри Хазбиу в этот город. Более того, именно в это время была проведена региональная конференция АПТ, на которой присутствовал и глава МВД. Спустя некоторое время после смерти начальника УВД Шкодры в городе распространилась информация о том, что именно в это время Хазбиу обратился к своему подчиненному – Сейти с достаточно странным предложением, но вполне вписывавшемуся в политический контекст и соответствовавший методам действий коммунистических репрессивных органов. Его суть сводилась к тому, чтобы Сейти выступил в роли, якобы, главы некой антигосударственной организации, которая связана с СССР, и затем предстал бы перед судом для того, чтобы ее разоблачить. Такова одна из версий с доминирующей советской составляющей (см., например, свидетельство современника событий, но не их участника, католического священника Зефа Плумби (Zef Plumbi) [2]).

Другая версия, но также связанная с «постановочным характером» планировавшегося процесса, имела отношение к югославо-греко-американскому «направлению» [3]. Обращение Хазбиу к Хилми Сейти с предложением не было случайным и во многом обусловлено еще и местными условиями. Глава УВД Шкодры являлся выходцем из района Чамерии – албано-греческого приграничья и северной части Греции, населенной албанцами-чамами¹.

В годы Второй мировой войны часть чамов воевала на стороне немецких и итальянских войск против греческих партизан, а другая – в составе подразделений, контролировавшихся коммунистами, среди которых был и Сейти. Так называемое «чамское братство» охватывало большое количество членов, многие из которых были вынуждены бежать из Греции после ее освобождения в Албанию, а другие, будучи антикоммунистами и противниками режима Э. Ходжи, либо остались в Греции, либо эмигрировали в другие страны. Более того, репрессии со стороны властей НРА по отношению к чамам, которые рассматривались нередко как опасный элемент, приобрели систематический характер. Именно поэтому «чамское дело» во главе с Хилми Сейти, который должен был выполнить «долг перед партией», имело широкие пропагандистские перспективы и могло вывести на несколько стран, в частности Грецию и США. Естественно, Сейти отказался от этого предложения и спросил о том, насколько осведомлено руководство страны, прежде всего, лично Э. Ходжа, о деталях плана. Не получив ответа он захотел сам выяснить это, о чем и предупредил Хазбиу (а по одной из версий и находившегося во время разговора секретаря парторганизации Шкодра). Однако спустя буквально несколько дней его срочно вызвали к секретарю партийной организации города, где, во время беседы, его угощал принимавший партийный руководитель. Буквально в этот же день Сейти скончался от «кровоизлияния».

8 мая 1960 г. Э. Ходжа отметил в своем дневнике: «Сегодня принял Иванова, который по поручению советского руководства официально обратился за получением согласия на назначение маршала Гречко командующим Объединенными силами Варшавского Договора вместо маршала Конева, который был отстранен в связи с “болезнью”. Мы дали ему согласие, но мы совершенно не уверены в происходящей смене. Конев физически не болен, но он не мыслит также как Хрущев, поэтому последний его снял и заменил. Чистки известных генералов и маршалов Советской армии продолжаются. Разумеется, что чистки лучших кадров в советских вооруженных силах продолжаются с особой силой с помощью массовой

¹ Эта версия, а также ее детали, были подробно изложены знавшим достаточно хорошо Т. Сейко профсоюзным деятелем и выходцем из г. Кониспол, где родился Сейко, Ю. Кучуку в интервью [4]. Подробнее о чамач (по-албански Çamë, а по-гречески Τσαμίτες) и роли этой проблемы во взаимоотношениях Албании и Греции в описываемый период, а также в целом см. [5].

демобилизации военных кадров. В этих условиях мы должны быть очень бдительны в вопросах обороны нашей страны!» [6. Ф. 413].

Проходившее в конце июня 1960 г. в Бухаресте совещание коммунистических партий стало еще одним этапом на пути расширения советско-албанского конфликта, когда руководство АПТ заняло сторону китайской компартии и отказалось поддержать Москву в полемике с Пекином. Выступивший 11 июля на XVII пленуме ЦК АПТ ее глава Э. Ходжа жестко осудил действия советской стороны, а сам доклад носил вполне однозначное название: «На встрече в Бухаресте были нарушены ленинские нормы взаимоотношений между партиями» [7. Ф. 38–61].

В августе 1960 г. Управление государственной безопасности Албании, или сокращенно Сигурими (Drejtori e Sigurimit të Shtetit) обнаружило, как было сообщено, в среде высшего военного и партийного руководства лиц, готовивших государственный переворот. Среди арестованных были контр-адмирал Т. Сейко, получивший военное образование в СССР и занимавший в 1947–1960 гг. ответственные посты в военной разведке албанских вооруженных сил, а в последние годы возглавлял ее, являясь начальником Оперативного управления Министерства обороны, а также ряд партийных функционеров режима – Т. Деми, А. Ресули и др. Количество арестованных достигло в сентябре 1960 г. более 200 человек из числа военных и гражданских лиц, многие из которых были выходцами с юга Албании. Для большинства граждан Албании произошедшее было неожиданностью, несмотря на то, что уже на протяжении 40–50-х годов XX в. многие из известных партийных и государственных деятелей страны, входивших в высшую номенклатуру, уже не раз объявлялись врагами или иностранными агентами (в частности, югославскими) за что были осуждены и казнены. Внутрипартийная борьба в АПТ, в которой группа во главе с ее руководителем Э. Ходжей и его ближайшим сподвижником – премьер-министром М. Шеху, фактически уничтожала любых возможных конкурентов и претендентов на власть, не являлась секретом для многих в Албании. Репрессии коснулись не только осужденных, но и их семей. Однако сам факт обвинения главнокомандующего ВМС Албании Т. Сейко и высших представителей партийной номенклатуры, проявивших себя в годы антифашистской борьбы, в заговоре с участием иностранных сил было достаточно необычным. Весьма примечательным в данном контексте является сложившаяся в оперативных документах Сигурими терминология, служившая для «классификации», при явном влиянии партийной традиции, тех, против кого были направлены действия госбезопасности. Они делились на «политических эмигрантов», «экономических эмигрантов», «беженцев», «политическую эмиграцию», «экономическую эмиграцию», «албанскую реакционную политическую эмиграцию», «реакционные организации». Инкриминируя факт «враждебной деятельности» лицам и организациям, Сигурими избегала упоминания в этом случае словосочетания «враждебная деятельность против Албанской партии труда» и использовала вместо этого другое – «враждебная деятельность против Народной республики Албании»². Целью подобной подмены являлось стремление сформировать представление о том, что все политические противники коммунистического режима являются, прежде всего, врагами страны и не допустить разделения понятий АПТ и албанского государства.

Само «югославское направление» в контексте деятельности Управления политической разведки (Drejtori i Zbulimit Politik) в этот период было связано с отслеживанием ситуации, складывавшейся в ФНРЮ с многочисленными беженцами и эмигрантами из Албании³, а также, в частности, одним из наиболее видных оп-

² Подробнее об этом см. статью С. Накучи, получившего доступ к документам Сигурими [8].

³ Всего за время албано-югославского конфликта в Югославию перебрались 30 тыс. беженцев, которые имели собственную политическую организацию, насчитывавшую 9 тыс. членов и возглавлявшуюся профессором А. Танефи (подробнее в [9]).

понентов режима Э. Ходжи, бывшего члена ЦК АПТ, бывшего заместителя министра обороны генерал-майора П. Пляку, бежавшего из НРА в Югославию 16 мая 1957 г.⁴

3 августа 1960 г. на встрече Э. Ходжи с членом политбюро К. Ташко, который входил в состав руководства АПТ, последний сообщил о негативных оценках Н. Хрущевым происходящих в АПТ процессов. В ответ Ходжа обвинил Ташко в том, что он проводил несанкционированные встречи с советскими официальными лицами, и, в частности, послом В.И. Ивановым, интересовавшимся повесткой дня предстоявшего пленума АПТ [11. Ф. 84–104]. Особое внимание албанской контрразведки привлекла деятельность подполковника И. Колчина, являвшегося членом советского военного персонала в Албании, а также слова «будьте настоящими военными» советского посла В.И. Иванова, обратившегося во время встречи в посольстве к албанским офицерам и генералам 6 августа 1960 г. с подобным призывом. Внимание к албанским вооруженным силам и их идейно-политическому состоянию с советской стороны было традиционным. Еще во второй половине 1950-х годов представители советского военного руководства высказывали мнение о том, что «албанская армия боеспособна. Она имеет хорошие кадры офицерского состава, которые на 100% являются членами партии труда, большинство из них проходило обучение в Советском Союзе. Солдаты, сержанты и офицеры на проведенном учении показали хорошую выносливость и втянутость при действиях в горах. Идеологическое воспитание в армии поставлено хорошо» [12. С. 179].

На этот раз слова советского представителя были расценены албанской стороной как провокация и открытое подстрекательство к действиям против руководства страны (см. [13]). 6 августа 1960 г. ЦК АПТ направил в адрес ЦК КПСС письмо, содержавшее протест по поводу поведения посла СССР в Албании В.И. Иванова, а также секретарей посольства К. Новикова и Ф. Беспалова. Их действия были охарактеризованы как вмешательство во внутренние дела АПТ и антиалбанские. Обращает на себя внимание пассаж послания, имевший непосредственное отношение к проблеме армии и ее роли во внутривнутриполитической жизни страны, что было продемонстрировано самой тональностью составленного при активном участии Э. Ходжи письма: «Нас сильно задело особенно поведение советского посла товарища Иванова, который недавно зашел так далеко в своем недружественном отношении к нашей партии, что имел смелость публично обратиться к нашим генералам и офицерам на аэродроме Тираны со странным и провокационным вопросом: “Кому верно воинство?” Наши генералы дали ему сразу же правильный ответ и обратились с жалобой в Центральный Комитет партии, возмущенные таким тенденциозным вопросом товарища Иванова, и задаются логичным вопросом: “Почему он задал такой вопрос? Почему он ставит под сомнение преданность нашей армии нашей партии, родине, народу и социалистическому лагерю?” Для всех нас поведение советского посла товарища Иванова является полностью неприемлемым» [14. Ф. 107]. Уже в 1950-е годы и особенно их второй половине, албанские органы госбезопасности пристально следили за действиями советского военного персонала в НРА и получали сведения о вербовочных подходах советской разведки (судя по всему – военной) к военнослужащим албанских вооруженных сил, что отмечали в своих информационных материалах [13].

Курс на локализацию тех, кто мог оказаться в «просоветской фракции» в АПТ был продолжен в конце лета 1960 г. 30 августа на заседании политбюро ЦК АПТ Э. Ходжа осудил в речи действия члена политбюро Л. Белишовой за ее позицию (критическую) по отношению КНР [15. Ф. 132–153], а спустя день он уже назвал

⁴ Панайот Пляку (1919–1966) являлся автором книги «Насилие над албанской революцией», изданной в 1984 г. на сербском языке. В 1985 г. она была опубликована в Косово на албанском языке [10].

К. Ташко оппортунистом и карьеристом [16. Ф. 154–167]. Вновь было заявлено о том, что Ташко без разрешения на то, по собственной инициативе, встречался с послом СССР Ивановым и секретарем посольства Новиковым, что рассматривалось Ходжей как неприемлимое для одного из высших руководителей партии поведение. 9 сентября 1960 г. газета «Zëri i Popullit» опубликовала решение ЦК партии от 8 сентября о смещении Л. Белишовы и К. Ташко со всех партийных постов.

Тем временем, с момента ареста в августе 1960 г. и вплоть до февраля 1961 г. о судьбе Т. Сейко и группы других высших партийных и государственных деятелей власти ничего не сообщали.

Первая официальная и в то же время крайне осторожная в части, касавшейся трактовки событий, информация о подготовке заговора и его раскрытии была дана в выступлении 13 февраля 1961 г. на IV съезде АПТ Э. Ходжи, который заявил: «Титоистская Югославия вместе со своим союзником Грецией при координации с VI американским флотом в Средиземноморье составили заговор против свободы, независимости и суверенитета нашей родины. Я могу заявить съезду, народу, партии, что эти два государства, Югославия и Греция, в сотрудничестве с VI американским флотом в Средиземноморье, организовали несколько месяцев назад заговор против Албании с целью ликвидации Народной республики Албании. Это преступный заговор был полностью сорван. Заговорщики и факты находятся в руках народного правосудия. Этот глупый заговор был сорван нашей героической партией, народом, армией и силами государственной безопасности, которые как всегда бдительно стоят на защите нашей родины и народа» [17. Ф. 115]. В опубликованном в XX томе сочинений Э. Ходжи в 1976 г. «Докладе на съезде АПТ “О деятельности Центрального комитета Албанской партии труда. 13 февраля 1961 г.”» при сохранении самого текста, в отличие от аналогичного издания 1961 г., было добавлено примечание, касавшееся именно «дела Сейко» и имевшее отношение к оценке руководителем АПТ планов СССР и его союзников. Оно было призвано объяснить что именно скрывается за фразой «заговор против Албании с целью ликвидации Народной республики Албании» и давало уже более детальную трактовку событий, участниками которых назывались не только те, о ком говорилось на съезде: «Речь идет о контрреволюционном заговоре, подготовленном тайной антигосударственной организацией, во главе которой были старые агенты иностранных служб. Их контрреволюционный план сочетался с вооруженной интервенцией из-за рубежа. Как было доказано позже, об этом плане было осведомлено советское ревизионистское руководство, которое рассчитывало на его использование в собственных целях» [17. Ф. 115]. Обращение к теме возможного заговора было серьезно воспринято как в греческих правящих кругах, так и на западе, где, судя по всему, не были заинтересованы в смещении Э. Ходжи и приходе нового руководителя, который был бы связан с СССР. «Югославский фактор» также имел значение в складывавшейся ситуации. В Афинах опасались того, что Белград при поддержке Москвы организует переворот в Албании и установит дружественный режим [18. Σ. 67]. В Белграде достаточно остро реагировали на любые обвинения со стороны Тираны по поводу подготовки югославскими властями каких-либо действий в отношении Албании и в свою очередь заявляли о враждебной политике албанского руководства (см., например [19]).

Одновременно с заявлениями о раскрытии заговора, в присутствии советской и восточноевропейских партийных делегаций на съезде АПТ, албанское партийно-государственное руководство однозначно негативно оценило позицию СССР и, наоборот, поддержало точку зрения руководство коммунистического Китая.

Конфликт между НРА и СССР приобрел свою остроту в конце зимы – начале весны 1961 г. Москва, а также Прага, являвшаяся по значимости оказываемой Тиране помощи одним из главных партнеров, пригрозили прекращением сотрудничества в случае, если албанская сторона не изменит своего отношения.

В марте 1961 г. Албания не была приглашена на заседание Политического консультативного комитета (ПКК) Варшавского договора. Решение Президиума ЦК КПСС, принятое в марте 1961 г., легализовало ликвидацию базы во Влере, что было крайне остро воспринято в Тиране. Албанские власти, пытаясь не допустить ухода ряда военно-морских судов (включая подводные лодки), а также вспомогательной техники, предприняли шаги по ее блокированию с использованием поставленных ранее СССР вооружений (береговой артиллерии, минных заграждений и т.д.) Поэтому выход из территориальных вод базы Влеры оказался для советских военных судов серьезно затруднен и Москва была вынуждена оставить часть плавсредств и судов ВМФ, включая четыре подводные лодки, в распоряжении албанцев [20].

Обмен письмами между главнокомандующим Объединенными вооруженными силами Варшавского договора маршалом СССР А. Гречко и министром обороны НРА генерал-полковником Б. Балуку (25 февраля, 27 марта, 28 марта), а также памятными записками (22 марта и в июне 1961 г.) свидетельствовали о приближении разрыва между Москвой и Тираной, что, в свою очередь, влияло на отношения Албании с Варшавским блоком. В начале апреля 1961 г. Э. Ходжа писал в дневнике, дав соответствующий заголовок этой записи – «Хрущев, Тито и Гомулка – примеры опасной банды международных ревизионистов»: «Они (имелись в виду члены ОВД под руководством СССР. – *Ap. V.*) срезали экономическую и военную помощь нашей стране и, желая прикрыть заговор Тито против нашей страны, заявили о своем праве контролировать процесс над Теме Сейко, что не имеет прецедента в истории суверенных государств. Они угрожают нам выводом военно-морской базы из Влеры, предоставляя свободу рук американскому VI флоту в Средиземноморье. Они обвиняют нас в поджигательстве войны и создании препятствий для [мирного] сосуществования на Балканах и догматизме» [21. Ф. 71]. Начало процесса было отмечено главой АПТ в дневниковой записи, имевшей заголовок «Теме Сейко – агент иностранных служб», всего одним предложением: «Начался суд над группой предателя Теме Сейко, агента греческой, югославской и американской служб» [22. Ф. 102].

Параллельно с ухудшением албано-советских отношений и усилившейся изоляции НРА в Восточном блоке активизировалось сотрудничество между Тираной и Пекином, включая и исключительно специфические направления. Обращение к теме возможной реакции китайского партийно-государственного руководства на действия советской стороны в отношении Тираны становилось в данном контексте закономерным. Сотрудничество между коммунистическими режимами Албании и Китая, которые оказались изолированы в коммунистическом блоке, приобрело в начале 60-х годов XX в. устойчивый и доверительный характер, что начало проявляться в области обороны и безопасности. Министерство внутренних дел Албании активно сотрудничало с Министерством государственной безопасности КНР в вопросах добычи и реализации разведывательной информации по широкому спектру политических [23] и военных вопросов, главными из которых являлись конкретные военно-политические действия любых государств в географических регионах нахождения двух стран и внешняя политика стран Западного и Восточного блоков в отношении Тираны и Пекина. Интенсивность обмена разведанными за первое полугодие 1961 г. была достаточно высокой о чем свидетельствует предоставление албанской стороной 16 информационных сообщений в адрес Министерства государственной безопасности КНР⁵.

В предоставляемых китайским партнерам разведывательных материалах албанская сторона нередко косвенно связывала схожесть действий в отношении

⁵ Текст благодарственного письма министра государственной безопасности КНР Сю Фу Джи в адрес министра внутренних дел НРА Кадри Хазбиу 26 VI 1961 см. [24]. Точное количество аналогичных сообщений от китайской стороны пока не приводилось в открытой печати.

Албании и Китая «недружественных и враждебных политических сил» (государств), что, вероятно, было призвано, по мнению Тираны, подчеркнуть объективную необходимость тесного союза между двумя странами. В начале февраля 1961 г. министр внутренних дел Албании генерал-лейтенант К. Хазбиу направил информационное письмо с разведанными, полученными его ведомством по линии Управления государственной безопасности, своему коллеге – министру государственной безопасности КНР Сю Фу Джи. В соответствии с данными, которыми располагала албанская сторона «главный штаб морской пехоты и ВВС приняли решения об усилении в течение 1961 г. сил поддержки VI-го флота в Средиземном море и VII-го флота и в Тихом океане». В число планировавшихся мер входило: увеличение авианосных единиц; усиление присутствия сил авиации в прилегающих к акватории Средиземного моря территориях и конкретных районах Тихого океана (прежде всего, на Тайване, названном в албанском документе Формозой); совершенствовании системы командных пунктов с использованием средств воздушного базирования, а также разработка новых видов системы раннего предупреждения. Тирана предоставила Пекину информацию о разработке тайваньскими военными противовоздушного оружия – ракет, а также копии наставлений для вооруженных сил НАТО по вопросам организации и проведения наступательных и контр наступательных действий. Помимо общей военно-технической информации албанская сторона направила китайским партнерам данные о подготовке кадров переводчиков в вооруженных силах США и оперативную информацию о зарубежных американских дипломатических представительствах [25].

Отслеживание военно-политической обстановки в регионах, представлявших взаимный интерес для Тираны и Пекина, позволили албанской разведке выступить в роли серьезного партнера разведывательной службы КНР. Одним из направлений деятельности Управления безопасности МВД НРА было ведение работы по военно-политическому блоку СЕАТО. Это было особенно важно, учитывая зону ответственности альянса, имевшего выход на регионы, близкие географически как к Албании, так и КНР. Албанские органы разведки передали китайским коллегам весной 1961 г. информацию о составе и численности вооруженных сил стран-членов блока на конец 1960 – начало 1961 гг. [25]. Особое место в работе албанской разведки по СЕАТО занимала военно-политическая составляющая этого союза. Ценность полученных Тираной данных о характере происходивших в блоке процессов заключалась в том, что они касались вопросов военно-стратегического планирования и взаимоотношений союзников по региональному пакту. Именно поэтому добытые сведения были направлены в Пекин, где также внимательно следили за происходящим в СЕАТО, так как это затрагивало его взаимоотношения со многими членами организации, в частности, Пакистаном, рассматривавшимся как союзник КНР против Индии. Несмотря на предупреждение албанской стороны о том, что «информация требует проверки», полученные сведения во многом отвечали действительности. Тиране, и, соответственно, Пекину стало известно о том, что на заседании представителей стран-членов СЕАТО, проходившем 27–29 апреля 1961 г. в Анкаре, «Турция, Иран и Пакистан обратились с просьбой об увеличении экономической и военной помощи к США», однако американцы не дали никаких обещаний. Три названных государства выступили также с инициативой создания единого военного командования, во главе которого предложили назначить американского генерала. Американская сторона, как стало известно албанской разведке, выдвинула в ответ свои условия, заключавшиеся в том, что Пакистан и Иран разместят на своей территории ядерное оружие; Великобритания увеличит вклад в финансовое обеспечение СЕАТО; Турция, Иран и Пакистан будут вести осторожную политику в отношении арабских стран, Афганистана и Индии, а также будут противодействовать распространению комму-

низма⁶. Не меньшую важность составляли сведения, полученные из натовских военных кругов и касавшиеся позиции членов альянса по важным для коммунистической Албании и КНР вопросам. Так, в частности, относительно проходившего в Осло 8–10 мая 1961 г. заседания министров иностранных дел государств-членов НАТО, отмечалось, что «американцы стремятся усилить борьбу против социалистических стран и сделать ее более долгосрочной. В дополнение к этому они предложили, чтобы военные силы НАТО вмешивались в дела тех новых государств, в которых существует угроза коммунизма. Англичане и французы высказали свое несогласие с этими предложениями и настаивали на том, чтобы страны НАТО проводили политику переговоров. Франция оценивала ситуацию в Южном Вьетнаме более серьезно, чем в Лаосе и требовала принятия срочных мер с целью недопущения попадания Южного Вьетнама в руки коммунистов. В отношении берлинского вопроса было принято единогласное решение о том, что не может быть сделано никаких компромиссов»⁷. Как и в одном из предыдущих сообщений МВД НРА в адрес МГБ КНР албанская сторона вновь предупреждала своих китайских коллег о необходимости проверки данных. Ставшие доступными в последние годы и опубликованные архивные материалы подтверждают точность полученной Управлением безопасности МВД НРА информации (см. [26]).

26 апреля 1961 г. Кремль разорвал договор с Тираной о предоставлении советских кредитов Албании. На заседании ПКС ОВД была принята секретная резолюция, требовавшая от албанской стороны предоставить союзникам по пакту подтверждение факта нападения на Албанию со стороны Греции и VI американского флота (о чем заявляло ранее албанское коммунистическое руководство)⁸. Попытка режима Э. Ходжи сделать ссылку именно на подготовку подобного нападения, а не как на уже свершившийся факт, была воспринята в ПКС с подачи Москвы с позорением относительно намерений Тираны использовать фактор потенциальной внешней агрессии для оправдания своей позиции в споре с Кремлем о методах использования советским ВМФ базы во Влере. Поэтому Э. Ходжа постарался в начале июля 1961 г. восстановить сокращавшиеся экономические и оборонные контакты с блоком, но ему не удалось достичь этого. Более того, делегация АПТ не была приглашена на встречу компартий стран Варшавского пакта, состоявшуюся в августе того же года.

Тема шпионажа в отношении Албании и отнюдь не «империалистических держав», и даже не «титовской Югославии», была затронута лично руководителем АПТ Э. Ходжей уже 4 мая 1961 г. в беседе с партийными кадрами Элбасана. На этот раз, он, в отличие от прежних исключительно осторожных публичных высказываний, в которых избегалось упоминание советского участия в заговоре и делался акцент на югославо-греко-американских «организаторах», выдвинул совершенно иную версию произошедшего. Так, в частности, Э. Ходжа сообщил советским руководителям о том, что невозможно ставить подслушивающие устройства в посольство дружественной (имелась в виду Албания. – *Ap. V.*) страны. Это – величайший позор. К тому же, советское руководство готовило заговор и вело подрывную работу против нашей партии с тем, чтобы создать для нас трудности и сместить руководство партии и государства. Такие действия неприемлемы для

⁶ Текст письма министра внутренних дел НРА генерал-лейтенанта Кадри Хазбиу министру государственной безопасности КНР Сю Фу Джи. 8 VI 1961 [25].

⁷ Текст письма министра внутренних дел НРА генерал-лейтенанта Кадри Хазбиу министру государственной безопасности КНР Сю Фу Джи. 16 V 1961 [25].

⁸ Ссылка на планы Греции, Югославии и НАТО содержалась в письме Б. Балуку от 28 III 1961 г. [27]. Албанская версия письма была напечатана в албанской газете «Shekulli» 11 XI 2007 г. в статье под названием «Beqir Balluku-Varshavës: “Na ndihmoni, do na sulmojë Jugosllavia, Greqia e NATO!”» (Бекир Балуку – ОВД: «Мы поможем, мы атакуем Югославию, Грецию и НАТО»).

нас, кто бы их не организовывал» [28. Ф. 24]. В опубликованном в 1977 г. в XXI томе собраний сочинений Э. Ходжи содержится достаточно необычный для такого рода материалов пересказ без уточнения деталей сказанного главой АПТ, а именно: «Далее товарищ Энвер Ходжа, после того, как привел несколько фактов враждебной деятельности советского посольства в Тиране против нашей страны, продолжил» [28. Ф. 24]. При этом, если сообщение о средствах аудионаблюдения в албанском посольстве в Москве было опубликовано, то другие конкретные факты, о которых говорил Ходжа, оказались умышленно упомянутыми.

В специально изданной на русском языке в Албании книге «Судебный процесс по делу заговора, направленного на ликвидацию Народной республики Албании. Сборник материалов» особое внимание уделялось именно югославо-греческо-американской версии. Содержание этого тома свидетельствует о стремлении руководства АПТ и, прежде всего, лично Э. Ходжи, избегать прямых обвинений Москвы в подготовке переворота показать наличие угрозы для страны из-за рубежа и скрытое желание Кремля, официально игнорировавшего наличие опасности для Албании со стороны Югославии, Греции и США, использовать ситуацию для своих целей [29].

Примечательным в этом контексте был неудачный с точки зрения результатов краткосрочный визит 18 мая 1961 г. в Албанию первого заместителя министра иностранных дел СССР Н.П. Фирюбина, являвшегося генеральным секретарем ПКК государств – участников Варшавского договора и генерала армии А.И. Антонова – первого заместителя начальника советского Генштаба и начальника штаба Объединенных вооруженных сил ОВД. Они пытались склонить албанские власти к изменению их позиций по военным и внешнеполитическим вопросам. В то же время, сам визит проходил в момент проведения суда над Т. Сейко.

В июне 1961 г. «дело адмирала Сейко» нашло отражение в дневниковых записях Э. Ходжи под заголовком «Кадар сам себе вынес приговор» и имело определенные нюансы. Так, в частности, глава АПТ писал: «Янош Кадар, от имени Центрального комитета Социалистической рабочей партии Венгрии, прислал письмо, провокационное и неприемлемое для Центрального комитета нашей партии. В дополнение к подлым обвинениям в том, что мы являемся антисоветчиками и т.д., и не являемся интернационалистами, желая скрыть страх и давление, нас обвиняют в том, что мы потратили “на плохие цели” выданную нам ранее помощь в размере 15 млн рублей. Что за позор! Но самый большой позор заключается в том, что он явно защищает заговорщиков и агентов империализма, Теме Сейко и его группу. Так он сам подписал свой обвинительный приговор в отношении сотрудничества с предателями собственного народа, против Албании, за ее расчленение и ликвидацию народной власти. Это письмо является важным документом против них самих» [30. Ф. 130].

В июле 1961 г. Управление государственной безопасности (УДБ) ФНРЮ арестовало за шпионскую деятельность некоего С. Барчи, который обвинялся в попытке убийства высокопоставленного эмигранта из коммунистической Албании – генерала и члена ЦК АПТ П. Пляку. Однако в публикации югославской прессы, передавшей слова Пляку относительно его обвинений албанскими властями в подготовке переворота, говорилось и о том, что впервые с информацией о ситуации в албанских руководящих кругах накануне своего бегства в ФНРЮ генерал обратился к Москве. Отдельные зарубежные аналитики, хорошо знакомые с ситуацией в Югославии и ее взаимоотношениями с Албанией, высказывали мысль о том, что как один из вариантов развития событий могла стать поддержка советской стороной идеи смещения Э. Ходжи находившимся в Югославии Пляку [30].

Обвинения со стороны албанских властей в адрес Сейко относительно его тайных связей с Пляку и югославскими официальными лицами сталкивались с одним, но очень важным, противоречием, ставившим под сомнение всю версию о

«югославском следе». Дело в том, что будучи руководителем военной разведки албанских вооруженных сил, Т. Сейко являлся одним из организаторов антиюгославской разведывательной и подрывной деятельности, включая акции внутри самой Югославии, на что указывали не только югославские публицисты, но и далекие от оправдания титовского режима обозреватели радио «Свободная Европа» (см. [30]).

В свою очередь албанская Сигурими, используя оперативные позиции в Югославии, внимательно отслеживала жизнь и деятельность П. Пляку, регулярно составляя специальные сводки даже о его перемещениях по территории ФНРЮ [31].

О подготовке государственного переворота с участием подсудимых на «процессе Т. Сейко» и вовлеченности в подобную операцию СССР нет доступных документов, подтверждающих планирование таких действий Советским Союзом и симпатизировавших ему членов руководства Албании. Однако нет и данных, которые позволяют окончательно отвергнуть подобную версию. Российский автор, доктор исторических наук А. Окорочков в публикации под названием «Зигзаги албанской политики. 1942–1995 г.» без ссылок на источник писал: «К середине 1961 года (Т. Сейко и ряд других высших чиновников были арестованы в августе 1960 г. и о дате планировавшегося переворота албанские власти никогда не упоминали. – *Ар.У.*) в Москве был разработан план силового решения “албанской проблемы”. Он предусматривал свержение Э. Ходжи с помощью албанских коммунистов “верных социалистическим идеалам” и их последующее обращение к СССР и странам Варшавского Договора с просьбой о “военной помощи”. После этого, войска СССР и других социалистических стран, кроме Румынии, отказавшейся от участия в “помощи”, должны были войти в Албанию с севера и востока – через Югославию и с юга – через Ионическое море. “Освобождение” Албании планировалось осуществить не позднее 1 сентября 1962 года. Однако из-за обострившихся советско-американских отношений по поводу Кубы (Карибский кризис) не позволил реализовать его в намеченные сроки. Воспользовавшись отсрочкой, албанское руководство предприняло превентивные меры. Весной 1962 года, во время очередной встречи Э. Ходжи и премьера страны М. Шеху с китайскими лидерами Мао Цзэдуном и Чжоу Эньлаем была достигнута договоренность о всесторонней помощи Албании со стороны КНР. После этого в страну стали прибывать китайские военные советники, вооружение, боеприпасы. В срочном порядке стали строиться подземные укрепления, охватившие к 1968 году почти всю страну. Одновременно была произведена очередная “чистка” партийных рядов, в первую очередь государственного аппарата. В результате, в 1960–1962 годах было обновлено до 70% состава ЦК и руководство большинства министерств и ведомств. “Курировал” эти мероприятия секретарь ЦК Р. Алия, ставший впоследствии преемником Ходжи. Летом 1962 года Москва вновь вернулась к “албанскому вопросу”. Главная роль в плане “десталинизации” страны отводилась югославскому лидеру Й. Тито. В Москве полагали, что албано-китайский альянс, антититовская политика и пропаганда Тираны, а также усилившееся апеллирование Ходжи к “угнетению албанцев в Косово” вынудят Белград пойти на сотрудничество с СССР. В июле 1962 года Н.С. Хрущев запросил у Тито разрешения на пропуск войск Варшавского Договора через Югославию к албанским границам. Но, несмотря на конфронтацию с Ходжей, Тито отказался помочь Хрущеву. Более того, он конфиденциально поведал албанскому лидеру о планах Москвы и извещил Неру, Насера и Сукарно о намерении Хрущева “проучить” Тирану. Опасаясь огласки своих действий, Москва вынуждена была отступить, а достигший апогея конфликт СССР с США из-за Кубы – поменять геополитические приоритеты» [32]. В Албании данная публикация была замечена с опозданием и приведена в пересказе под названием «Российские архивы: проясняется план оккупации Со-

ветами Албании в августе 1962 г.». В материале говорилось о том, что данные почерпнуты из российского военного архива, но без уточнения его названия [33].

Как стало ясно из рассекреченных документов ЦРУ США, информация, поступавшая в «фирму» из Тираны на протяжении 1948–1961 гг., отличалась высокой степенью достоверности и наличием важных с точки зрения полноты освещения положения внутри руководства АПТ фактов. ЦРУ не раскрыло источников получения сведений и исключило из рассекреченных материалов подлинное имя (имена). Однако уровень и осведомленность источника/ов свидетельствуют о принадлежности их к высшим партийно-государственным кругам коммунистического режима (о деталях см. [34]; документ – [35]). В американском разведывательном сообщении конфликт в ОВД рассматривался с учетом проблем оборонной политики стран-участниц Варшавского пакта (см. [36]). Предполагаемая возможность прямого или косвенного использования силы со стороны Москвы в отношении албанского руководства, аналитики ЦРУ пришли зимой 1962 г. к выводу о том, что подобные действия однозначно приведут к окончательному разрыву в отношениях между СССР и КНР. В то же время, как они считали, «советское покровительство успешному государственному перевороту было бы менее очевидным делом и могло бы не привести к разрыву с Пекином» [37]. В аналитическом докладе ЦРУ, называвшемся «Советско-албанские отношения, 1940–1960 гг.» от 22 июня 1962 г., т.е. спустя два года после ареста Т. Сейко и год после вынесения ему и другим подсудимым обвинительного приговора, делалось предположение о том, что «СССР, вероятно, для укрепления собственных позиций в Албании пытался прибегнуть к свержению руководства Ходжи – Шеху. Как заявил Ходжа, КПСС направила в августе [1960 г.] письмо, в котором содержалась просьба к Албанской партии присоединиться к осуждению Китая. Когда албанцы отказались, СССР начал “неожиданное нападение” на Албанию, оказывая нажим на определенных руководителей с тем, чтобы они выступили против албанского руководства и подстрекал армию свергнуть партийное руководство. Существуют серьезные доказательства в пользу обвинений со стороны Ходжи. К сентябрю [1960 г.] французское, итальянское и турецкое посольства в Тиране получили информацию о сорванном заговоре армии в начале августа, целью которого было свержение албанского руководства. Перебежчики в Греции также сообщают некоторые подробности. В соответствии с этими рассказами, в заговор был вовлечен командующий албанскими военноморскими силами, вице-адмирал Сейко, три армейских генерала и многочисленные офицеры среднего уровня, а также несколько партийных и государственных региональных руководителей. Заговор был подавлен на ранней стадии, и около 200 человек было арестовано. Западные [дипломатические] представители в Тиране в это время отметили признаки нервозности среди албанских руководителей и изменение в поведении дипломатов блока [Восточной Европы], которые начали в конфиденциальном порядке рассказывать своим западным коллегам о широком недовольстве, распространившемся среди албанских масс [населения] и трудностей, с которыми столкнулся режим. Было также отмечено, что советский посол Иванов был отозван в Москву в течении августа и не вернулся. Он был заменен в январе 1961 г. Шикиным⁹. О существование заговора с целью свержения режима было публично заявлено Ходжей на съезде албанской партии в феврале 1961 г. Он осторожно охарактеризовал его, однако, как “империалистический” заговор. Три месяца спустя, в Тиране состоялся процесс над Сейко, руководителем района Элбасан, и восьмью другими, и были оглашены суровые приговоры. Советская пресса никогда не упоминала ни о заявлениях Ходжи по поводу “империалистического” заговора, ни о самом суде. За день до окончания суда 27 мая, однако,

⁹ Шикин Иосиф Васильевич (1906–1973) – генерал-полковник, посол СССР в НРА в 1961–1962 гг.

СССР вывел полностью военно-морскую базу и начал полномасштабный отзыв военного, дипломатического и технического персонала из Албании. При раскрытии и срыве заговора в августе ни Москва, ни Тирана не предприняли дальнейших серьезных усилий по маскировке разногласий, развившихся между ними. Москва начала использовать рычаги, находившиеся в ее распоряжении, исключая прямую военную интервенцию, с тем, чтобы заставить албанцев подчиниться, а руководство в Тиране жестко двигалось по пути ликвидации любых подозрительных просоветских элементов в партии» [38].

К сожалению, до сих пор архивные материалы, относящиеся к «делу Т. Сейко», пока остаются недоступны в полном объеме как в Албании, так и в современной России. Дискуссия, состоявшаяся весной 2010 г., о степени осведомленности советского КГБ (тема ГРУ ГШ в ней не затрагивалась) и американского ЦРУ не прояснила данного вопроса¹⁰.

К осени 1961 г. взаимоотношения между СССР и НРА испортились окончательно. В октябре 1961 г. Н. Хрущев уже открыто заявил в речи на XXII съезде КПСС о неприемлемости политической практики и идеологических воззрений руководства АПТ, что вызвало ответную реакцию Э. Ходжи. Последний сделал жесткие заявления в адрес руководства КПСС и лично Хрущева на международной коммунистической конференции 16 ноября 1961 г. В декабре того же года Москва отозвала своих дипломатов из Албании и обратилась к Тиране с заявлением о нецелесообразности пребывания албанского посольства в СССР, что, по сути, означало разрыв дипломатических отношений.

7 ноября 1961 г. Э. Ходжа уже открыто обвинил в своей речи Н. Хрущёва в ревизионизме и пораженьстве (имея в виду политику мирного сосуществования, поддержанную вербально Москвой в конце 50-х – начале 60-х годов XX в.)

Спустя двадцать лет после событий, в опубликованной в 1980 г. книге «Хрущёвцы», имевшей подзаголовок «Воспоминания», Э. Ходжа конкретизировал существовавшие интерпретационные «нюансы» «дела Сейко»: «Хрущёвцы, естественно, выбрали путь вражды с Народной республикой Албанией и Албанской партией труда. Они стали в своих действиях более наглыми, более оголтелыми. Известно, что в то время мы раскрыли и разгромили заговор некоторых иностранных империалистическо-ревизионистских держав, которые, в сообщничестве со своими агентами в наших рядах, хотели совершить военную агрессию против нашей страны и нашего народа. На IV партийном съезде мы заявили, что заговор был раскрыт и что заговорщики – Теме Сейко с компанией – будут держать ответ перед народным правосудием. Заговорщики своими собственными устами признали все. Именно в это время наши “друзья” – участники Варшавского Договора во главе с Хрущёвым, помимо своих угроз, заявили нам о своем намерении “направить в Албанию специальную комиссию Варшавского договора для проверки достоверности ваших заявлений о заговоре”! До чего дошла их подлость! Они хотели приехать в Албанию, чтобы добиться того, чего не добились другие. На это мы также дали им заслуженный ответ. Хрущёв исчерпал все средства. По отношению к нам он прибег ко всему: махинациям, коварству, ловушкам, шантажу, однако все эти средства оказались для него безрезультатными» [40. С. 500].

На заседании Политбюро ЦК АПТ, проходившем 5 октября 1982 г. и посвященном разбору деятельности К. Хазбиу¹¹, который к тому времени занимал пост

¹⁰ В дискуссии участвовали бывший сотрудник ЦРУ Питер Эрнст, представленный в публикации как отвечавший за албанские дела на протяжении долго времени, а также генерал-майор КГБ О. Калугин [39].

¹¹ На Пленуме ЦК АПТ 13 октября 1982 г. К. Хазбиу был снят со всех государственных и партийных постов, 15 октября того же года арестован и после проведенного закрытого судебного процесса, на котором он был обвинен в заговоре и попытке покушения на Э. Ходжу, расстрелян 10 сентября 1983 г.

министра обороны, в виде серьезного обвинения против него фигурировало заявление, сделанное лично Э. Ходжей. Он, в частности, заявил о событиях 20-летней давности и в тесной связи с самоубийством 17 декабря 1981 г. своего ближайшего сподвижника, премьер-министра М. Шеху¹², который вскоре был объявлен агентом иностранных разведок – СФРЮ, США и СССР: «Мы проанализировали тот факт, что вы раскрыли большой заговор во главе с Теме Сейко и при [его] сотрудничестве с греками, VI американским флотом и югославами. Этот заговор был также осужден на съезде партии, где мы проанализировали это событие. Но оказывается, что ты, помимо того, что Теме Сейко мог быть любым агентом, не проанализировал никак [тот факт], что это была совместная работа Мехмета Шеху, Бекира Балуку¹³, советских с участием советского ВМС, которые напали бы на нас» [42]¹⁴.

Примечательным в этом контексте было обвинение в адрес К. Хазбиу, сделанное Э. Ходжей и заключавшееся в «конструировании» легенд, т.е. своего рода сценариев, которые служили основанием для проведения госбезопасностью репрессий в отношении конкретных лиц. Разумеется, на заседании Политбюро ничего не говорилось о роли самого Ходжи, одобрявшего подобные действия репрессивных органов возглавлявшегося им режима. К числу «легендированных» расправ было отнесено Ходжей и «дело Теме Сейко», несмотря на то, что Хазбиу, в бытность министром внутренних дел, получил как минимум согласие, а как максимум – саму идею от главы АПТ на подобные действия. На заседании 5 октября Ходжа обвинил его в том, что он сначала обсудил «легенду» (т.е. сценарий) преследования Теме Сейко с советскими представителями, а затем передал его уже главе Албании для утверждения. Ссылка на этот эпизод была неслучайной и имела прямое отношение к событиям начала 60-х годов XX в. В соответствии с докладом Хазбиу (его дата в публикации не указана, но вероятно, он относится ко второй половине лета 1960 г.) во время беседы некоего информатора албанской контрразведки с генерал-полковником А. Андреевым, назначенным в июне 1960 г. старшим представителем главнокомандующего ОВС государств – участников Варшавского договора в Албанской народной армии (в тексте документа он назван советником при Министерстве обороны НРА), последний, якобы, открыто заявил, что группа в 940 человек, которые учатся в 45-ти высших учебных заведениях и академиях СССР, может действовать в общих интересах Советского Союза и Албании. В докладе Хазбиу говорилось также, что по каналам разведки была получена информация о том, что визит Фириюбина является отвлекающим маневром и ставит целью убедить албанское руководство не отказываться от военного сотрудничества, так как у советской разведки есть данные о создании в Албании некой контрреволюционной группы, которая поддерживает отношения с Грецией и США и результатом этого сотрудничества может стать интервенция (см. [44]). Иными словами, явно просматривался «постановочный характер» действий советской стороны. В этом же документе содержались соответствующие указания на якобы имеющуюся информацию о том, что данный сценарий был разработан при активном участии советской военной и политической разведки и фактически направлен на

¹² События вокруг смерти М. Шеху до сих пор остаются не достаточно изученными.

¹³ Бекир Балуку (1917–1975) – министр обороны НСРА на протяжении 1952–1974 гг. Снят с государственных и партийных постов на 5-м пленуме ЦК АПТ, обвинен в попытке государственного переворота и после закрытого процесса расстрелян вместе с другими представителями высшей партийной номенклатуры – П. Думе и Х. Чако. В деле Балуку активное участие принимал К. Хазбиу, включая организацию тайного захоронения расстрелянных (см. об этом [41]).

¹⁴ Стенографическая запись заседания Политбюро ЦК АПТ от 5 октября 1982 г. приводится в публикации албанского автора, специализирующегося по вопросам новейшей истории Албании, профессора, полковника и преподавателя Военной академии им. Скандерберга Э. Леци, получившего доступ к этим материалам и указавшим точное место их хранения в Центральном государственном архиве Республики Албании [42].

сохранение присутствия СССР в НРА на условиях Москвы и возможном устранении Э. Ходжи от власти. Именно «легендирование» дела Т. Сейко в этой связи становилось отправным моментом уже для обвинений в 1982 г. К. Хазбиу в «сговоре» попавшим в опалу и покончившим самоубийством М. Шеху. В ходе обсуждения, а точнее – во время обвинительных заявлений, озвучивавшихся присутствовавшими членами ПБ и, прежде всего, самим Э. Ходжей, становилось ясно, что Хазбиу инкриминируется сокрытие действий М. Шеху и «замена» его на посту главного заговорщика Т. Сейко (подробнее см. [45]), при том, что основным организатором заговора уже начинал все больше выступать СССР.

Остающееся до сих пор малоизученным «дело Т. Сейко» дает основания для выдвижения нескольких версий. Первая из них связана с так называемым «чамским землячеством», против которого был резко настроен Э. Ходжа, увидевший в нем и его главных представителях угрозу собственной власти. В этой связи можно предположить, что был разработан план по дискредитации и физической ликвидации наиболее влиятельных членов землячества и основную роль в реализации данного сценария мог сыграть министр внутренних дел К. Хазбиу при скрытом участии самого Э. Ходжи. К тому же, обострение советско-албанских отношений давало основания для главы АПТ считать вероятным появление просоветской фракции в партийно-государственном руководстве. Вторая версия так или иначе связана исключительно с внутривнутрипартийной борьбой в АПТ и не имеет отношения к «чамскому землячеству» как таковому. Третья версия, при всей своей спорности, но при определенных допущениях и уже известных фактах, имеет отношение к сценарию, разработанному советским партийным руководством, когда при использовании оперативных возможностей советских специальных служб различной ведомственной подчиненности, руководству АПТ была внушена мысль о существовании заговора, на роль руководителя которого сами албанские руководители нашли наиболее подозрительного с их точки зрения человека из числа высшей партийно-государственной номенклатуры. Не менее правдоподобным может считаться и вариант проведения китайскими спецслужбами операции, направленной на усиление конфронтации Тираны и Москвы, в связи с чем албанская сторона могла получить соответствующие материалы о существовании некоего плана Москвы по смещению Ходжи или наличию в стране заговорщической организации. Наконец, последняя и наиболее простая версия событий – заговор был организован с использованием различных методов и способов в Москве и об этом узнали в Тиране. При всей гипотетичности сценариев каждый из них требует дополнительных исследований и не может пока быть отвергнут полностью.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Organizatat e Partisë në kufi të jenë të forta, të pastra, monolite. Nga fjala e mbajtur në takimim me ushtarakët e forcave të kufirit. 25 prill 1960 // Hoxha E. Vepra. Tiranë, 1975. V. 18. Janar 1960 – Qershor 1960.
2. Kulli F. Zbulohet vrasësi i gjeneral-major Hilmi Seitit // Shqipëria Etnike. 2004. 12 X.
3. Agjenti «Gjoksi» e dinte çfarë ndodhi me Teme Sejkon, por nuk e tha kurrëjenti // Panorama. 2010. 27 VI.
4. Shoku i Teme Sejkos: Si u inskenua «grupi komplotist» nga Çamëria // Panorama. 2010. 26 VI.
5. Meta B. Marrëdhëniet shqiptaro-greke në vitet 1960–1962 // Studime Historike. 2004. № 1/2; *Μαυρά Ε. Οι μισοσυλμάνιοι Τσάμηδες της Ηπείρου (1923–2000). Θεσσαλονίκη, 2004; Vickers M. The Cham Issue – Albanian National and Property Claims in Greece. Defence Academy of the United Kingdom. Conflict Studies Research Centre. Eastern Europe Series, G109. London, 2002; Xhufi P. Çamët ortodoks // Studime Historike. 2006. № 38.*
6. Veprime që na imponojnë britjen e vigjilencës për mbrojtjen e e atdheut tonë. E Diel, 8 maj 1960 // Hoxha E. Ditar për çështie ndërkombëtare. (1958–1960). Tiranë, 1981. V. 1.
7. Në mbledhjen e Bukureshtit ne s'pranuam të shkelen normat Leniniste të marrëdhënieve midis partive. Nga fjala në Plenumin XVII të KQ të PPSH. 11 korrik 1960 // Hoxha E. Vepra. Tiranë, 1975. V. 19. Qershor 1960 – Dhjetor 1960.
8. Nakuçi S. Teme Sejko – Panajot Plakut: «I çali të kujton dhe s'të harron» // Ndryshe. 2008. 29 IV.

9. *Hrabak B.* Albanski emigranti u Jugoslaviji 1948–1954 // Tokovi istorije. 1994. № 1/2.
10. *Pljaku P.* Nasilje nad albanskom revolucijom. (Memoari, dnevници, sećanja). Beograd, 1984; *Pljaku P.* Dhuna ndaj revolucionit në shqipëri. Prishtinë, 1985.
11. Komiteti Qendror është udhëheqja e partisë që gjykon kurdoherë drejt, urtë, qetë, por kur duhet edhe ashpër. Nga biseda me Koço Tashko. 3 gusht 1960 // *Hoxha E.* Vepra. Tiranë, 1975. V. 19. Qershor 1960 – Dhjetor 1960.
12. Россия XX в. Документы. Георгий Жуков. Стенограмма октябрьского (1957 г.) пленума ЦК КПСС и другие документы. М., 2001.
13. Si ranë sekretet ushtarake të Enver Hoxhës në dorën e agjentit sekret sovjetik: dokumentet zbardhin letrën e gjatë informative të agjentit me dosje nr.78/AS // *Panorama.* 2004. 10 III.
14. Letër drejtuar KQ të PK të Bashkimit Sovjetik lidhur me ndërhzrjen e hapur në punët e brendshme të PPSH dhe të htetit Shqiptar nga disa funksionarë të ambasadës së BS në Tiranë. 6 gusht 1960 // *Hoxha E.* Vepra. Tiranë, 1975. V. 19. Qershor 1960 – Dhjetor 1960.
15. Mbi gabimet e rënda politike dhe ideologjike të Liri Belishovës. Diskutim në mbledhjen e Byrosë Politike të KQ të PPSH. 30 gusht 1960 // *Hoxha E.* Vepra. Tiranë, 1975. V. 19. Qershor 1960 – Dhjetor 1960.
16. Ai që nuk ka besim te partia, arrin në konkluzione dhe në veprime të gabuara. Diskutim në mbledhjen e Byrosë Politike të KQ të PPSH mbi veprimet e Koço Tashkos në kundërshtim me vijën e Partisë. 31 gusht 1960 // *Hoxha E.* Vepra. Tiranë, 1975. V. 19. Qershor 1960 – Dhjetor 1960.
17. Raport në Kongresin të PPSH «Mbi aktivitetin e Komitetit Qendror të Partisë së Punës të Shqipërisë». 13 shkurt 1961 // *Hoxha E.* Vepra. Tiranë, 1976. V. 20. Janar 1961 – prill 1961.
18. *Παλαγκάς Μ.* Όψεις των ελληνογιουγκοσλαβικών σχέσεων κατά την περίοδο 1955–1965. Αριστοτέλειο Πανεπιστήμιο Θεσσαλονίκης Φιλοσοφική Σχολή Τμήμα Ιστορίας και Αρχαιολογίας. Τομέας Νεότερης και Σύγχρονης Ιστορίας, Λαογραφίας και Ανθρωπολογίας. Πρωτεύουσα Μεταπτυχιακή Εργασία. Θεσσαλονίκη, 2009.
19. Bela knjiga o neprijateljskoj politici Vlade Narodne Republike Albanije prema Federativnoj Narodnoj Republici Jugoslaviji. Beograd, 1961.
20. Советский флот в войнах и конфликтах «холодной войны» // Персональная страница Александра Розина (<http://alerozin.narod.ru/mediter.htm>); *Негауев В.* О становлении албанского подводного флота и о начале освоения советскими подводниками глубин Средиземного моря // Подводник России. 2003. № 3.
21. Hrushovi, Titoja dhe Gomulka eksponente të rrezikshëm të bandës revizioniste ndërkombëtare. E Entje, 6 prill 1961 // *Hoxha E.* Ditar për çështje ndërkombëtare. (1961–1963). Tiranë, 1982. V. 2.
22. Teme Sejko agente në shërbim të huajve. E Hënë, 15 maj 1961 // *Hoxha E.* Ditar për çështje ndërkombëtare. (1961–1963). Tiranë, 1982. V. 2.
23. Plani Kennedy – Hrushov dhe qëndrimi i De Golit : bashkëpunimi shqiptaro – kinez në fushën e shërbimeve të fshehta 1963: korrespondenca mes Kadri Hazbiut dhe ministrit të sigurimit të shtetit kinez Hsje Fu Xhi – 1961 // Ndryshe. 2008. 30 V; Japonia është duke lozur rolin e ndërmjetësës... : bashkëpunimi shqiptaro – kinez në fushën e shërbimeve të fshehta 1963–1965: korrespondenca mes Kadri Hazbiut dhe ministrit të sigurimit të shtetit kinez Hsje Fu Xhi // Ndryshe. 2008. 31 V.
24. Përgjigje. 26.06.1961 – Bashkëpunimi shqiptaro – kinez në fushën e shërbimeve të fshehta 1961: korrespondenca mes Kadri Hazbiut dhe ministrit të sigurimit të shtetit kinez Hsje Fu Xhi – 1961 // Ndryshe, 2008. 28 V.
25. Bashkëpunimi shqiptaro – kinez në fushën e shërbimeve të fshehta 1961: korrespondenca mes Kadri Hazbiut dhe ministrit të sigurimit të shtetit kinez Hsje Fu Xhi – 1961 // Ndryshe. 2008. 28 V.
26. NATO Strategy Documents. 1949–1969 / Ed. by Pedlow Gr. W. Brussel, 1997; *Nash Ph.* The Other Missiles of October: Eisenhower, Kennedy, and the Jupiters, 1957–1963. New York, 1997.
27. <http://www.php.isn.ethz.ch/collections/colltopic.cfm?lng=en&id=17892&navinfo=14465>.
28. Komunistet Shqiptare i përuan vetëm Marksizem-Leninizmit dhe popullit tone. Nga biseda me kuadrot e Partisë të qytetit të Elbasanit. 4 maj 1961 // *Hoxha E.* Vepra. Tiranë, 1977. V. 21. Maj 1961 – shtator 1961.
29. Судебный процесс по делу заговора, направленного на ликвидацию Народной Республики Албании. Сборник материалов. Тирана, 1961.
30. Kadari bën aktakuzën e vetvetes. E Shtunë, 24 Qershor 1961 // *Hoxha E.* Ditar për çështje ndërkombëtare. (1961–1963). Tiranë, 1982. V. 2.
31. *Nakuçi S.* Teme Sejko – Panajot Plakut: « I çali të kujton dhe s' të harro » // Ndryshe. 2008. 29 IV.
32. *Окорочков А.* Зигзаги албанской политики. 1942–1995 гг. // Чекист.ру: информ.-аналит. издание. (Электронный ресурс) 16 II 2009 // <http://chekist.ru/article/2575>
33. Arkivat ruse, zbardhet plani për pushtimin e Shqipërisë në gusht 1962 nga sovjetikët. 17 III 2010 // Mekuli Press – <http://www.mekulipress.com/index.php?m=shfaqart&aid=1976>.
34. *Karaj V.* Njeriu misterioz i CIA-s në Tiranë : misteri i agjentit që i raportonte CIA-s bisedat me Mehmet Shehun dhe dëshirën e tij për ta lidhur Shqipërinë me Perëndimin // Shekulli. 2007. 4 VII. № 177.
35. Soviet-Albanian Relations, 1940–1960. (Reference Title: ESAU XIX-62). 22 June 1962. Current Intelligence Study. Office of Current Intelligence. Central Intelligence Agency.– <http://www.foia.cia.gov/>

- CPE/ESAU/esau-19.pdf; *Blum W., Ahmed N. M.* CIA dhe Ushtria Amerikane : Ndërhyrjet në vende të ndryshme të botës që prej Luftës së II Botërore. Tiranë, 2005.
36. *Anton M.* Diversitate în unitate. Percepții Americane Asupra Blocului Comunist, 1962 // Arhivele Totalitarismului. 2004. № 3–4.
 37. Current Intelligence Staff Study. The New Stage of the Sino-Soviet Dispute (October 1961 – January 1962). Reference Title: ESAU XVIII-62. 26.2.1962. P. 89. // <http://www.faq.org/cia/docs/90/0000107344/:CURRENT-INTELLIGENCE-STAFF-STUDY-NEW-STAGE-OF-THE-SINO-SOVIET-DISPUTE-OCTOB.html>
 38. Current Intelligence Staff Study. Soviet-Albanian Relations, 1940–1960. (Reference Title: ESAU XIX-62). 22 June 1962. P. 53, 54 // <http://www.foia.cia.gov/CPE/ESAU/esau-19.pdf>
 39. *Tare A.* Shqipëria në sytë e CIA-së dhe KGB-së // Gazeta Shqip. 2010. 26 IV.
 40. *Ходжа Э. Хрущёвцы. Воспоминания.* Тирана, 1980; *Hoxha E.* Hrushovianët. Kujtime. Tiranë, 1980.
 41. Kadri Hazbiu, si ja fshehu Enverit kufomat e Ballukut, Dumes e Çakos // Panorama. 2010. 12 VIII.
 42. Arkivi Qëndror i Shtetit (AQSH). Dosja Nr.112, Lidh.Nr.1, Fondi 14, viti 1982.
 43. *Leci E.* Enver Hoxha: Ja si ia shiti Kadri Hazbiu agjenturën sekrete KGB-së ruse! // Shekulli. 2008. 14 II.
 44. Informacioni i Kadri Hazbiut për Enverin në vilën e Dajtit : raporti sekret, Hrushovit i kërkohet ndihmë për rrëzimin e Hoxhës : spiunazhi shqiptar [1960] //Ballkan. 2007. 22 VII.
 45. *Leci E.* Debati i Enverit me Kadriun për «Legjendën»(eliminimin) e Teme Sejkos // Shekulli. 2008. 13 II; *Leci E.* Hekuran Isai akuzon Kadri Hazbiun si mbrojtës e ndërlidhës i grupeve armiqësore // Shekulli. 2008. 21 II.

© 2012 г. П.А. ИСКЕНДЕРОВ

ЭХО ПОЛЬСКОЙ «СОЛИДАРНОСТИ» В АЛБАНСКИХ ГОРАХ

Статья посвящена сравнительному анализу процессов социально-экономической и общественно-политической трансформации в Албании и других странах Центральной и Юго-Восточной Европы. Автор анализирует конкретные условия, сложившиеся в албанском обществе ко второй половине 1980-х годов, прослеживает основные направления перехода страны от тоталитарной системы к капиталистической общественно-экономической модели, а также общие особенности и отличия данных процессов в сравнении с Польшей и другими государствами социалистического лагеря. Особое внимание уделено характеристике выбранного албанским руководством эволюционного пути преобразований и отношению официальной Тираны к событиям в других странах Центральной и Юго-Восточной Европы.

The article presents a comparative analysis of the processes of social-economic and political transformation in the Socialist Albania and other countries of Central and South-Eastern Europe in the 1980–1990s. The author considers main trends, typical for the Albanian society in the late 1980s, follows the main directions of transition from the totalitarian to capitalist social-economic model and its specific features in comparison with Poland and other states of the Eastern Block. The author characterizes thoroughly the evolutionally path of reforms chosen by the Albanian leadership and the official approach of the PLA to the events in the USSR, Poland, Czechoslovakia and other socialist countries in the 1980–1990s.

Ключевые слова: Польша, Албания, СССР, Восточная Европа, реформы, демократизация, «Солидарность».

Рабочее забастовочное движение в Польше, создание профсоюзного объединения «Солидарность» и его борьба за проведение в стране коренных социально-экономических и политических реформ привлекли пристальное внимание в других странах – в том числе и находившихся в стороне от постепенно разворачивавшейся в социалистическом блоке идейно-политической борьбы. К числу последних государств принадлежала Албания. Сложившаяся в этой стране к 1970-м годам тоталитарная система исключала какое-либо повторение опыта польского рабочего движения. Однако существовавшие у Тираны тесные торгово-экономические связи со странами-членами Совета экономической взаимопомощи (СЭВ) – несмотря на ослабление политических связей с ними – вкуче с проведением албанским руководством жесткого курса во взаимоотношениях с Советским Союзом создавали объективные условия для распространения информации о деятельности «Солидарности», ее успехах, требованиях и проблемах, по крайней мере, среди прогрессивно мыслящей части албанской интеллигенции. Сформировавшаяся в Албании репрессивная модель, развивавшаяся «в изоляции от других

Искендеров Петр Ахмедович – старший научный сотрудник Института славяноведения РАН.

аналогичных административно-командных систем в Центральной и Юго-Восточной Европе», накладывала решающий, но не всегда однозначный отпечаток на восприятие албанским обществом тех или иных явлений и процессов в окружающем мире [1. С. 432–433]. В этих условиях возникновение в Польше профобъединения «Солидарность» с его требованиями пересмотра ряда социально-экономических и политических догматов социалистической теории и практики неизбежно воспринималось партийно-государственным руководством Албании как «подрыв устоев» социализма. Однако ширившийся конфликт «Солидарности» не только с польскими властями, но и со стоявшим за ними Советским Союзом заставлял официальную Тирану воздерживаться от однозначно обличительного пафоса в отношении Леха Валенсы и его единомышленников. Данное движение представлялось внутренним делом Польши – страны, которую тогдашняя официальная албанская идеология относила к лагерю «ревизионистов», – и не имеющим непосредственного отношения к теории и практике строительства социализма в Албании (подробнее см. [2]). Неудивительно, что официальные средства массовой информации тогдашней Албании не уделяли особого внимания развитию ситуации в Польше и воздерживались от проведения каких-либо опасных и двусмысленных параллелей с албанскими реалиями. Занимать сдержанную позицию по вышеуказанному вопросу Албанию вынуждали и динамично развивавшиеся двусторонние албано-польские отношения. В частности, за годы четвертой албанской пятилетки (1966–1970) товарооборот с Польшей возрос на 44% – хотя эти темпы и уступали аналогичным показателям, имевшим сходные с польскими хозяйственные условия и модели ЧССР (65%) или Венгрии (56%) [1. С. 439].

Впрочем, об отношении социалистического руководства Албании к внутренним процессам, протекавшим в восточноевропейских странах и неоднозначной роли в них СССР, можно судить по наиболее яркому примеру в этой связи – вводу войск Варшавского договора в Чехословакию в 1968 г. На дворе был разгар советско-албанской конфронтации, и власти Албании не жалели эпитетов (подчас, впрочем, и недалеких от истины), чтобы заклеить и чехословацких «ревизионистов», и советских «империалистов». В официальной «Истории Албанской партии труда» о событиях августа 1968 г. и действиях Организации варшавского договора говорилось, в частности, следующее: «Эти силы оккупировали всю чехословацкую территорию, свергли клику Дубчека, которая позорно капитулировала, не оказав ни малейшего сопротивления, и заменили ее другой изменнической кликой, полностью послушной советскому империализму. Чехословацкий народ, преданный, лишенный всяческого руководства, ограничился оказанием пассивного сопротивления» [3. Р. 488].

В совместной декларации ЦК Албанской партии труда (АПТ) и совета министров Албании, обнародованной 22 августа 1968 г., албанское руководство решительно осудило вышеуказанную акцию, расцененную им как «агрессию фашистского типа», которая «представляет собой самый большой позор, которым ревизионистская хрущевская клика Брежнева–Косыгина опорочила достоинство и престиж Советского Союза и советского народа», и одновременно как «самое серьезное предостережение для советского народа, народов социалистических стран и стран, управляющихся ревизионистскими кликами, для народов Европы и всего мира об опасности, которую представляет ревизионистская контрреволюционная клика, находящаяся в настоящее время у власти в Советском Союзе, о ее империалистических и фашистских поползновениях и методах установления всемирного господства» [4. Ф. 412]. Одновременно в документе выражались братская поддержка и солидарность с народами Чехословакии и отмечалось, что «единственное средство спасения и восстановления свободы [...] заключается в бескомпромиссной борьбе до победного конца против иностранных оккупантов, советских, немецких, польских, венгерских и болгарских ревизионистов, борь-

бе против американского империализма и немецкого реваншизма, борьбе против всех местных ревизионистов и реакционеров» [4. Ф. 413].

На состоявшемся 5 сентября 1968 г. Пленуме ЦК АПТ было принято решение о выходе Албании из Варшавского договора (членом которого она являлась с мая 1955 г.) и отмечено, что в сложившейся международной ситуации данный шаг «полностью соответствует нашим интересам» [4. Ф. 419]. 13 сентября 1968 г. указанное решение было оформлено специальным законом, принятым Народным собранием страны. Как отметил в выступлении перед депутатами тогдашний второй человек в АПТ и правая рука Энвера Ходжи – Мехмет Шеху – «агрессия советских ревизионистов и их пособников против ЧССР и чехословацкого народа полностью опозорила имя и честь Советского Союза, советского народа и советских солдат. В то время как при Сталине советский солдат освободил ЧССР во Второй мировой войне, сегодня он, слепо выполняя приказы ревизионистской клики Брежнева–Косыгина, предстал перед чехословацким народом в качестве завоевателя, в качестве “захватчика” (в оригинале в русской звуковой транскрипции латинскими буквами – *П.И.*), как его по праву назвал народ» [5. S. 153].

В 1970-х годах внешнеполитическая концепция Албании была скорректирована и обобщена на волне растущих албано-китайских противоречий. На VII съезде АПТ, состоявшемся в ноябре 1976 г., значительное внимание было уделено критике теоретических и практических установок Коммунистической партии Китая (КПК) (которая, правда, в то время прямо еще не называлась). Как отмечалось в материалах партийного форума, «обе сверхдержавы, США и Советский Союз, являются агрессивными империалистическими державами, наиболее мощными и наиболее опасными из тех, которые знала история, и [...], действуя изолированно или совместно, они представляли собой равных по своему характеру и степени основных врагов революции и социализма [...]

Не помещать обе супердержавы на один уровень как принципиальных врагов, рассматривать американский империализм в качестве менее опасного под обманчивым предлогом, что он ослабел, что он теперь проводит не агрессивную, а оборонительную политику, что он теперь выступает не за войну и передел мира, а за сохранение статус-кво, или опираться на одну сверхдержаву с тем, чтобы бороться против другой, под предлогом, что последняя представляла большую опасность, это означало становиться на позицию, которая являлась не марксистско-ленинской, революционной, а антимарксистской, чрезвычайно пагубной для революции, социализма, народов.

Аналогичным образом, взгляды и подходы, которые ставили организации НАТО и Варшавского договора, “Общего рынка” и СЭВ на разные уровни и не рассматривали их в одинаковом смысле как инструменты угнетения и эксплуатации, являлись антимарксистскими и контрреволюционными [...] Поддерживать одну из них с тем, чтобы бороться с другой, сотрудничать с американским империализмом и его союзниками против советского социал-империализма, с НАТО против Варшавского договора, с “Общим рынком” против СЭВ или наоборот, значило вставать на контрреволюционные позиции. Одновременно, поощрение и поддержка европейского империалистического союза представляло собой антимарксистский подход, подобный тому, который был взят на вооружение II Интернационалом [...].

Деление мира на “первый мир”, “второй мир” и “третий мир”, понятия “неприсоединившиеся страны” и “развивающиеся страны” не являлись марксистско-ленинскими, также как не были марксистско-ленинскими теории советских и других ревизионистов о “некапиталистическом пути развития”, “национальном социализме”, “вариантах социализма”.

Все эти подразделения и названия не имеют классового характера, они маскируют фундаментальные противоречия между пролетариатом и буржуазией, меж-

ду народами и империализмом, между социализмом и капитализмом» [3. Р. 582–583].

Ситуация существенно изменилась после смерти в апреле 1985 г. бессменного лидера послевоенной Албании Энвера Ходжи и перехода власти в руки его более молодого и энергичного преемника – члена Политбюро ЦК АПТ, секретаря ЦК по идеологическим вопросам Рамиза Али. При этом постепенный отход страны от принципов идеологической изоляции и рост интереса к общественно-политическим процессам, происходившим в это время в других социалистических странах Центральной и Юго-Восточной Европы, был обусловлен в первую очередь переосмотром внутренних приоритетов и ориентиров (подробнее см. [6]). По справедливому выражению российской исследовательницы Н.Д. Смирновой, «понимание необходимости перемен постепенно, но прочно входило в сознание албанских руководителей, получивших в свои руки тяжелое наследие» [7. С. 350]. Два ближайших Пленума ЦК АПТ, состоявшиеся в декабре 1985 г. и марте 1986 г., были посвящены анализу застойных явлений в национальной экономике – и впервые было официально признано, что главную роль в их возникновении сыграли внутренние причины, а не «капиталистическо-ревизионистская блокада Албании». Аналогичные оценки прозвучали и на IX съезде АПТ, состоявшемся в ноябре 1986 г. На нем были высказаны такие без преувеличения новаторские и созвучные происходившим в Польше и других странах восточного блока процессам идеи, как необходимость руководствоваться «экономической логикой» и переходить к «более активному и сознательному использованию экономических категорий в целях роста производства, увеличения производительности труда, снижения расходов на производство» [1. С. 452]. Политические же процессы, разворачивавшиеся в Европе, были охарактеризованы в отчетном докладе, с которым выступил Р. Алиа, как «дружественные, демократические и миролюбивые стремления европейских народов» [8. Р. 211].

Данный подход открывал путь к поиску новых политических и социально-экономических путей решения имевшихся острых проблем – при сохранении, разумеется, общей социалистической идеологии и трактовки режимов, существовавших в социалистических странах Центральной и Восточной Европы, как ревизионистских. Уже в феврале 1987 г. – без ссылок на соответствующие процессы в СССР и других странах СЭВ – в официальном органе АПТ газете «Zëri i popullit» и других средствах массовой информации появились пространные материалы, призывавшие к «прогрессивному новому мышлению». В 1989 г. в Албании была проведена всеобщая амнистия – позволившая выйти на свободу многим из диссидентов. Правда, критики коммунистического режима иронично замечали, что Рамиз Алиа объявил амнистию для того, чтобы освободить места в албанских тюрьмах для новых, более опасных, оппонентов власти.

Как бы то ни было, реакция официальных кругов Албании на революционные события, охватившие в конце 1980-х годов Центральную и Юго-Восточную Европу, оказалась сдержанно-негативной. Это касалось и самого знакового события в этом ряду – «круглого стола» власти и оппозиции в Польше в 1989 г. [9. С. 39–41]. В принятой на 9-м Пленуме ЦК АПТ в январе 1990 г. специальной резолюции речь шла о том, что народы региона «осуществили свои давнишние чаяния, сбросив ревизионистские режимы, но этим воспользовались правые силы и поддерживающая их международная буржуазия. Трудящиеся, к сожалению, выступили на стороне новых властей, ибо ошибочно связали господство ревизионизма, засилье бюрократических структур, состояние застоя в этих странах с социализмом, с идеологией марксизма-ленинизма. Албанские коммунисты [...] всегда сознательно боролись за то, чтобы народ понял опасность дискредитации социализма, его революционной идеологии и политики. Но трагедия произошла. Мы болезненно ее переживаем, но не впадаем в отчаяние» [1. С. 454]. В решениях январско-

го (1990 г.) Пленума ЦК АПТ особо рассматривался оказавшийся ключевым для других восточноевропейских стран вопрос о многопартийности и политическом плюрализме. В принятых документах однозначно было зафиксировано, что «сохранение ведущей роли АПТ является главным условием продолжения социалистического строительства в Албании», а создание других политических партий «привело бы к ослаблению национального единства, к потере независимости и к уничтожению социализма» (цит. по [7. С. 356]).

Однако развитие событий в самой Албании все больше происходило по сценарию других восточноевропейских стран. К тому же, как справедливо отмечали многие эксперты, «пример революций 1989 г. и особенно стремительное падение режима в Румынии (а еще конкретнее – вид изрешеченного пулями тела Николае Чаушеску), должны были сигнализировать албанскому руководству, что его выживание зависит от немедленного прекращения прежней политики международной изоляции и самодостаточности и публичной демонстрации желания осуществить реформы» [8. Р. 213]. Уже в апреле 1990 г. Рамиз Алия заявил о готовности своей страны сотрудничать с ЕЭС и подчеркнул, что в свете произошедших на Европейском континенте изменений «на повестку дня встал вопрос о восстановлении отношений с США и Советским Союзом» [7. С. 357].

Движущей силой разворачивающегося демократического движения в Албании стала интеллигенция, которая с конца 1989 г. высказывала идеи, за которые еще пару лет назад была бы предана «партийной анафеме» [10. Р. 4]. Знаковым для Албании оказалось выступление в ноябре 1989 г. на писательской конференции ведущего национального писателя Исмаила Кадаре, подвергнувшего жесткой критике практику вмешательства правящей АПТ в литературу и заявившего, что ни одно правительство не может «ни предоставлять, ни отнимать» у писателя свободу творчества [11].

В декабре 1990 г., уже на волне захлестнувших Тирану массовых студенческих демонстраций под лозунгами демократии и введения многопартийности в стране, были созданы первые оппозиционные партии – главными из которых стали Демократическая и Республиканская. Заметно изменились и программные положения правящей АПТ. Опубликованная 3 января 1991 г. ее предвыборная платформа включала такие немислимые еще пару лет назад пункты, как проведение коренных экономических реформ и постепенный переход к рыночной экономике, признание всех форм собственности, конструктивный диалог со всеми политическими силами в обществе [12].

Оперативная корректировка программных положений в духе процессов, происходивших во всей Центральной и Юго-Восточной Европе, во многом позволила АПТ одержать победу на состоявшихся в марте – апреле 1991 г. первых многопартийных выборах. Партия получила 169 мест в 250-местном Народном собрании – однако ее лидер Рамиз Алия потерпел сокрушительное поражение в собственном избирательном округе. Демократическая партия получила 75 депутатских мандатов [13. 1991. Vol. 2]. В апреле 1991 г. на первой сессии Народного собрания Алия был избран первым президентом Албании, получив 172 депутатских голоса в свою поддержку.

Новый подъем народных выступлений – в которых главную роль, по примеру Польши и других стран Центральной и Юго-Восточной Европы, играли независимые профсоюзы – вынудили АПТ согласиться на проведение своеобразного албанского «круглого стола» – согласительной комиссии, в работе которой приняли участие представители всех политических партий – в том числе и не имевших парламентских фракций. По итогам ее работы 11 июня было принято решение о формировании коалиционного правительства – «правительства национальной стабильности». К этому времени забастовочным движением были охвачены около 300 тыс. человек по всей стране. Известна крылатая фраза, которой руководитель

шахтерского стачечного комитета Сами Каричи ответил на озвученный в радиообращении президентом Алией призыв приступить к работе, чтобы избежать экономической катастрофы: «Мы не стремимся разрушить страну. Мы хотим только избавиться от коммунистов» (цит. по [7. С. 371]).

На состоявшемся в горячие политические дни 10–13 июня 1991 г. в Тиране X съезде АПТ события, развернувшиеся в СССР, Польше, Чехословакии, Венгрии и других государствах социалистического содружества получили новую оценку албанских коммунистов. В отчетном докладе, озвученном секретарем ЦК Джелилем Гьони, признавалось, что «экспресс-анализ процессов, развернувшихся в Советском Союзе и в других странах Восточной Европы, свидетельствует о крахе модели, ставшей воплощением марксистского идеала социализма». По словам Гьони, данная модель «открыла дорогу административно-командной, централизованной, бюрократической политике» [7. С. 372]. Закономерным итогом работы съезда стало принятое им решение об изменении названия партии на Социалистическую и значительное изменение состава его руководящих органов, полностью освободившихся от последователей покойного Энвера Ходжи.

Однако это не помогло «новой/старой» партии сохранить власть. Парламентские выборы в марте 1992 г. завершились убедительной победой Демократической партии во главе с будущим президентом Албании Сали Беришей [13. 1992. Vol. 3]. Выступив после оглашения результатов перед многотысячной толпой своих сторонников, собравшейся на столичной площади Скандербег, Бериша напрямую обратился к европейцам – западным и восточным – со словами: «Привет, Европа! Я надеюсь, что с тобой все в порядке!» [8. Р. 210]. Период трансформации власти – происходивший в стране гораздо более медленными темпами по сравнению с другими социалистическими странами восточноевропейского региона и с национальной спецификой – завершился. Правда, долгожданного процветания Албании это не принесло. В Албании, пусть и с опозданием, была реализована та же неоднозначная практика переходного периода, в соответствии с которой «с конца 1980-х годов большинство восточноевропейских политиков, осознавая необходимость реформ, стало разрабатывать программы действий с помощью западных экономистов и международных финансовых институтов. Рекомендации последних носили зачастую нормативный характер, в них детально определялись бюджетные, налоговые, социально-политические параметры реформ и тем самым оказывалось глубокое влияние на внутреннюю политику государств Восточной Европы» [14. С. 13]. Кроме того, по мнению германского исследователя К. Мюллера, негативное воздействие оказывало отсутствие ясной взаимосвязи «теоретических гипотез, эмпирического анализа и программных установок» [15].

Все это вкуче с чисто внутренними албанскими особенностями привело к взрыву в начале 1997 г. – когда страна оказалась в состоянии хаоса и на грани полномасштабной гражданской войны. Но что характерно: хотя польская «Солидарность» как рабочее профобъединение, оппозиционная политическая сила и локомотив грядущих общественно-политических изменений во всей Восточной Европе опередила появление своих албанских единомышленников, по крайней мере, на два десятилетия – последние пустили гораздо более глубокие корни на национальной почве. В 1996 г. активисты «Солидарности» создали новое политическое объединение – «Предвыборная акция Солидарности». В 1997 г. эта сила одержала победу на парламентских выборах (подробнее см. [16]). Однако уже на следующих выборах 2001 г. потерпела сокрушительное поражение и фактически сошла с политической сцены Польши в качестве самостоятельного объединения [17]. Как справедливо отмечает в этой связи американский ученый Д. Ост, «примеры демократической солидарности в сегодняшнем мире стали гораздо менее употребительными». На их место пришли «антииммиграционные движения, движения за

“закон и порядок” и “антитеррористическая” солидарность, направленные даже не против этнических меньшинств, а против инакомыслящих в целом» [18. Р. 1].

Что же касается Демократической партии Албании, то она, проведя после событий 1997 г. несколько лет в оппозиции, в 2005 г. вернулась к власти, а ее бессменный лидер Сали Бериша занял пост премьер-министра и остается на нем вплоть до настоящего времени [19]. Но это уже другой виток «трансформации»...

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Краткая история Албании. М., 1992.
2. *Искендеров П.А.* Энвер Ходжа // Вопросы истории. 2008. № 6.
3. L'Histoire du Parti du Travail d'Albanie. Tirana, 1982.
4. Dokumenta Kryesore të PPSH. 5.
5. *Shehu M.* Über die Haltung der Volksrepublik Albanien zum Warschauer Vertrag // Albanien – Vorposten Chinas. München, 1970.
6. *Alia R.* Jeta ime: Kujtime. Tirana, 2010.
7. *Смирнова Н.Д.* История Албании в XX веке. М., 2003.
8. *Vickers M.* The Albanians. London; New York, 1995.
9. *Майорова О.Н.* К вопросу о ходе переговоров власти и оппозиции за «круглым столом» 1989 года в Польше // Славяноведение. 2007. № 3.
10. *Biberaj E.* Albania at the Crossroads // Problems of Communism. 1991. Sept–Oct.
11. Drita. 1989. 19 XI.
12. Zëri i popullit. 1991. 3 I.
13. Election Watch.
14. Восточная Европа в начале XXI века. М., 2004.
15. *Müller K.* «Countries in transition»: Entwicklungsfade der osteuropäischen Transformation // Osteuropa. 2001. H. 10.
16. *Бухарин Н.И., Синицина И.О., Чудакова Н.А.* Польша: десять лет по пути реформ // Новая и новейшая история. 2000. № 4.
17. *Майорова О.Н.* Эволюция партийной системы в постсоциалистической Польше // Славяноведение. 2004. № 3.
18. *Ost D.* The defeat of Solidarity: anger and politics in postcommunist Europe. Ithaca, 2005.
19. Political Parties in Albania 1912–2006. Tirana, 2007.

© 2012 г. А.Ф. НОСКОВА

РОССИЙСКАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ СТАЛИНИЗМА В СССР И СТРАНАХ ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ: НЕКОТОРЫЕ ИТОГИ ИЗУЧЕНИЯ (КОНЕЦ XX – НАЧАЛО XXI ВЕКА)

В статье анализируются взгляды ряда современных российских исследователей на проблему тоталитаризма вообще, его левой модификации в виде сталинизма в СССР и режимов советского типа в странах Восточной Европы; отмечается взаимосвязь факта появления этого исторического феномена XX в. с урбанизацией и индустриализацией.

The article presents an analysis of the views modern Russian scholars on the problem of totalitarianism in general und its left modification in the form of Stalinism in the USSR and regimes of the Soviet type in Eastern Europe. The article stresses the interdependence between this historical phenomenon of the twentieth century on the one hand and urbanization and industrialization on the other.

Ключевые слова: историография, тоталитаризм, сталинизма, режимы советского типа, урбанизация, индустриализация.

Со дня смерти И.В. Сталина прошло более полувека. За этот период в СССР, а затем в России, были опубликованы тысячи книг и статей о советском лидере и неразрывно с его именем связанной общественно-политической системе. В советское время был извлечен из архивов обширный фактографический материал, но он позволял формировать лишь мифологизированные образ вождя и историю развития страны.

XX съезд КПСС и секретный доклад Н.С. Хрущева дали импульс, особенно молодому поколению философов, историков, экономистов к осмыслению и переоценке недавнего прошлого. Позитивная роль «детей» этого съезда – «шестидесятников», а затем «новопрочтенцев» в инициировании такого процесса несомненна. Вместе с тем, это была подцензурная литература, остававшаяся, за редчайшим исключением (например, книги А.М. Некрича или М.С. Восленского), в рамках официальной идеологической парадигмы науки.

О постижении отечественными историками сути режима, который создавался в СССР с 20-х годов, а в странах Восточной Европы на рубеже 40–50-х годов XX в., о рождении научной историографии столь значительной проблемы в истории России и стран региона мы можем с осторожностью говорить, начиная со второй половины 1980-х годов. Настоящий историографический «взрыв» пришелся

Носкова Альбина Федоровна – д-р ист. наук, ведущий научный сотрудник Института славяноведения РАН.

на 1990-е годы. Даже самый квалифицированный библиограф не в силах создать аннотированный перечень всех опубликованных книг и статей, тем более распределить их по проблемно-тематическому принципу. Только в каталогах Фундаментальной библиотеки РАН, куда поступает с большим опозданием часть изданной в стране продукции по общественным наукам, значатся многие сотни работ, опубликованных на русском языке с конца 1980-х годов. Процесс накопления и осмысления непрерывно увеличивающегося объема знаний о сталинском этапе в истории социалистического эксперимента продолжается. Формируется отечественная историография, представляющая альтернативные взгляды исследователей сталинизма (от разной по степени апологии до безоговорочного отрицания и осуждения всего прошлого). Раздаются и призывы вести диалог представителей «историографических полюсов» во имя создания объективной истории 1920–1950-х годов (подробнее см. [1]). Более того, не ослабевает интерес к феномену сталинизма и фигуре Сталина.

Термин «сталинизм», который применяется к эпохе его правления, появился в нашей науке после XX съезда КПСС, но закрепился на закате «перестройки». На рубеже 80–90-х годов XX в. увидели свет работы обществоведов, пытавшихся, анализируя роль вождя и советскую действительность при Сталине, понять, что это было. Тогда же началась трансформация позиций советских историков, их оценок недавней действительности, чему, несомненно, способствовало открытие отечественных архивов. На некоторое время стала магистральной подхваченная от «шестидесятников» и «новопрочтенцев» идея противопоставления ленинского периода в истории СССР, характеризуемого, как правило, со знаком «плюс», сталинскому правлению, которое называлось грубым отступлением от заповедей В.И. Ленина (см., например [2]). В качестве основного тому доказательства приводились многочисленные факты, свидетельствовавшие о массовом характере политических репрессий при Сталине.

В немалой степени «ход» рассуждений ученых определялся атмосферой «перестройки». В 1987 г. вышли из печати «Архипелаг ГУЛАГ» А.И. Солженицына, в 1988 г. – «Глазами человека моего поколения» К.М. Симонова, в 1989 – «Непридуманное» Л. Разгона, затем – «Триумф и трагедия. Политический портрет И.В. Сталина» Д.А. Волкогонова, а также произведения ряда других писателей и историков. Прямое воздействие на ситуацию оказывали новая реабилитационная «волна» и настроения в советском обществе, требовавшем перемен, хотя в разной мере готовом, а то и неготовом к отрицанию социалистического прошлого. Трудно преодолеваемым «препятствием» было и отчасти остается признание преступлений Сталина, с именем которого в сознании советского народа ассоциировались, и еще ассоциируются индустриализация, то есть перевод страны на иной уровень развития, и, конечно же, Победа в Великой Отечественной войне. Вопрос о цене того и другого стал задаваться позднее.

Современный, новый этап историографии сталинизма отечественные ученые датируют, начиная с 1991–1995 гг., включая начало нового века, когда складывались главные направления в изучении проблемы, возникали историографические модели ее толкования, определялись пороговые переходы в эволюции сталинской системы (см., например [1. С. 172–206]). Это происходило и продолжает происходить в непростых внутренних условиях. Заметный, особенно с середины 1990-х годов рост положительных или положительных с оговорками общественных «воспоминаний» о прошлом иногда называют «советской реконкистой», объясняют реакцией сопротивления людей, «перекормленных» антикоммунистической пропагандой в эпоху Б.Н. Ельцина. Но, несомненно, этот рост имеет объективные причины и связан с трагедией распада большой страны, с падением ее международного престижа и возможностей и, в первую очередь, с результатами «реформ», от которых пострадало абсолютное большинство населения. В России остро реа-

гируют на их итоги, разрушившие якобы действовавшие ранее принципы справедливости и равенства, хотя и в нищете, что закреплено в российском менталитете, особенно людей, сформировавшихся в советское время.

Отношение представителей российского научного сообщества к прошлому не остается единым. Наряду с фундаментальными публикациями новых документов и новыми по научному духу монографическими исследованиями, в историографии присутствуют работы, авторы которых, углубляясь в проблему и пытаясь понять, почему возник сталинский режим таким, каким он был, порой от объяснений перемещаются к апологетике этого феномена и Сталина как его создателя.

Итак, какое содержание вкладывается нашими учеными в понятие «сталинизм»? Какими видятся его определяющие признаки и специфические проявления как в СССР, так и странах Восточной Европы? Каковы результаты исследований и состояния историографии этой проблемы? Предложить качественные и исчерпывающие ответы на эти закономерные вопросы вряд ли под силу даже большому научному коллективу. Для этого еще нужны и немалая историческая дистанция, и большой корпус различных документов, все еще остающихся недоступными исследователям. Свою задачу вижу в том, чтобы на примере работ некоторых российских историков, отражающих, с моей точки зрения, основные тенденции в исследовании проблемы, показать, как понимают современные ученые причины возникновения сталинизма в России и механизмы функционирования абсолютной власти, в чем они видят и видят ли родственность, а в чем отличия сталинизма в СССР от других вариантов тоталитарной организации общества, например в Германии в 1930-е годы, какова была и чем объяснялась специфика этапа сталинизма в странах Восточной Европы.

Что касается термина «сталинизм», который в научном лексиконе довольно быстро вытеснил определение «сталинщина», то в литературе, особенно научно-публицистической, «разбег» предлагаемых вариантов весьма велик. Это – результат научного подхода и знакомства с достижениями зарубежных коллег в изучении тоталитарных политических режимов, а также нередко воздействия политических пристрастий, и эмоционально-публицистического восприятия прошлого. В качестве примеров последнего, можно привести такие, встречающиеся в литературе определения сталинизма, как «сатанократия», «восточная деспотия», «советский термидор», «система государственного рабства» – для одних; «православный коммунизм», «народная монархия», «мутантный социализм», социалистический порядок – для других.

В теоретическом, политологическом, историческом или социокультурологическом контекстах сталинизм именуется тоже по-разному: сформировавшейся в период сталинского правления «чрезвычайной системой правления»; «абсолютизированным большевистским авторитаризмом, доведенным до его логически крайней формы, до тоталитаризма»; «советской моделью тоталитаризма»; «тоталитарной моделью советского единовластия»; «советским вариантом тоталитаризма левого толка». Встречаются определения, где на первый план выдвигается его идеологическая составляющая. Например: «система всеобщей идеократической бюрократии, еще не достигшей абсолютного совершенства, но максимально тотальной», и добившейся к 1953 г. «окончательной победы». Определяя сталинизм, российские ученые все увереннее, в качестве ключевых, используют слова «тотальный», «тоталитаризм»¹.

В середине – второй половине 1990-х годов заметное место в историографии сталинизма заняли конкретно-исторические исследования. На основе солид-

¹ В отечественной науке уже в конце 1980-х годов начались, прежде всего, среди философов и политологов, дискуссии о сущности тоталитаризма и в частности о тоталитаризме левого толка. Анализ этих дискуссий см., например [3].

ного корпуса рассекреченных документов составлялся новый событийный ряд 20–50-х годов XX в. в СССР, выявлялись и уточнялись «несущие конструкции» складывавшейся тогда общественной системы, воссоздавался облик «вождя», определялась сущность сталинского правления. Наибольший, не всегда равный, вклад здесь внесли ученые институтов Российской академии наук, а также профессура высших учебных заведений страны. Следует назвать имена Данилова В.П., Трукана Г.А., Лельчука В.С., Жукова Ю.Н., Данилова А.А., Аксютин Ю.В., Пихои Р.Г.; германистов Драбкина Я.С., Галкина А.А., Дамье В.В., Сенявского А.С. и многих других.

В Институте славяноведения РАН, история сталинизма разрабатывается со второй половины 1980-х годов на конкретно-исторических материалах европейских стран – бывших союзниц СССР. Причем, это делается параллельно с формированием, наиболее активно в 1994–2001 гг., новой документальной базы исследований. Итогом архивных изысканий коллектива ученых созданного в Институте в начале 1990-х годов Научного центра по истории сталинизма в Восточной Европе, наряду с другими публикациями, подготовленными при участии сотрудников Института, стали многотомные издания фундаментальных проблемно-тематических сборников, содержащих ранее недоступные исследователям материалы из центральных федеральных и ведомственных архивов России. Это позволило коренным образом изменить источниковую и фактографическую базу изучения послевоенной истории Восточной Европы [3–5]. Открылась возможность, отказавшись от идеологизированного подхода, приступить к монографической разработке проблемы сталинизма, утвердившегося в регионе в 1948/1949–1953 гг., сравнивая восточноевропейские модели сталинизма с советскими «образцом». Расширение «географического» диапазона исследования позволило точнее определить общее, «классическое» содержание этого феномена и объяснить особенности сталинизма, возникавшего в иную историческую эпоху.

Результаты осмысления российскими учеными процесса рождения и сути сталинского правления в СССР появились в отечественной историографии уже в начале 1990-х годов (см., например [6]). Можно назвать также монографию «Путь к тоталитаризму. 1917–1929 гг.». Ее автор – Г.А. Трукан сформулировал, обосновал и связал в единое целое два принципиально важных тезиса. Первый тезис – партийно-государственный аппарат, эта основа будущей сталинской системы, возник в условиях военного коммунизма, «породившего веру в силу приказа» [7. С. 164–165]. Второй тезис – «менталитет нижних слоев народных масс, пожалуй, не меньше чем коммунистическая утопия, предопределил развитие общества в русле тоталитаризма» [7. С. 46]. Тем самым автор монографии обозначил главные направления дальнейших исследований, а также сделал перспективные с научной точки зрения выводы. Во-первых, общество, переживавшее состояние мировой войны, «таило в себе усиление тоталитарных тенденций развития»; «кровавое единоборство большевиков и генералов-диктаторов» в Гражданской войне, независимо от ее исхода, «усиливало и закрепляло в умах и действиях [людей] тенденцию тоталитарного развития нашего общества в качестве наиболее вероятной альтернативы» царизму; и, наконец, но не в последнем, «самим ходом революции отбирался слой руководителей, воспитанных на культе силы и на пренебрежении к праву и законности» [7. С. 106].

Во-вторых, констатирует Трукан, тот факт, что в руководстве партии большевиков «возобладали утопические представления о возможности ускоренного перехода к социализму на волне революционного энтузиазма при помощи жесткого централизованного управления», объяснялся сменой «старой», образованной партийной гвардии профессиональных революционеров, как правило, «малообразованными, отчаянными, жестокими политиками», которые вытесняли из партийного актива дореволюционный авангард рабочего класса. Новые архивные данные

позволили историку установить, что уже в 1930-е годы и среди рядовых членов партии преобладала «только недавно пришедшая из деревни аморфная масса, связанная с аппаратом по рукам и ногам» [7. С. 116–120].

В-третьих, анализируя «работоспособность» аппарата и итоги внутрипартийной борьбы на рубеже 20–30-х годов XX в., ученый пришел к выводу, что «с помощью сети партячеек, различных союзов и массовых организаций, находившихся под контролем все той же бюрократии, аппарат был способен сразить любого оппонента и утопить в океане фальсификаций и клеветы любое критическое высказывание». Но по объективным причинам, заключает Трукан, такому непрофессиональному аппарату становился нужным «все побеждающий вождь», и было не суть важно, как он им стал: «Сталин одержал верх над своими оппонентами не силой теоретических аргументов, а, используя как орудие НКВД – ОГПУ, действия которых основывались на провокациях. Победа большинства ЦК в действительности стала победой тайной полиции Сталина над самой партией». Тем самым до-революционная партия «в большинстве своем была приговорена к смерти», единовластное правление становилось неизбежным [7. С. 157].

Таким образом, анализируя 1920-е годы, российский историк одним из первых в отечественной академической науке, раскрыл на конкретно-историческом материале процесс возникновения единовластия в СССР, формирования «носителей» властных функций, механизм-схему их действий и причины появления массовых сторонников партии большевиков. Он расценивал внутрипартийную борьбу, как важнейший для побеждавшей партийной группировки инструмент сохранения власти, что предопределяло силовой вариант осуществления власти и укрепление тоталитарных тенденций в общественном развитии СССР. На наш взгляд, название книги отражает сущность перемен в стране, а ее содержание доказывает, что конец 1920-х годов стал переломным в продвижении авторитарной власти к ее тотальному овладению обществом. Сегодня выводы и определения, сделанные Г.А. Труканом, предстают как общеизвестные, но, напомним, книга вышла в 1994 г. и разрушила представления многих о том, что при Ленине все было в стране иначе.

Можно рискнуть с утверждением, что подобную роль «разрушителя» прежних представлений наших историков о событиях, состоявшихся в странах Восточной Европы в 1944–1948 гг., в ряду других монографий и сборников статей, вышедших в первой половине 1990-х годов и концепционно иных, по сравнению со всем написанным ранее по истории «строительства социализма», сыграла монография «Народная демократия: миф или реальность?» [5]². Ее авторы, Т.В. Волокитина, Г.П. Мурашко, А.Ф. Носкова, отринув идеологическое клише «о перерастании буржуазно-демократической революции в социалистическую», предложили свое толкование первых послевоенных лет в регионе. Они обосновали конкретно-историческим материалом новое понимание народной демократии как переходного поливариантного периода борьбы политических носителей различных концепций общественного развития, каждая из которых (либерально-крестьянская, социал-демократическая и национального, т.е. несоветского пути к социализму) представляла собой альтернативу сталинизму. Авторы предложили перечень внутренних и внешнеполитических причин утверждения монополярной власти компартий, завершившегося в 1948 г.

В условиях архивной «революции» первой половины 1990-х годов открылись возможности с научных позиций определить роль Сталина в истории нашей страны, Сталина как личности, политика и государственного деятеля. К настоящему времени о советском лидере написаны десятки книг разного научного качества и исторической достоверности. В немалой мере это объясняется понятным интере-

² См. также [8].

сом различных слоев российского общества, с симпатией или с ненавистью относящихся к бывшему «вождю всех народов». Вполне обоснованна и потребность в научном «портрете» Сталина, этом символе противоречивой эпохи 20–50-х годов XX в. (см., например [9–11]). Все вместе взятое обусловило появление научных исследований, авторы которых, соглашаясь или расходясь в оценках политических и экономических итогов его правления, признают абсолютный характер власти Сталина.

Среди множества работ историков-портретистов заметное место сейчас занимают монографии и статьи Ю.Н. Жукова, активного исследователя 1930-х годов и фигуры самого Сталина. Вовсе не случайно одна из его книг названа «Иной Сталин. Политические реформы в СССР в 1933–1937 гг.». Осенивая труды историков, своих предшественников, Жуков полагает, что за последние 20 лет в нашей науке сложились два направления. Первое – разоблачающее, «откровенно политически пристрастное». Его представители – Волкогонов Д.А., Медведев Р.А., Афанасьев Ю.Н., Попов Г.Х., Коротич В.А. и др. И второе направление – «ответная реакция» – столь же мифологизированные и тенденциозные, близкие к апологетике работы Косолапова Р.А., Карпова В.Р., Емельянова Ю.А. и др. Высказанная автором оценка ситуации в российской историографии – прямолинейна, но допустима.

Жуков поставил задачу, не претендуя на создание исчерпывающей политической биографии Сталина, «уйти от обеих предвзятых точек зрения, от обоих мифов» и тем самым сделать шаг в процессе подготовки такой биографии. Не желая примыкать ни к тем, ни к другим, Жуков выдвинул свою, по нынешним временам весьма неординарную версию политических намерений Сталина в середине 1930-х годов. Исследование сфокусировано на важнейшем из механизмов сталинской власти, на внутрипартийной борьбе, завершившейся, как правило, кадровыми перестановками и репрессированием проигравших, и, что на мой взгляд важнее, волнообразным подтверждением легитимности власти и усилением «узкого руководства» ВКП(б) во главе со Сталиным. Это показано в книге на материале середины 1930-х годов. Тогда, считает Жуков, перед группой Сталина встали две большие проблемы – экономическая (невыполнение пятилетнего плана) и политическая (серьезная конкуренция партийных функционеров, имевших не меньшую власть на «своей территории», и сплоченных страхом ответственности и неотвратимости репрессий за экономические провалы) [12. С. 6–7, 454–458].

Изучив обширный, порой совершенно новый, отчасти не рассекреченный, отчасти просто забытый архивный материал, автор пришел к выводу, что группой Сталина в этот, опасный для ее власти период была сделана попытка, казалось бы, не менее рискованного для «узкого руководства», реформирования политической системы СССР посредством введения в проект новой Конституции принципа альтернативности выборов и его применения уже в 1937 г. на выборах в Верховный Совет СССР. Авторская интерпретация дискуссии по избирательному законопроекту и заявлений Сталина на пленуме ЦК ВКП(б) в июне 1937 г. позволяет считать, что Жуков склонен к серьезной трактовке сталинского замысла как перехода к демократизации страны. Он создает образ Сталина как политика-реформатора [12. С. 423–424, 427–428]. Такое заключение воспринимается, по меньшей мере, как спорное. Да, Сталин говорил о постепенном освобождении депутатского корпуса от партийного контроля, о превращении Советов «в самостоятельную на деле, а не на словах ветвь власти [...] источник богатейшего резерва [...] для смелых сгнивших» кадров. Он вел речь и о поиске «беспристрастной формы подсчета голосов». На Западе, рассуждал Сталин, благодаря многопартийности, нет «искажения результатов голосования [...] У нас же различных партий нет. К счастью или к несчастью, у нас одна партия», а потому для контроля следует «использовать представителей общественных организаций, а не ВКП(б)». Но возникает во-

прос: сами по себе альтернативные выборы были достаточны для осуществления демократизации страны? Опыт второй половины 1940-х годов в странах Восточной Европы дает отрицательный ответ на этот вопрос.

На мой взгляд, учитывая условия монопольной власти, реализуемой в приказном порядке сверху вниз, есть значительно больше оснований считать, что Сталин совершал политический маневр, который неоднократно повторял в странах народной демократии. Вероятнее всего, это было предупреждение усилившемуся «второму эшелону» партийных кадров. На самом деле, новый закон дал бы Сталину другую, помимо прямого насилия, возможность и конституционное право производить замену партийный кадров, манипулируя итогами выборов³. В конкретных условиях середины 1930-х годов он позволял, отвлекая внимание страны от жесточайших репрессий, «передавать» ответственность и за экономические провалы, и за репрессии «второму эшелону» номенклатуры, тем, кто правил на местах. В случае проведения альтернативных выборов представители аппарата оказывались перед реальной угрозой (после жестоких внутривнутрипартийных «чисток» и массовых антикрестьянских репрессий в ходе коллективизации), не получив или потеряв депутатство и вместе с ним обрета или утратив партийную должность, быть в любое время неизбежно и жестоко наказанными. Через пять недель после 1 мая 1937 г. из 120 членов ЦК «убыло» 36 высоких партийных функционеров [12. С. 371, 420]. Понятно, что «узкое руководство» не допускало и мысли о применении нового закона в отношении себя самого.

Вместе с тем, надо обратить внимание на важный вывод Жукова: обсуждение и принятие нового закона о выборах стало «прелюдией массовых репрессий». Их новая «волна» была поднята «широким руководством», которое попыталось немедленно изменить «ход» политических репрессий. После утверждения закона на пленуме ЦК ВКП(б) в июне 1937г. оно повернуло «стрелку» террора от себя направлением «вниз». За этим последовало превращение политического оговора из «угрожающей тенденции» в массовое явление: «Не от НКВД, пишет автор, а от рядовой партийной массы поначалу поступали сведения, которые ложились в основание уже чисто политических обвинений». Размах доноительства, делает вывод Жуков, убедил (что маловероятно) «узкое руководство» «в несостоятельности задуманной демократизации страны, неготовности населения принять и использовать только в собственных интересах новую систему выборов», поэтому «все действия группы Сталина, направленные на предельное расширение круга активных участников альтернативных выборов, обернулись позорным провалом». В октябре 1937 г. политбюро отвергло альтернативность выборов, но появился суррогат – «блок коммунистов и беспартийных». На этом основании Жуков делает заключение, что номенклатура выиграла «бое столкновение» с «узким руководством» [12. С. 432, 437–439, 450–451, 458–463, 472–474, 477]. Но и Сталин не был в проигрыше.

Воссозданные в книге намерения группы Сталина подправить политический механизм в стране закончились, не начавшись, но они, считает автор, привели, и это показано в работе, к укреплению единоличной власти и сложившихся властных полномочий через персонифицированное обновление «широкого руководства», распределение, рассредоточение «вины» за насилие в стране. Массовые политические репрессии после пленума были инициированы и осуществлялись «широким руководством». Сталин нашел (или предусмотрел?) безопасный для своей власти вариант решения двух важнейших задач: политической (нейтрализация тенденций к размыванию власти, за которыми стояли претензии номенклату-

³ Следует отметить, что «сюжет» с альтернативными выборами в книге Жукова, отчасти объясняет заинтересованность Сталина в существовании многопартийной системы в послевоенной Восточной Европе.

ры, и потребность в усмирении страны) и экономической (незатратный труд миллионов заключенных советских лагерей в ходе индустриализации). Тем самым ускорялось превращение советского общества в тоталитарное.

При богатстве и новизне достоверных источников, и, казалось бы, приемлемости многих авторских выводов книга Жукова страдает не до конца проработанной и убедительной концепцией. Поэтому она встречена научной общественностью неоднозначно. Порой Жукова причисляют к апологетам Сталина [1. С. 20], с чем вряд ли можно согласиться. Но возникает много вопросов, вызываемых, в том числе авторской интерпретацией документов. Среди них наиболее дискуссионный: можно ли считать Сталина и его группу «реформаторами», действительно желавшими демократизации, свободных выборов, пытавшимися опереться на профессионалов в управлении экономической и дать спокойную жизнь стране? Может быть, эти «реформаторы», намеревались перейти к коллективному «авторству» репрессий в стране и тем самым отвести от себя вину за массовую гибель людей в прошлом, настоящем и будущем? Если это так, то «партию» с номенклатурой Сталин выиграл. В его невиновность многие верили тогда, кое-кто продолжает верить до сих пор.

Одним из направлений в российской историографии сталинизма являются многочисленные специальные исследования фигуры советского диктатора. Среди них особое место занимает книга Б.С. Илизарова «Тайная жизнь Сталина. По материалам его библиотеки и архива» [13]. Она отражает достоинства и недостатки работы над историческими портретами советских политиков и государственных деятелей. Илизаров, будучи историком-архивистом, осилил труднейшую и огромную по объему исследовательскую работу во многом специалиста-психолога. Он попытался, анализируя пометы на полях книг и статей, которые читал или просматривал Сталин, воспроизвести его внутренний мир и мотивы политических действий. Характеризуя Сталина как человека власти, историк признает, что «это была натура гораздо более сложная, противоречивая и незаурядная, чем о нем пишут [...] наши современники, пережившие “культ личности”, его разоблачение и настороженно отслеживающие каждую попытку его исторической реабилитации». Этот и следующий тезисы Илизарова: «Убежден – к Сталину, к сталинизму как явлению всемирно-исторического масштаба, следует относиться серьезно, не менее серьезно, чем к Гитлеру и национал-социализму. Так же серьезно, как к Сталину относились все его знаменитые современники – от Троцкого и Черчилля до Рузвельта и того же Гитлера» [13. С. 6–7], – не вызывают возражений, хотя расстановка этих политиков весьма неожиданна и не бесспорна. Илизаров разделяет широко известное мнение Троцкого о Сталине как о «самой выдающейся», но все же «посредственности», тем не менее, признает масштабность и одновременно зловещность фигуры «вождя всех народов», распространяя на него свое убеждение, что «кумиры человечества всегда вырастают из смеси огромного личного обаяния и безграничной жестокости. Страх – источник “обожествления”» [13. С. 102]. Лейтмотив книги и главный образ Сталина отражены в авторской итоговой, не лишенной эмоциональности характеристике этого человека и политика: «Удачливый политический палач, изощренный социальный садист, осторожный и дерзкий интриган, он еще задолго до войны был убежден в особом своем предназначении, в особой исторической миссии, возложенной свыше на него» [13. С. 418].

Мне неизвестны документы, подтверждающие некую изначальную убежденность Сталина в его божественном предназначении. Думается, что при характеристике Сталина как личности, прежде всего, политической, больше бы подходили другие констатации. Например, жесткий и беспощадный – в одних случаях и мягкий – в других политик-прагматик, действовавший по правилам высшей политической математики, человек-игрок, нередко обращавший свои поражения в

победы, попиравший собственные идеологические принципы и не проигравший при жизни свою главную цель – абсолютную власть в государстве.

Следуя за автором по страницам книги, задаешься вопросом, должны ли действовать в научной работе этические нормы, например, уважения к здоровью-нездоровью, внешнему облику человека-политика? Автор отрицает нередко встречающуюся информацию о психическом заболевании (паранойя) лидера ВКП(б), но одновременно предлагает читателю почти натуралистическое описание других тяжелых недугов, в том числе невротических состояний Сталина, постоянных болей и нарушений в работе сталинского желудка. Создается впечатление, что физические страдания этого человека Илизаров воспроизводит с неким налетом удовольствия, как бы смакуя сведения, ставшие ему доступными. Трудно избавиться от, возможно неверного, предположения, что за научными выкладками Илизарова есть предварительно сформировавшееся (личное?) отношение к этому «вождю всех народов», и новыми материалами он его закрепляет [17]. Впечатление об изначальной заданности авторского отношения к Сталину усиливается тогда, когда Илизаров объясняет психологией Сталина его внешнеполитические действия в период Великой Отечественной войны. Но это – предмет другого разговора.

В связи с книгой Илизарова возникает общий, сложный вопрос о том, каковы критерии объективности исторических исследований, где грань между по-разному мотивированной, вольной или невольной предвзятостью, порой навязыванием точки зрения – с одной стороны, и реальным многообразием научной интерпретации источников – с другой? Может быть, следует лишь стараться не нарушать известный принцип Спинозы: *non lugere, non ridere, neque detestari* (не возмущаться, не смеяться, не ненавидеть, а понимать – добавим мы).

Такую задачу «понять» поставил и выполняет Н.И. Капченко, автор незавершенной пока трехтомной «Политической биографии Сталина». В томе, охватывающем 1924–1939 годы, он признает, что историк, как и любой человек, не может «быть выше предела, predetermined природой [...] не может полностью избежать положения, которое можно назвать, фигурально выражаясь, положением невольника собственных мыслей и чувств», но открыто заявляет, что «пытался соблности необходимо долю объективности» [11. С. 6].

Такие признания нечасто делаются историками вообще, а теми, кто, бывает, претендует на научную истину, в особенности. И тогда читатель получает книгу – месь, анафему, или книгу – апофеоз деяниям «вождя», определяемую политическими или идеологическими пристрастиями. Работа Н.И. Капченко другая. Это исследование нетипичное для современной российской историографии. В нем нет указаний на авторские архивные открытия. Исполнены отечественная научная литература и новое тщательное прочтение документов той, давно ушедшей эпохи. В результате в историографии заняла свое место книга-размышление, лишённая категорических утверждений об успехах и достижениях страны, с одной стороны, и однозначных оценок трагических событий, с другой. В ней нет похожего порой на политическую карикатуру только негативного или только позитивного образа Сталина. Учитывается и то и другое, сохраняется «большое поле для сомнений и размышлений» над личностью Сталина, подчеркивается «разительная противоречивость многих сторон политической стратегии Сталина и вообще его деятельности» [11. С. 507]. В подтверждение этого приведем авторские оценки времени террора. Капченко признает, что «здесь, в еще большей степени режиссером и главным действующим персонажем выступал Сталин [...] он вписывал одни из самых мрачных ее (нашей истории. – А.Н.) страниц [...] содержание которых до сих пор поражает своей жестокостью, масштабами, а порой и бессмысленностью [...] Не все в них прояснено до конца [...] но общая картина ясна» [11. С. 550–551]. Подводя итог, он делает важнейший вывод: «Необходимо предостеречь против одного – не следует толковать этот период однозначно. Террор и

репрессии не должны заслонять собой величайшие достижения нашего народа в этот самый период. Процессы, как говорится, шли параллельным курсом. Именно их сложное переплетение и наложило свою неизгладимую печать на нашу историю тех лет. И глубоко ошибаются те, кто за великими достижениями народа не хочет видеть и серьезных исторических издержек, понесенных советским обществом» [11. С. 702].

О недопустимости изображать сталинизм только как террор и репрессии, или, напротив, не учитывать фактор насилия, пишут многие наши историки. И среди них – специалисты по истории стран Восточной Европы после Второй мировой войны. В 2002 г. вышла, а в 2008 г. была периздана монография «Москва и Восточная Европа. Становление режимов советского типа (1949–1953). Очерки истории» [3], которую авторы (Т.В. Волокитина, Г.П. Мурашко, А.Ф. Носкова, Т.А. Покивайлова) считают логическим продолжением уже упоминавшейся книги «Народная демократия: миф или реальность?». Они полагают, что «с 1949 г. начался новый этап в истории региона: компартии стали интенсивно осуществлять трансформацию всех сторон жизни общества в соответствии со сталинской доктриной построения социализма» [3. С. 9]. Тем не менее, авторский коллектив не ставил перед собой задачу дать исчерпывающий анализ процесса становления политических режимов, ядром которых была монополярная власть одной партии. Исследовательские усилия были сконцентрированы на тех крупных и важных для определения сути режима проблемах, которые недостаточно исследованы или вообще не ставились отечественными историками. К ним отнесен ряд вопросов: оформление системы государственной власти; состояние кадров и формирование партийно-государственной номенклатуры; монополизация информационного «поля» и попытки блокады региона; внутрипартийные политические репрессии как средство второй «большевизации» компартий; подавления инакомыслия, упреждения оппозиции и принуждения к гражданскому согласию. Впервые в отечественной историографии ставится проблема советских советников, анализируется предназначение и деятельность представителей этого института [3. С. 25].

В результате анализа многочисленных архивных и опубликованных материалов, а также отечественной и национальной литературы коллектив пришел к выводу, что «на протяжении 1949–1953 гг. страны Восточной Европы охватила “вторая волна” тоталитаризма: там утверждались политические режимы, принципиально новые для данного региона, основу которых составляли национальные варианты власти советского типа. Они различались степенью приближенности к сложившемуся в СССР “классическому сталинизму” – партийно-бюрократической диктатуре» [3. С. 660]. Как полагают авторы монографии, в указанный исторический отрезок времени были созданы основные, «несущие» элементы советской модели, приведены в действие типичные для этой модели механизмы поддержания всей «конструкции», включая политически мотивированный террор. Тем не менее, они убеждены, что есть основания определять политические режимы в странах региона, как, несомненно, близкие советскому образцу, но не являвшиеся аналогами советского сталинизма. Их отличие состоит «в степени развертывания заложенного в этой “конструкции” тоталитарного потенциала». В подтверждение этого тезиса приводится ряд аргументов: различия цивилизационного развития СССР конца 20-х – начала 30-х годов и региона в середине XX в., разный масштаб леворадикальных настроений в революционной России и в послевоенном восточноевропейском регионе, где произошло возрождение партийно-политического многообразия и «на антифашистской, национально-освободительной и демократической основах сложился и действовал (в ряде стран по принуждению) механизм общественного консенсуса, основанный на принципе демократии по соглашению различных политических сил» [3. С. 667].

Раскрывая авторское утверждение о демократии по соглашению и консенсусе «в ряде стран по принуждению», надо (в первую очередь применительно к ситуации в Польше) добавить, что различные социально-экономические и политические меры достижения гражданского согласия сочетались с такими приемами политического управления обществом, которые политологи относят к авторитарным. Речь идет о мощном политическом давлении на ближайших союзников, нетерпимости вплоть до насилия и репрессий в отношении представителей легальной политической оппозиции, о фальсификации итогов опроса 1946 г. и голосования на выборах 1947 г. в парламент, как способах принуждения части граждан приспособляться к реальности «за окном». Использование авторитарных методов обращения с обществом было своего рода сигналом, но вовсе еще не означало обреченности стран региона на сталинизм, избежать чего стремились сторонники «национальных путей к социализму», к несветскому социализму.

Все методы принуждения или отдельные из перечисленных, примененные в разной мере в разных странах на этапе народной демократии, оказывали психологически тормозящее воздействие на массовое сознание, и откладывали на будущее общественную реакцию на принуждение. Их можно поставить в ряд с другими обстоятельствами (отсутствие идеологической монолитности компартий, ставка на экстенсивный путь экономического развития, технологическое отставание как следствие изоляции от мира, отсутствие мощной, консолидирующей власть и общество общенациональной идеи, какой была защита отечества в СССР в 1941–1945 гг.), отражавшими и определявшими иную готовность восточноевропейского общества рубежа 40–50-х годов XX в. к восприятию советской модели, и по историческим меркам краткосрочность существования национальных вариантов сталинизма в регионе.

Одним их успехов современной отечественной исторической науки считается применение учеными дополняющих друг друга цивилизационного и модернизационного методов анализа истории той или иной страны. При этом, «классические» историки, авторы конкретно-исторических работ одновременно нередко выступают политологами-аналитиками той структуры правления, которая получила название «тоталитаризм» [15].

Среди многочисленной научной литературы на эту тему представляется целесообразным остановиться на работах В.В. Дамье, специалиста по истории германского фашизма, и А.С. Сенявского, исследующего урбанизацию как базовое явление в истории утверждения тоталитаризма в России. Позиции этих историков в соединении и сопоставлении дают представление о понимании отечественными учеными, как проблемы «тоталитаризма» вообще, так и рождения тоталитарной системы в СССР, специфики российского варианта и его отличий от западных моделей.

Дамье трактует тоталитаризм, как «особый вид господства, отличный как от авторитарных режимов, так и от распространявшихся форм представительной демократии». Он называет подход к этому явлению как к типу власти, находящемуся на противоположном полюсе от либеральной демократии, политологическим; подчеркивает, что «в данном виде понятие предельно политизировано, превратившись, в конечном счете, в один из инструментов холодной войны». «По существу, подводится итог, *поглощение общества государством* в идеально-типическом варианте “тоталитаризма” и означает модель “тотального”, т.е. всеобъемлющего, всеохватывающего государства, которое полностью растворяет общество в себе», монополизируя право на принятие решений и на применение насилия. Дамье разделяет мнение тех ученых, которые полагают, что тоталитарные режимы нельзя воспринимать в отрыве от исторического развития и общественной «среды», что нет жестких барьеров, отделяющих тоталитарные режимы от авторитарных или демократических систем власти, что они «вырастают из них или возвращаются в

них». Он предлагает рассматривать тоталитаризм «не только в узком, политологическом смысле – как *тип власти, режим*, но и как *тоталитарные тенденции*» развития и «рационализации» механизма господства, которые в одних конкретно-исторических условиях «могут приводить к созданию тоталитарных режимов», в других случаях и в косвенной форме «продолжают действовать в рамках демократических обществ» [16. С. 53–55].

Все это вместе взятое автор называет феноменом XX века.

А.С. Сенявский как и Дамье, не сомневается в применимости понятия «тоталитаризм» к истории России, в том, что весь XX век прошел для России под знаком тоталитаризма. Учитывая, что отношение российских обществоведов к понятию «тоталитаризм» различное: кто-то его вообще отвергает, кто-то считает неприемимой к отечественной истории излишней теоретической конструкцией, Сенявский, со своей стороны, предлагает относиться к нему как к рабочему инструменту, как к варианту обобщения исторической конкретики для сопоставления отечественного исторического процесса и общемирового. «Исследовательские модели, пишет автор, построенные на его основе, не отвечают на вопрос “как” (это задача конкретно-исторических исследований, вскрывающих генетический срез социальной реальности), но отвечают на вопрос “что”, обеспечивая опознание, идентификацию общественных явлений и тем самым, помогая раскрыть причины их возникновения» [17. С. 38]⁴.

Как и Дамье, он считает тоталитарность и демократию двумя разными качествами, «границы между которыми весьма условны и зыбки», двумя полюсами «одного и того же явления, составляющего политическую самоорганизацию общества соответственно базовым (материально-техническим, социокультурным) и ситуационным, конкретно-историческим условиям страны». Поэтому он настаивает на нормальности, естественности как демократических, так и тоталитарных моделей, на адекватности трансформации фашистских и коммунистических режимов в демократические модели и наоборот. Более того, Сенявский пишет: «Либеральные ценности (и возникшие на их основе либерально-демократические политические модели) имеют отнюдь не больше оснований считаться вершиной человеческой цивилизации, чем ценности коммунизма или социал-демократии». Под определение тоталитаризма как разновидности авторитарного (антидемократического) государства подпадают как фашистские, так и коммунистические режимы, поскольку, как утверждает Сенявский, «тоталитарность как явление (и тоталитарность как тенденция к расширению государственного контроля над обществом даже в “демократических” моделях) есть продукт урбанизационного процесса». Обоснование он видит и в том, что в обоих случаях «партия – монополист власти навязывает всему обществу некую идеологию в качестве абсолютной истины, оправдывающей ее господство и освещающей переустройство общества на неких идеальных началах, ради чего, собственно и провозглашается право контроля партии над государством, государства над всеми сферами общественной жизни и деятельности, применение убеждения, “воспитания” и принуждения, включая полицейский и идеологический террор» [17. С. 38–40, 44].

Россия, полагает Сенявский, стала открывателем тоталитарной модели левой модификации, но настаивает: «Урбанизация и “тоталитаризация” не просто шли параллельно, а явно переплетались, во многом взаимно обуславливаясь». Это взаимодействие расценивается как суть российского исторического процесса в XX веке с оговоркой, что урбанизация «оказывается первичной – не только хронологически, по времени возникновения, но и по типу взаимодействия в этой исторической связке» [17. С. 36–37]. «Гипертрофию государства вплоть до тоталитарных форм» Сенявский называет правилом для большинства стран, совершавших урба-

⁴Подробнее см. [18].

низационный переход, ибо с точки зрения общемирового исторического процесса неважно, какая из тоталитарных моделей – левая (прокоммунистическая) или правая (профашистская) реализовалась. Суть дела в том, что «они выполняли сходные функции сублимации социальной напряженности, перевода разрушительного влияния базовой общественной нестабильности в сферу решения внутренних или (и) внешних государственных проблем» [17. С. 46–47].

«Феномен вполне закономерного тоталитаризма левой модификации, – полагает автор, – впервые был порожден и явлен миру Россией, начиная с 1917 г.» [17. С. 36]. Он объясняет это формированием и нарастанием в «исторической полосе повышенного риска», связанного с переходом общества из сельского состояния в городское, и нарастанием радикального потенциала массовых социальных движений маргиналов. В ситуации кризиса их приход к власти «был чреват реализацией тоталитарных моделей». Это и произошло в России, где социальные возможности появления тоталитаризма сформировала урбанизация, начавшаяся с опозданием и развивавшаяся ускоренными темпами. Как считает автор, «закономерной реакцией социума [...] на действие центробежных сил, вызванных урбанизацией, является тенденция к увеличению масштабов и глубины государственного проникновения в общественную жизнь, его ужесточения» [17. С. 41]. «Не лица, не партии и не идеи [...] решали участь России, а состояние социальной почвы, вспаханной урбанизацией и засеянной мировой войной. Большевики лишь собрали урожай, но кто-нибудь да должен был это сделать [...] Лечение требовало куда более сильных средств, чем обычная генеральская диктатура. В условиях общественного распада Россия приняла большевизм как наиболее адекватную своему состоянию политическую силу [...] Но это одновременно означало принять тоталитаризм» [17. С. 43–44]. С таким обобщением Сеняевского трудно спорить, как и с констатацией, что сам большевизм, видоизменяясь, сохранил марксистскую оболочку, утрачивая ее «дух», но выполнял требование времени – превращения страны в индустриальное государство. Автор прав и в том, что «тоталитарный потенциал в обществе нарастал в 30-е, в 40-е, в 50-е годы. Его не мог поколебать никакой XX съезд» [17. С. 50–51]. Новые социально-экономические реальности второй половины XX века, когда, по утверждению Сеняевского, завершалась стадия превращения общества в городское, оказывались несовместимыми с советским тоталитаризмом, сложившемся в годы правления Сталина, именуемым теперь сталинизмом. Советская система «вползала в кризис» [17. С. 54]. Такое наблюдение весьма убедительно. Исходная позиция автора определяет и его генеральный вывод: «Главное, что произошло в России в XX веке, – это не Октябрьская революция, не сталинские репрессии, даже не Великая Отечественная война. Главным фундаментальным явлением был переход от сельского общества к городскому, и волею исторических судеб он совершился в форме тоталитарного коммунистического государства» [17. С. 56–57].

Представленная точка зрения российского историка может восприниматься как один из «голосов» в дискуссии, но она, на мой взгляд, заслуживает внимания исследователей, поскольку на примере сталинизма предлагает перспективу изучения тоталитаризма за пределами его политической составляющей.

В.В. Дамье в целом разделяет социально-экономические доводы А.С. Сеняевского, и добавляет к ним некоторые иные специфические черты российской действительности. Во-первых, сильный заряд авторитарности в самом революционном движении, порождавшийся неверным представлением о якобы «действующем на общее благо» интеллигентском руководстве, на самом деле стремившемся использовать революцию в своих сословных интересах. Во-вторых, суровость подпольного существования революционных организаций, прежде всего большевистских при царском режиме, что обуславливало жестко централизованное кадровое построение партии и самоощущение большевиков, формировало их представления

о путях к социализму через насилие. В-третьих, подавляющее большинство населения, то есть деревня, «совмещала в себе черты как солидарности, социальной автономии и взаимной помощи, так и авторитарности, иерархии и безусловного подчинения “низов” “верхам”, индивидуального, личного – целому» [16. С. 71–73]. Все это способствовало принятию тоталитаризма в СССР.

Сравнивая тоталитарные режимы, итальянский фашизм, германский нацизм и сталинский псевдокоммунизм, Дамье квалифицирует их как «классические». Он подчеркивает, что все они оказались у власти разными путями (итальянский и германский выросли из массовых тоталитарных движений, сталинская диктатура была установлена «сверху», путем захвата власти). Задачи мобилизации массовых движений тоже были различными (перестройка экономики и общественной жизни «с целью подготовки к широкой экспансии вовне» – в Германии и Италии и осуществление форсированной индустриализации и наращивание производства – для победы социализма и мировой революции – в СССР). Идеологически по-разному мотивированным было их общее «оружие» – этатизм. И все-таки, сравнивая режимы, как считает Дамье, «в их механизмах и структуре можно обнаружить явное сходство» [16. С. 76]. Это «сходство» в стремлении поглотить общество, контролировать жизнь людей; во власти обожествленного вождя-диктатора, опиравшегося на жесткую иерархию партии-государства и во включенных в вертикаль корпоративных организациях, а также в терроре как средстве контроля и подавления. Вместе с тем, Дамье придерживается мнения, что «сталинская диктатура обладала в определенном смысле наиболее монолитной и унифицированной вертикальной структурой», так как она опиралась на сформировавшийся «социальный слой номенклатуры со своим самосознанием» и «не была вынуждена инкорпорировать в себя первоначально инородные элементы и параллельные иерархии» [16. С. 79–80]. Поэтому он квалифицирует сталинизм «как более “упрощенный” и в то же самое время “приближенный” к “идеальному типу” вариант» тоталитаризма, как разновидность «догоняющей буржуазной модернизации» [16. С. 91].

Итак, мнения Дамье и Сенявского сходятся в главной посылке – возникновение тоталитаризма обуславливалось процессом создания индустриального общества или перехода от одной его стадии к другой. Конкретный «образ» режима был отражением специфики развития каждой страны. Таковы некоторые итоги работы наших историков по проблеме сталинизма в СССР и странах Восточной Европы. Они отражают переход российской историографии в качественно новое состояние, превращение ее в составную часть мировой историографии, в данном случае сталинизма.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Историография сталинизма. М., 2007.
2. Иного не дано. М., 1988; «Круглый стол»: Советский Союз в 20-е годы // Вопросы истории. 1988. № 9; *Плимак Е.Г.* Политическое завещание В.И. Ленина. Истоки, сущность, выполнение. М., 1988; *Цинко А.* Истоки сталинизма // Наука и жизнь. 1988. № 10–12; 1989 № 1–2; Историки спорят. 13 бесед / Под ред. В.С. Лельчука. М., 1989; Урок дает история. М., 1989; *Волкогонов Д.А.* Триумф и трагедия. Политический портрет И.В. Сталина. М., 1989. Кн. I–II; *Гордон Л.А., Клопов Э.В.* Что это было? Размышления о предпосылках и итогах того, что с нами случилось в 30–40-е годы. М., 1989; *Бутенко А.П.* О социально-классовой природе сталинизма // Вопросы философии. 1989. № 9; *Бутенко А.П.* Откуда и куда идем: взгляд философа на историю советского общества. Л., 1990; *Лацис О.Р.* Перелом. Опыт прочтения несекретных документов. М., 1990; История и сталинизм / Сост. А.Н. Мерцалов. М., 1991; *Бордюгов Г.А., Козлов В.А.* История и конъюнктура. Субъективные заметки об истории советского общества. М., 1992; Формирование административно-командной системы. М., 1992; *Хлевнюк О.В.* 1937-й: Сталин, НКВД и советское общество. М., 1992; *Роговин В.З.* Была ли альтернатива? «Троцкизм»: Взгляд через годы. М., 1992.
3. *Волокитина Т.В., Мурашко Г.П., Носкова А.Ф., Покивайлова Т.А.* Москва и Восточная Европа. Становление политических режимов советского типа. 1949–1953. Очерки истории. М., 2002.
4. Восточная Европа в документах российских архивов. 1944–1953. М.; Новосибирск. 1997, 1998.

- Т. 1–2; Советский фактор в Восточной Европе. 1944–1953. Документы. М., 1999–2001; НКВД и польское подполье (По «Особым папкам» И.В. Сталина.). 1944–1945. М., 1994; Три визита А.Я. Вышинского в Бухарест. 1944–1946. М., 1997.
5. *Волокитина Т.В., Мурашко Г.П., Носкова А.Ф.* Народная демократия: миф или реальность? Общественно-политические процессы в Восточной Европе. 1944–1948 гг. М., 1993.
 6. *Восленский М.С.* Номенклатура. Господствующий класс Советского Союза. М., 1991.
 7. Восточноевропейский социализм: становление режима, попытки его модификации, причины краха. М., 1992; Краткая история Польши. С древнейших времен до наших дней. М., 1993; Власть и интеллигенция: из опыта послевоенного развития стран Восточной Европы; У истоков «социалистического содружества»: СССР и восточноевропейские страны в 1944–1949 гг.; Тоталитаризм: исторический опыт Восточной Европы М., 1995; История СССР 1991. № 1; Новая и новейшая история. 1991. № 2; Советское славяноведение. 1991. № 6 и др.
 8. *Соловьев Б., Суходеев В.* Полководец Сталин. М., 1999. *Васильева А.Ф.* Новая попытка реабилитации Сталина и сталинщины // Вопросы истории. 2001. № 2; *Яковлев Н.Н.* Сталин: путь наверх. М., 2000; *Дорофеев Г.В.* Сталинизм: народная монархия. М., 2006; *Емельянов Ю.В.* Сталин: путь к власти. М., 2002; *Емельянов Ю.В.* Сталин на вершине власти. М., 2003; *Радзинский Э.* Сталин. М., 1997; *Костырченко Г.В.* Тайная политика Сталина. Власть и антисемитизм. М., 2001; *Жуков Ю.Н.* Сталин: тайны власти. М., 2005; *Над Н.* Как убивали Сталина. М., 2007; *Поликарпов В.С.* Сталин – властелин истории. Великий планировщик советской цивилизации. М., 2007; *Медведев Р., Медведев Ж.* Неизвестный Сталин. М., 2008.
 9. Сталин. Сталинизм. Советское общество. М., 2000.
 10. *Капченко А.В.* Политическая биография Сталина. Тверь, 2006. Т. 2.
 11. *Жуков Ю.Н.* Иной Сталин. Политические реформы в СССР в 1933–1937 гг. М., 2005.
 12. *Илизаров Б.С.* Тайная жизнь Сталина: по материалам его библиотеки и архива. К историософии сталинизма. М., 2003.
 13. *Илизаров Б.С.* Польша и поляки в оценках и представлениях Сталина. Между Польшей довоенной и Польшей послевоенной // Историк и художник. Польша – Россия. М., 2008. № 1–2 (15–16).
 14. Сталинизм: закономерность, угроза, вызов. Новосибирск, 1992; Сравнительный анализ двух форм тоталитаризма. Харьков, 1993; Что такое тоталитаризм: Исследования зарубежных политологов. М., 199. Ч. I–II; Тоталитаризм и антитоталитарные движения. Харьков, 1995; Тоталитаризм: исторический опыт Восточной Европы. М., 1995; Тоталитаризм в Европе XX века: из истории, идеологий, движений режимов и их преодоления. М., 1996; *Павлюченков С.А.* Военный коммунизм в России: власть и массы. М., 1997; *Галкин А.А.* Размышления о фашизме // Социальные трансформации в Европе XX века. М., 1998; Авторитарные режимы в Центральной и Восточной Европе. М., 1999; Россия и Германия на пути к антитоталитарному согласию. М., 2000; 50 лет без Сталина: наследие сталинизма и его влияние на историю второй половины XX века. Материалы «круглого стола» 4 марта 2003 г. М., 2005.
 15. *Дамье В.В.* Тоталитарные тенденции в XX веке // Мир в XX веке. М., 2001.
 16. *Сенявский А.С.* Российский тоталитаризм: урбанизация в системе факторов его становления, эволюции и распада // Власть и общество в СССР: политика репрессий (20–40-е годы). М., 1999.
 17. *Сенявский А.С.* Урбанизация России в XX веке. Роль в историческом процессе. М., 2003.

© 2012 г. Е.И. ЯКУШКИНА

СЕМАНТИКА СЕРБСКИХ ЛЕКСЕМ *ЧОЈСТВО* И *ЈУНАШТВО*

Сербские лексемы *чојство* ‘человечность’ и *јунаштво* ‘мужество’ обозначают этические ценности, занимающие важное место в традиционной культуре сербов и черногорцев. Семантику лексем, наряду с языковыми данными, раскрывают рассказы черногорского народного писателя М. Милянова «*Примјери чојства и јунаштва*». Вместе эти понятия составляют нравственный закон черногорцев, основанный на жертвенности.

The Serbian lexemes *чојство* ‘humanity’ and *јунаштво* ‘heroism’ designate moral values, which are very important for traditional culture of Serbia and Montenegro. Besides linguistic data, the semantics of the words is illustrated by stories of the folk writer M. Miljanov «*The examples of humanity and heroism*». These concepts form the Montenegrins’ ethic law, based on self-sacrifice.

Ключевые слова: этнолингвистика, сербский язык, народная аксиология, семантика, культурные концепты.

Описание духовных ценностей народа, для которых в языке существуют специальные слова, является одной из актуальных задач лексической семантики и этнолингвистики. «В настоящий момент наиболее достойным внимания представляется аксиологический аспект языка, так как духовные ценности являют собой “сердцевину” культуры, неразрывно связанную с языком» [1. С. 38]. Важное место среди духовных ценностей отводится этическим понятиям, которым посвящены фрагменты монографий, обобщающих опыт отечественной семантики [2; 3]. Вслед за Е. Бартминьским в настоящей работе диалектная и литературная разновидности языка в синхронии и диахронии рассматриваются как единое целое, отражающее общенациональную культуру [1. С. 33–38]. Для сербского материала (под сербским языковым материалом в статье понимается также и черногорский материал; случаи, когда сербские и черногорские данные противопоставляются, оговариваются особо) такой подход естественен и более продуктивен, чем, скажем, для русского языка, поскольку современный сербский общенародный язык и культура являются органичной частью и продолжением народно-крестьянской традиции, из которой современная культура выросла и в которой она укоренена.

Слова *чојство* и *јунаштво* связаны с сербскими лексемами *човек* ‘человек, мужчина’ и *јунак* ‘молодой мужчина, воин, герой’ и обозначают понятия, приблизительно соответствующие русским «человечность» и «мужество, геройство». В сербских и черногорских фольклорных и авторских текстах эти лексемы связаны устойчивыми синтагматическими отношениями: *У стиду гине чојство и јунаштво* [4. С. 336], *У невољи изгубе чојство и јунаштво* (Любиша) [5. Т. 4. С. 683], *Црногорце красе чојство и јунаштво* (из Интернета). Такая общность свидетель-

Якушкина Екатерина Ивановна – канд. филол. наук, старший преподаватель филологического факультета МГУ.

ствует о тесной связи между этими понятиями в сербской народной этике и дает основание рассматривать семантику этих слов в рамках одного исследования.

Чојство – фонетико-словообразовательный вариант лексемы, представленный в разных диалектах сербского языка и содержащей корень *човек* и суффикс *-ство*. В форме *чојство*, *чоуштво* эта лексема распространена в черногорских говорах [6. С. 555; 7. S.v. *чојство*; 5. Т. 4. С. 683], в южных и восточных сербских говорах: *човечанство* [8. С. 893; 9. С. 739], *човесто* [10. С. 676], *човество*, *човесто* [11. С. 454], *човество* [12. С. 482]¹. Черногорская лексема *чојство* фиксируется иногда и словарями литературного языка [14. С. 742], но более обычно для литературного языка слово *човештво* [15. С. 1520].

Все эти лексемы представляют собой фонетические адаптации церковнославянской лексемы *чловѣчьство*, которая в текстах сербских и хорватских авторов встречается с XIII в., чаще всего в формах *чов(ј)ечанство* и *чов(ј)ештво* [5. Т. 2. С. 65]. В старославянском и церковнославянском языках лексема *чловѣчьство* употребляется для обозначения человеческого рода (1) и человеческой природы (2), как правило, при указании на человеческую природу Иисуса Христа, соответственно греческому слову *ἀνθρώποτης* [16. С. 782], а в древнесербском и древнерусском языках – и в значении человеческой природы вообще: *На никога гледае ни одлагае на наше чловѣчьство* [17. С. 471]. *Ничто же о нем лукавно помысли, якоже подобаше по човечеству* [18. С. 1496].

В истории сербского языка слово *чловѣчьство* формально и семантически распалось на две лексемы: форма *чов(ј)ечанство*, за некоторыми диалектными исключениями, утвердилась в значении ‘человечество’, а *чов(ј)ештво* – в значении ‘человеческая природа, то, что присуще человеку’, обычно в нравственном смысле. В современном сербском литературном языке *човештво* описывается как ‘поведение, согласное человеческим принципам’ [14. С. 742] или – более узко – как *човечност* ‘човеколюбие, гуманность, благородство’ [15. С. 1520]. Так же описывают эту лексему и некоторые диалектные словари [12. С. 482; 7. S.v. *чојство*]. Большинство диалектных словарей трактует это слово не как черту характера – гуманность, или човеколюбие, а как совокупность нравственных принципов, этический закон. Авторы словарей определяют это понятие через такие литературные слова, как *морал* ‘нравственность’, *поштење* ‘порядочность, честность’, *достојанство* ‘достоинство’, *понос*, *част*, *углед*, *образ* ‘честь’ [6. С. 555; 9. С. 739]. Часто эти слова употребляются как синонимы для *чојство* в текстах: *Заборави на своју част и на човјештво* (Он забыл о своей чести и человечности) [5. Т. 2. С. 66]. *Чојски је он син, од њега можеш очекивати само поштење и чојство* (Он из хорошей семьи, от него можно ожидать только честных и благородных (сообразных человеческому достоинству) поступков) [6. С. 554].

Слово *человечество* в значении совокупности добрых человеческих свойств, т.е. в современном сербском диалектном значении, употреблялось в русском литературном языке XVIII–XIX вв. *Доблестные юноши мало имеют человечества в груди и смотрят на все как-то официально* (Добролюбов). *Обращения не понимают, человечества нет никакого* (Островский). *Поклялся я быть вечно верным дружбе и человечеству* (Пушкин). *Просто-напросто, по человечеству, хотелось его [раненого] успокоить* (Куприн) [19. Т. 17. С. 883]. В этом значении лексема *человечество* отмечена и в словаре Даля, который толкует ее так: ‘добрые свойства и природа людей, милосердие, любовь к ближнему, сочувствие’: *В нем нет человечества, людскости*² [20. С. 588]. Положительному этическому значению в

¹ Также с заменой суффикса: *човесл’к* [13. С. 367].

² Как и в русском, в сербскохорватском языке значение ‘добрые свойства человека’ дублируется дериватами от корня *l’ud-*: *уљудство*, *уљудност*. Ср.: *Neumoran je bio u ređivanju čovičstva i uljudnosti* (Он непостоянно совершал дела человечности) (Palikuća) [5. Т. 2. С. 66]; *Koji svojim pijanstvom uljudstvo i čovištvo grde* (Которые своим пьянством поносят человеческое достоинство) (Rapić) [5. Т. 2. С. 66].

русском языке, также как и в сербском, предшествовало безоценочное значение ‘человеческие свойства’: *Уста без жизни, волосы клочками, Глаза тупые с бледными зрачками.* – Да, точно вы сказали. В нем давно все человечество умерщвлено (Майков). Сколько позволяло мне мое слабое человечество, я исполнил долг свой и не запятнал его гнусным поступком (Лажечников) [19. Т. 17. С. 883].

Сербские синонимы слова *чојство* – *част, образ, поштење, достојанство* ‘честь, достоинство’ обозначают этический регулятор не только чисто нравственного, но и социального характера (отсюда *официрска част* ‘офицерская честь’), а также репутацию человека в глазах других, которую можно потерять, замарать или отмыть и о внешнем виде которой нужно заботиться, ср. поговорку *рука руку мије а образ обадије* (руку моешь рукой, а лицо (честь) – двумя руками). В отличие от них, слово *човештво* обозначает атрибут человека, похожий на русскую *совесть*, но не равный ей, поскольку одновременно указывает на совокупность качеств, приличествующих человеку, и тем самым приближается к русскому *личность* ‘совокупность свойств, присущих данному человеку’. Сербы и черногорцы, когда хотят человеку вынести нравственный приговор (русс. *у тебя нет совести*) в диалектной картине мира отрицают в нем всякое присутствие «человечества»: *Никакво човесто нема* (Никакой совести у него нет) [10. С. 676]; *Мало је човесто у овога* (Мало в нем человеческого); *Никако човесто немаш* (Нет у тебя совести) [11. С. 454]; *Срам те било где ти е човечанство* (Как тебе не стыдно, где твоя совесть); *Ти од човечанство ништа немаш* (Совести у тебя нет) [8. С. 893]. Слово *савест*, хотя и употребляется в литературном языке, но слабо в нем укоренено и, по всей видимости, является русизмом, оценке же *бессовестный* у сербов соответствует диалектная лексема *нечојски* и литературная *безобразан*. По-сербски отсутствие в человеке *чојства* означает не то, что он лишен «человечности» в русском смысле этого слова, т.е. «бесчеловечен», «жесток», а то, что в нем отсутствуют какие бы то ни было признаки личности.

Своеобразие семантического наполнения слов *чојство/чов(ј)ештво* у сербов и черногорцев связано с особенностями их представления о «настоящем» человеке, которым прежде всего является мужчина. Как известно, в сербском языке слово *човек* имеет два значения – ‘человек’ и ‘мужчина’. Согласно историческому словарю, слова *чојство/чов(ј)ештво* в черногорских и сербских диалектных текстах, в том числе в составе формулы *чојство и јунаштво*, употребляются именно в значении ‘то, что присуще мужу’ [5. Т. 2. С. 66]. Такая производность объясняет мужественный характер черт, обозначаемых у сербов и черногорцев словами *чојство/чов(ј)ештво*. В русской языковой картине мира сущностью человека являются сострадание, милующее сердце, доброта (*человечный, человечность*), внимательность, отзывчивость к другим людям (*человеческое отношение*) [21. Т. 4. С. 660; 22]. В сербских и черногорских дериватах слова *човек* отражена не только идея гуманности, но и достоинства и благородства: *човечност* ‘человеколюбие, гуманность, благородство’ [15. С. 1520], *човечан* ‘исполненный человеколюбия, свойственный благородному, доброму человеку’ [14. С. 742], *чоковати* ‘жить по-человечески, с достоинством, честно’ [23. С. 299]. «*Чојство* (человечность) заключает в себе понятие о человечности или гуманности с придачею еще и других качеств: ума, характера, честности и великодушия. Если он (черногорец) говорит: “я сам чоек”, это значит, что он считает себя обладающим всеми указанными качествами. “Чоече!”³, говорит черногорец, обращаясь к кому-либо, он, не перечисляя его заслуг и достоинств, скажет только: “Баш е чоек”, и в этом одном слове соединяются все достоинства, или “чоек од чока”, когда его отец и другие пред-

³ Ср. рус. устар. *человек* ‘слуга’ и уничижающее обращение к низшему: *Человек!* Такие употребления несут семантику безличности, говорящего не интересуется индивидуальность собеседника, он уподобляет его предмету.

ки были доблестные люди. Если он не обладает никакими достоинствами, то он “нечоек, бестиа” [...] У черногорцев с этим именем (человека. – Е.Я.) соединяется понятие чего-то возвышенного, сильного, мужественного. “Я говорю тебе, как человеку”, “ты поступи, как человек”, “я поступлю с тобой, как с человеком”, в этих выражениях видно, как высоко он ставит достоинство человека» [24. С. 372]. В сербской традиционной культуре слово *човек* может выступать как высокая нравственная оценка, без атрибута «настоящий», как этого требует русский язык, поэтому в отличие от русского языка [25. С. 372], сербск. *човек* может выступать в позиции оценочного предиката: *Она је човек* (Она настоящий человек).

В Черногории слово *чојство* приобрело особый статус, став названием важного культурного концепта, национального идеала. В Сербии это слово, как и выражение *чојство и јунаштво*, употребляется только применительно к черногорцам, а в ассоциативных исследованиях слово *чојство* у двух информантов засвидетельствовано как реакция на стимул *Црногорци* [26. С. 515]. Соответствующее черногорскому слову *чојство* сербское слово *човештво* и обозначаемое им понятие в Сербии особого культурного статуса не приобрело.

Слово *јунаштво* по семантической мотивации близко к слову *чојство*: оно производно от слова *јунак* ‘воин, добрый молодец’, ‘сильный, смелый, мужественный человек, герой’, в древнесербском языке обозначавшего молодого мужчину [17. С. 535]. Лексема *јунаштво* фиксируется с XVI в., тогда же начинает распространяться и значение ‘герой, сильный, смелый, мужественный человек любого возраста’ [5. Т. 4. С. 682], которое со временем становится основным. В отличие от сербского *херој* и русск. *герој*, лексема *јунак* описывает свойства личности – мужество, великодушие и человеческого сердца, что отражают такие употребления, как *јунак срцем* ‘герой сердцем’ (Любиша) [5. Т. 4. С. 682]. Подобно слову *човек*, лексема *јунак* выражает высокую нравственную оценку человеческой личности, которой присуще *човештво*: *Ти си [...] мудар и јунак, на ћеш све твоје душмане својијем чоештом обезоружати* (Ты мудрый и мужественный, поэтому ты обезоружишь своим благородством всех своих врагов) (Любиша) [5. Т. 2. С. 66]. Такие употребления особенно характерны для народного языка и авторских текстов XVIII–XIX вв., но живы и в современном употреблении, ср. примеры из электронного корпуса сербского языка: *Ko је јунак, naprijed!* (Кто тут смелый, вперед!); *Marko је био izuzetan јунак* (Марко был человеком редкого мужества); *Она је о њему знала да је јунак, pošten, skroman* (Она знала, что он мужественный человек, честный, скромный) [27].

Помимо этого значения в современном сербском языке слово *јунак* широко используется в качестве социальной оценки, синонимично слову *херој*. В этом случае оценка *јунак* присваивается не за внутренние качества человека, а за поступок, который общество оценивает как исключительный (по внешним проявлениям). *Inspektor spasio štene i postao јунак* (Инспектор спас щенка и стал героем) (из Интернета). Такие употребления, однако, редки. В силу своей этичности, оценка *јунак* абсолютно позитивна, а потому возвышена и применима, скорее, к историческим, легендарным личностям. Она встречается в историческом и фольклорном контекстах, когда речь идет о Косовском бое, о Королевиче Марко и прочих богатырях-героях эпических песен; к современникам эта оценка, с большей степенью вероятности, будет применена посмертно: *гроб незнаног јунака* ‘могила неизвестного солдата (букв. героя)’ [15. С. 511–512]. При оценке общественно значимых поступков современников, как правило, будет использовано слово *херој* ‘исключительно смелый человек, велики јунак’, ‘великий человек своего времени’ [15. С. 1461]: *Herој «narandžaste revolucije» Juščenko* (Герой «оранжевой революции» Ющенко); *Predsednik Mesić dočekан је на Kosovu kao herој* (Президент Месич встречен на Косове как герой) (из Интернета). Звание, присваивавшееся за геро-

изм в народно-освободительном движении Югославии, называлось *народни херој* [15. С. 1461].

В переносном значении *јунак* употребляется для обозначения важной роли человека в каких-либо событиях: *јунак дана* (герой дня) в спорте – *јунак утакмице* (герой матча), для обозначения персонажа художественного произведения – *јунак романа* (герой романа), *главни јунак у филму* (главный герой фильма).

Слово *јунаштво* ‘смелость, храбрость’, ‘героический поступок’ [15. С. 512] обладает тем же фольклорно-историческим ассоциативным фоном, что и слово *јунак*. В современном языке употребляется исключительно как название легендарной национальной черты сербов и черногорцев – смелости, мужества, ср. *заклињати се у српско јунаштво* (клясться сербским мужеством), в отличие от слов *хероизам, херојство*. В электронном Корпусе сербского языка слово *јунаштво* не зафиксировано [27].

Сербы считают *јунаштво* своей национальной чертой и устойчиво называют его «сербским»: *српско јунаштво*. В восприятии черногорцев *јунаштво* – главная черногорская черта, в новом государственном гимне она упоминается как основной атрибут Черногории: *Oj junaštva svjetla zoro, majko naša Crna Goro!* (Эй, мужества светлая заря, мать наша, Черногория!).

Концепты *чојство* и *јунаштво* поэтизированы черногорским народным писателем, выходцем из племени Кучи, воеводой Марко Миляновым в сборнике рассказов «Примјери чојства и јунаштва» (1900). Основное их содержание, по Милянову, заключается в самопожертвовании, ср. современный диалектный текст, отражающий память народа об этом: *Војвода Марко је вазде зборио да је чојство ка чуваш другога о себе* (Воевода Марко всегда говорил, что человечность – это предпочитать другого себе) [6. С. 555]. *Чојство* и *јунаштво* тесно сближаются, так что границу между примерами первого и второго провести невозможно – это великодушные поступки, в которых проявляются одновременно оба свойства.

Наиболее типичный пример *чојства* и *јунаштва* – это прощение обидчика и отказ от мести. Родственник убитого прощает и отпускает убийцу, который уже находится в его руках, или спасает убийцу от турок. Часто человек поступает таким образом, если убийца – последний сын в семье и с его смертью прекратится род. В одном рассказе мать убитого дает хлеб убийце сына, которого хотели убить у нее на глазах: *«Јеђи, Радоване, па иди дома! За кај не гледам Века живого, неђу ни да гледам тебе мртвога!»* (Ешь, Радован, и иди домой! Если я не вижу Веко живого, не хочу смотреть и на тебя мертвого) [28. № 43]. В другом случае убийца не хотел защищаться от мстителей, сознавая свою вину – *дужан сам ти крв* (я должен тебе кровь). За это преследовавшие его Лука и Йован простили его: *ово су Луки и Јовану у велике међу народом броји* (это считается в народе великим подвигом Луки и Йована) [28. № 68]. Еще в одном рассказе герой не убивает турка, а берет его в плен и предоставляет ему возможность жить в своем доме [28. № 47]. Вторая типичная ситуация, раскрывающая *чојство* и *јунаштво*, – это преданность православной вере и своему народу, от которой не отрекаются под угрозой смерти – ср. языковую антонимию слов со значением ‘герой’ и ‘предатель’ в разных языках, например серб.: *Вук Бранковић – јунак или издајник?* (Вук Бранкович – герой или предатель?). Третья ситуация – жертвование собой на войне. Мать, провожая сыновей на войну, хочет, чтобы они погибли: *Да жалим синове кад се царство дијели!.. Кад не би гинули бише се звали кћери, а не синови, оста би укор на њин траг* (Как же мне жалеть сыновей, когда разделяют царство! Если бы они не погибли, то назывались бы дочерьми, а не сыновьями, на них бы лежал укор) [28. № 42]. По Милянову, к области *чојства* и *јунаштва* относятся и такие проявления человека, как терпение поношения, признание своей вины, скромность, преданность дружбе. Милянов в этих чертах видел христианский нравственный идеал. В предисловии к своей книге следование принципам *чојства* и *јунаштва*

он называет добродетелью и Божиим благословением: *доброчинство, великодушност, Боже благо, Божи благослов*, а в другом месте противопоставляет дикое *јунаштво* благочестивому: «Они оба были героями, оставившими в народе память о своем геройстве, не зверском, а благородном, исполненном благочестия и великодушия по отношению к туркам и к любимым врагам: Века в течение пятнадцати дней принимал у себя в доме схваченного им турка, после чего, снабдив оружием, в добром здравии проводил домой» [28. № 69].

Мы не располагаем данными, которые бы достоверно свидетельствовали о времени формирования единого концепта *чојство* и *јунаштво*, однако, скорее всего, он имеет сравнительно позднее происхождение, в старейших сборниках песенного фольклора соответствующая формула отсутствует⁴. В текстах XIX в. она засвидетельствована очень мало [5. Т. 4. С. 683], причем только на территории Черногории: представлена в сборнике пословиц Вука Караджича: *У стиду гине чојство и јунаштво* (Опозоренный, человек теряет человечность и мужество), с пометой «в Черногории» (1849) [4. С. 336] и в рассказах черногорского писателя второй половины XIX в. Степана Митрова Любиши, родом из Боки Которской: *У невољи изгубе чојство и јунаштво* (В беде теряется человечность и мужество) [5. Т. 4. С. 683]. По всей видимости, своим последующим широким распространением представление о «человечности» и «мужестве» как основе традиционной черногорской этики обязано М. Милянцу.

В современной Черногории эта идея необычайно популярна. Ее тиражируют исследования по черногорской этнопсихологии, в которых *чојство* и *јунаштво* называется «оплотом народных обычаев в Черногории» (из путеводителя), «высшими этическими принципами, свойственными нашему человеку» (этнопсихолог Г. Станоевич); ее используют политические деятели в патриотических заявлениях. Председатель парламента Р. Кривокапич 16 июля 2004 г. при провозглашении независимости Черногории заявил: «Пусть справедливость, *чојство* и *јунаштво* вновь станут главным законом в Черногории, пусть завоеванная свобода принесет нам счастье, пусть наш флаг будет развеваться перед зданием ООН».

С точки зрения современных черногорцев и сербов *чојство* и *јунаштво* – принципы черногорской этики прошлого, ныне утрачиваемые, поэтому в неофициальном дискурсе, на Интернет-форумах чаще можно встретить высказывания, обратные политическим: «Никто у нас никогда не отнимал ничего черногорского: нашу историю, культуру или язык, а о *чојству* и *јунаштву* мы сами позаботились, продав их за чечевичную похлебку»; «Черногория и черногорцы предпочитают [...] “положение нищих” (в ЕС. – Е.Я.), а не честь и достоинство, *чојство* и *јунаштво*»; «черногорцев украшает *чојство* и *јунаштво*, а ты...» (из Интернета). После признания Черногорией независимости Косово в сербском еженедельнике «Недельне информативне новине» появилась статья под заголовком: «Ни чојства ни јунаштва».

Для сербской наивной этики характерно представление о высоком достоинстве человека и его моральном призвании. Примечательно высказывание сербского патриарха Павла: «Если бы последний серб должен был остаться в живых ценой чего-то нечеловечного, нечеловеческого, и если бы этим последним сербом был я, я бы не согласился на это. Пусть лучше мы исчезнем как люди, чем выживем как преступники и нелюди». Нормальной является вера не только в собственное достоинство, но и в достоинство других людей, человека вообще, который а priori – существо нравственное и заслуживает уважения. Высокая самооценка человека с точки зрения сербского языка носит здоровый характер, она не ущемляет окружающих, но возвышает самого человека. Смысл ‘гордость’ (как черта характера), который в русской этике имеет негативную окраску превозношения над ближ-

⁴Устное сообщение сербского фольклориста М. Детелич.

ним, ср. русск. *гордый человек*, у сербов тесно соединен со смыслом ‘чувство собственного достоинства’ (*понос*) и считается положительным качеством, а у черногорцев – национальной добродетелью. Идея превосходства над ближним хотя присутствует, но выражена слабее, чем в русском языке (ср. русск. *гордыня, высокомерие, чванливость* и серб. *охолост*). Низкая самооценка, в отличие от идеи достоинства, менее органична для сербского традиционного языка и даже имеет отрицательные коннотации (*покоран* ‘покорный, т.е. раб’). В сербской традиционной культуре человек осознает себя как личность с выраженным самосознанием [29. С. 260]. Понятие чести и достоинства у сербов лексически выражено гораздо богаче, чем в русском языке (см. выше), при этом сербская *честь* менее социальна и более человекна, она не имеет сословных штампов и менее связана с внешним кодексом поведения (ср. [30. С. 414–419]), а более – с общечеловеческими принципами. Она может быть у каждого человека как неотчуждаемое извне свойство (*честь и достоинство по-сербски нельзя унижить, *унизити част, образ, достојанство*), от самого человека зависит, сохранит он ее или нет (*погазити част* ‘растоптать свою честь’). В сербской картине мира больше равноправия и меньше иерархичности и условности, что является результатом сословной однородности сербского общества до середины XIX в.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бартминьский Е. Языковой образ мира: очерки по этнолингвистике. М., 2005.
2. Языковая картина мира и системная лексикография / Отв. Ред. Ю.Д. Апресян. М., 2006.
3. Зализняк Анна А., Левонтина И., Шмелев А.Д. Ключевые идеи русской языковой картины мира. М., 2005.
4. Вукове народне пословице с регистром кључних речи. Београд, 1996.
5. Rječnik hrvatskoga ili srpskoga jezika. Zagreb, 1880–1976.
6. Ђунић Д., Ђунић Ж. Речник говора Загарача // Српски дијалектолошки зборник (далее СДЗб) XLIV. Београд, 1997.
7. Станић М. Ускочки речник. Београд, 1990. Књ. 1–2.
8. Динић Ј. Тимочки дијалекатски речник. Београд, 2008.
9. Златковић Д. Фразеологија амаловажавања у пиротском говору // СДЗб XXXVI. Београд, 1990.
10. Јовановић В. Речник села Каменице код Ниша // СДЗб LI. Београд, 2004.
11. Елезовић Г. Речник косовско-метохијског дијалекта. Књ. II // СДЗб VI. Београд, 1935.
12. Марковић М. Речник народног говора у Црној Реци. Књ. I // СДЗб XXXII. Београд, 1986.
13. Митровић Б. Речник лесковачког говора // Библиотека народног музеја у Лесковцу. Лесковац, 1984. Књ. 32.
14. Московљевић М. Речник савременог српског књижевног језика с језичким саветником. Београд, 2000.
15. Речник српског језика. Београд, 2008.
16. Старославјанский словарь (по рукописям X–XI веков) / Под ред. Р.М. Цейтлин, Р. Вечерки и Э. Благовой. М., 1999.
17. Даничић Ђ. Рјечник из књижевних старина српских. Београд, 1975. Књ. 3.
18. Срезневский И.И. Материалы для словаря древнерусского языка. СПб., 1912. Т. 3.
19. Словарь современного русского литературного языка. М.; Л., 1948–1965. Т. 1–17.
20. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. М., 1956. Т. 4.
21. Словарь русского языка в четырех томах. М., 1981–1984.
22. <http://www.dict.t-mm.ru/abramov/>
23. Гаговић С. Из лексике Пиве (село Безује) // СДЗб LI. Београд, 2004.
24. Ровинский П.А. Черногория в ее прошлом и настоящем. СПб., 1897. Т. 2. Ч. 1.
25. Розина Р.И. Человек и личность в языке // Логический анализ языка. Избранное. 1988–1995. М., 2003.
26. Пипер П., Драгићевић Р., Стефановић М. Асоцијативни речник српског језика. Београд, 2005.
27. Корпус сербского языка // корпус.matf.bg.ac.rs.
28. Миљанов М. Примјери чојства и јунаштва. Београд, 1998.
29. Ровински П.А. Црна гора у прошлости и садашњости. Цетиње, 1994. Т. II.
30. Санников А.В. Понятия достоинства и смирения // Языковая картина мира и системная лексикография. М., 2006.

© 2012 г. Г.П. МУРАШКО

ЧЕХОСЛОВАЦКИЕ СОБЫТИЯ 1968 ГОДА ГЛАЗАМИ КГБ И МВД СССР: РАЗМЫШЛЯЯ НАД КНИГОЙ...

В статье характеризуется современное состояние источниковой базы изучения событий в Чехословакии в 1968 г.

The article characterizes the contemporary state of sources on the events of 1968 in Czechoslovakia.

Ключевые слова: Пражская весна, Чехословакия, «Чехословацкие события 1968 г. глазами КГБ и МВД СССР».

Сегодня российская историческая наука переживает не лучшие времена. После «архивной революции» 1990-х годов, в ходе которой исследователи получили доступ ко многим фондам и коллекциям архивов, находившимся на особом режиме хранения, ныне мы ощущаем обратный процесс – целенаправленное ограничение возможности работы с архивными материалами, за которым угадывается некая политическая воля. В первую очередь это ощущают специалисты по новейшей истории. В таких условиях особую значимость приобретает работа тех, кто берет на себя сложнейшую задачу публикации ранее не известных архивных документов: введение в научный оборот новых материалов не только расширяет и углубляет наши знания о прошлом, но и во многом определяет направление и характер будущих исследований. Соответственно, многократно возрастает и ответственность публикаторов за свою работу.

В последнее время внимание многих авторов – архивистов и историков было приковано к событиям Пражской весны, отметившей в 2008 г. свой «юбилей». За истекшие четыре десятилетия изменения на европейском континенте убедительно подтвердили, что Пражская весна с ее поисками новой, нетоталитарной, модели социализма оказала влияние на изменение общественной атмосферы всего европейского континента, явилась одним из важнейших факторов политической трансформации не только стран Восточной Европы, но и СССР.

В отечественной исторической науке в 1970–1980-е годы изучение попыток реформирования политических систем советского типа проходило в строго очерченных рамках постановления ЦК КПСС 1968 г. о публикации «Белой книги», посвященной деятельности «контрреволюционных сил» в Чехословакии. На стадии ее подготовки составителям предписывалось «сделать вывод о существовании широкого империалистического заговора против социалистической Чехословакии с

Мурашко Галина Павловна – д-р ист. наук, ведущий научный сотрудник Института славяноведения РАН.

целью ликвидации в стране социалистического строя». Лишь в 1990-е годы исследователи смогли сосредоточиться на выявлении, прежде всего, внутренних причин, породивших реформаторские настроения в чешском и словацком обществе, выяснении *подлинных мотивов* реакции Москвы на эти настроения (см., например [1]).

В процессе изучения Пражской весны все более очевидной становилась необходимость объединения усилий ученых разных стран по разысканию документов в национальных архивах Европы и США. Одним из плодотворных результатов такого подхода явилась фундаментальная двухтомная публикация статей и документов «Пражская весна и международный кризис 1968 года», изданная на двух языках – русском и немецком [2]. При подготовке труда базовым стал Институт им. Людвиг Больцмана по исследованию последствий войны (Австрия) при самом активном участии Института всеобщей истории РАН, Российского государственного архива новейшей истории (РГАНИ), Института новейшей истории Чешской Республики, Института новейшей истории ФРГ и Университета Нового Орлеана. Указанное издание существенно обогатило источниковую базу исследуемой темы, показало возможности и реальный потенциал творческого сотрудничества ученых и архивистов разных стран.

Почти одновременно с представлением названной работы научной общественности Москвы «Литературная газета» поместила подборку материалов к 40-летию Пражской весны. Центральное место было отведено статье А. Фурсова «Неизвестный 1968 год» [3. № 31–34]. Автор предложил рассматривать чехословацкие события в контексте растянувшейся на четыре десятилетия «восточноевропейской партии» Запада против СССР. Такой подход, по его мнению, позволяет понять суть Пражской весны, ее значение и роль в холодной войне и «ее результаты различной длительности для развития мировой социалистической системы и ее крушения в конце 80-х годов». По мнению автора, ЧССР занимала ключевое место «в многоходовке, затеянной в конце 1940-х годов Западом и рассчитанной на многолетнюю перспективу». Вслед за С. Стивенсом [4]¹ Фурсов связал начало этой сложной игры западных спецслужб в Восточной Европе с операцией «Раскол», в результате которой жесткие репрессии, спровоцированные ЦРУ, устранили коммунистических лидеров, готовых строить «свой» социализм – с венгерским, чехословацким, польским и болгарским лицом. «Если “Раскол” был дебютом в игре американских и английских спецслужб, – подчеркивает Фурсов, – то миттельшпиль начался в Венгрии, а закончился в Чехословакии» [3. № 33–34]. Столь радикальная констатация вряд ли преследовала цель вернуть российских исследователей к установочным выводам названной выше «Белой книги». На мой взгляд, она, скорее, свидетельствовала о недостаточном знакомстве Фурсова с материалами российских архивов, которые были введены в научный оборот в 1990-е годы. Эти материалы убедительно доказывают, что корни политических репрессий в компартиях стран Восточной Европы следует искать отнюдь не в досье западных спецслужб, а в документации аппарата Международного отдела ЦК ВКП(б), возглавлявшегося М.А. Суловым. Именно там зимой–весной 1948 г. шла интенсивная подготовка аналитических записок с развернутой критикой компартий Югославии, Польши, Венгрии и Чехословакии. В них, помимо прочего, в адрес ряда руководителей этих стран выдвигалось обвинение в «национализме», что якобы находило выражение в недооценке ими роли и исторического опыта СССР [5].

Что касается венгерских событий 1956 г., то их генезис изучен весьма обстоятельно как национальными, так и российскими исследователями. Причем отечественные авторы привлекли большой корпус новых документов из фондов российских архивов, на которых в значительной мере и основывали свои выводы

¹ Достоверность концепции С. Стивена не подтверждена источниками.

[6]. Поставленная же А. Фурсовым важная проблема изучения роли иностранных спецслужб в развитии кризисных ситуаций в Восточной Европе требует привлечения и анализа иных документов, хранящихся, прежде всего, в фондах КГБ и МВД СССР. Доступ к ним остается по-прежнему несбыточной мечтой рядовых исследователей. Введенные же на сегодняшний день в научный оборот документы не дают оснований для выводов, лежащих в русле рассуждений С. Стивена и изложенных Фурсовым в «Литературной газете». Вот почему выход в свет в 2010 г. документального сборника «Чехословацкие события 1968 года глазами КГБ и МВД СССР» [7], подготовленного Обществом изучения истории отечественных спецслужб, с интересом был воспринят историками. Однако знакомство с материалами сборника порождает немало вопросов и наводит на размышления, некоторыми из которых хотелось бы поделиться.

В структурном отношении сборник делится на две части – вступительный раздел (Введение; вступительная статья «Сердце Европы» с хроникой событий) и собственно документальную часть. К сожалению, авторство вступительной статьи не указано, что не позволяет адресовать вопросы и замечания конкретному лицу.

В статье подробно излагается история антикоммунистической эмиграции после 1948 г., установление ее связей со спецслужбами разных стран, рассматривается деятельность американской, английской и австрийской разведок в отношении Чехословакии как составной части советского блока после Второй мировой войны. Исходя из характеристики чехословацких событий 1968 г. как попытки «совершения государственного переворота [...] силами внутренней оппозиции при политической поддержке стран Запада и активном участии спецслужб» и, более того, при их «определяющей роли» в подготовке [7. С. 3], авторы особое внимание уделяют описанию информационно-психологической войны, развязанной (по их версии) западными спецслужбами. Заканчивается эта часть вступления весьма жестким и неожиданным для читателя выводом: «Партия и государство оказались полностью подконтрольными лидерам сионизма. Ни о каком лечении болезни силами самой партии не могло быть и речи. Ведущие партийные работники сами принимают активное участие в создании хаоса, неразберихи, разложения» [7. С. 54]. Совершенно очевидно, что такой вывод призван подвести читателя к восприятию военной акции 21 августа 1968 г. как единственно возможного пути спасения страны. Для большей убедительности авторами со ссылкой на газету «Rúde pravo», (февраль 1971 г.) приводится перечень лиц, якобы участвовавших в создании «хаоса». В этом списке, наряду с писателями (Д. Татарка, П. Когоут), политическими деятелями (В. Лёбл, Э. Фриш), учеными (Э. Гольдштюкер, К. Каплан, В. Ганзел), называется и Р. Сланский, который (к сведению составителей) был казнен как «глава антигосударственного заговора» в декабре 1952 г. В числе перечисленных «агентов сионизма», кроме Р. Сланского, оказались и участники Словацкого национального восстания, в том числе и В. Ганзел – комиссар одного из крупнейших в Словакии партизанских отрядов. После войны он учился в Академии общественных наук при ЦК КПСС, потом работал в качестве научного сотрудника в Институте истории КПЧ, в 1968 г. был секретарем парторганизации Института, поддерживал курс на проведение реформ. Ему, коммунисту с довоенным стажем, сионизм был чужд как явление.

Для специалиста указанный список лиц, не подкрепленный конкретными сведениями об их связях с иностранными разведками, является миной, которая подрывает доверие ко всей вступительной части сборника. К сожалению, у авторов не хватило знания реальной ситуации в стране, чтобы с большей осторожностью и критичностью подойти к сугубо конъюнктурным установкам периода проводимой в 1970–1971 гг. «гусаковской нормализации». Тогда, в ходе массовых пар-

тийных чисток обвинения в «сионизме», «национализме», «ревизионизме» были предъявлены более чем 500 тыс. коммунистов.

Пожалуй, наиболее профессионально выполненной частью вступления является хроника событий. Она призвана помочь читателю ориентироваться в предлагаемом ему документальном материале. Дело в том, что составители отказались от обязательного для серьезной публикации принципа научного комментирования документов. Поэтому, предпослав документам весьма подробную хронику событий, они предоставили читателям право самим определять «пространство» и «время» того или иного документального свидетельства. Однако как бы хорошо ни была подготовлена «хроника», она не может заменить необходимых комментариев к конкретным документам. Отсутствие справочного аппарата существенно снижает научный уровень публикации и неизбежно вызывает вопрос о профессионализме составителей.

Документальная часть сборника – это 63 документа из фондов РГАНИ, РГВИА и ЦА ФСБ. В первый раздел «Кризис надвигается» включены восемь документов, относящихся к периоду с января 1967 по 21 августа 1968 г. Именно они, если исходить из заявленной составителями цели сборника, должны засвидетельствовать деятельность западных спецслужб, направленную на создание политической напряженности в стране. Однако читателя ждет полная неожиданность: ни одного конкретного подобного документа в этом разделе нет. Лишь косвенно к ним можно отнести материалы к постановлению Политбюро ЦК КПСС от 15 марта 1968 г. «О письме Политбюро ЦК КПСС в адрес Президиума ЦК КПЧ». Содержание письма прежде не было известно исследователям, посему подготовительные материалы к нему представляют безусловный интерес. В сборнике представлены два достаточно пространственных варианта текста письма, отличающиеся оценками направленности работы западных разведок. В окончательном варианте констатируется, что западные разведки разработали серию мероприятий, которые направлены *«на то, чтобы поощрять выдвигание крайних провокационных требований и клеветнические выпады против политики дружбы с Советским Союзом и другими социалистическими странами, вести дело к “ревизии режима”, к “мирному перевороту” в Чехословакии [...] Делаются провокационные попытки осложнить обстановку в соседних с Чехословакией социалистических странах. Таким образом, налицо далеко идущие планы, нацеленные против сил социализма в Европе»* [7. С. 136–137]. (Курсивом выделен текст, отсутствующий в первом варианте письма). В обоих вариантах документа советская сторона обращалась в Президиум ЦК КПЧ с предложением провести встречу: «Мы хотели бы по-товарищески обсудить, какие совместные меры необходимо принять для срыва замыслов империалистов, для защиты интересов социалистических стран» [7. С. 137].

Какова же была реакция чехословацкой стороны на письмо от 15 марта? «Хроника событий» не дает ответа на этот вопрос. Здесь явно необходим комментарий, иначе оба варианта письма «повисают в воздухе». В данном случае было бы весьма целесообразно обратиться к работе отечественного исследователя М.В. Латыша, который еще в 1990-е годы смог ознакомиться с рабочими записями заседаний Политбюро ЦК КПСС, хранящимися в Архиве Президента РФ. Из приведенного в монографии Латыша материала ясно, что по ходу заседания между членами Политбюро состоялся весьма острый обмен мнениями, вызвавший необходимость телефонного разговора с А. Дубчеком. Последний, узнав о готовящемся письме, просил задержать его отправку, опасаясь, что документ будет использован его противниками в ЦК КПЧ [1. С. 58]. Советская сторона согласилась. Вместо письма 16 марта 1968 г. в Прагу было направлено приглашение партийно-государственной делегации ЧССР посетить Москву в удобное для чехословацкой стороны время. Текст приглашения был утвержден на том же заседании Политбюро ЦК КПСС 15 марта [2. С. 404–405]. Невольно возникает вопрос: а было ли данное письмо во-

обще отправлено? Или вместо него, как сообщается в «хронике», в апреле 1968 г. «всем руководителям, включая А. Дубчека, была передана информация о том, что в 1962 г. в США был разработан и ныне осуществляется оперативный план тайных операций против европейских соцстран» [7. С. 78]. Однако никаких сведений об этом плане в публикации не приводится.

В первый раздел включено также и постановление Политбюро ЦК КПСС «Об информации братских партий относительно событий в Чехословакии». Однако составители умолчали, что и сам документ, и приложения к нему уже были опубликованы в 2008 г. в упоминавшемся выше сборнике «Пражская весна и международный кризис 1968 года», причем с научными комментариями. Таким образом, приоритет введения документа в научный оборот принадлежит другим исследователям.

Подводя итог рассмотрению этого раздела документальной части сборника, приходится констатировать, что составителям не удалось убедить читателя в «определяющей роли» западных спецслужб в подготовке событий 1968 г.

Вторая часть документальной коллекции – «Тревожные месяцы (21 августа – 30 сентября 1968 г.)» – включает 25 единиц хранения, подавляющее большинство которых находится в Центральном архиве ФСБ. Здесь представлены тексты антисоветских листовок, письма отдельных чехословацких граждан советскому руководству и в посольство СССР, справки командования отдельных воинских частей о фактах враждебного отношения со стороны населения к советским военнослужащим. Все эти документы отражают реакцию чехословацкого общества на обстановку в стране после вторжения.

Для понимания внутривойсковой ситуации, сложившейся после введения войск и в ходе советско-чехословацких переговоров в Москве, большое значение имеют включенные в сборник документы и материалы, полученные органами советской военной контрразведки. Прежде всего следует отметить «Информацию о положении в стране от 3 сентября, составленную Западно-Чешским обкомом КПЧ» [7. Док. № 19]. В основу этого весьма обстоятельного документа легли материалы отдела информации ЦК КПЧ от 2–3 сентября 1968 г., т.е. сразу после завершения пленума ЦК КПЧ. Он удачно дополняется материалами с мест – резолюцией пленума райкома КПЧ г. Кромержижа [7. Док. № 26] и резолюцией окружного комитета КПЧ в Градце Кралове [7. Док. № 27]. Все они свидетельствуют, что введение войск Организации Варшавского договора усилило авторитет компартии, руководство которой выразило несогласие с военной акцией, привело к укреплению в общественном сознании элементов «культы» таких политических фигур, как А. Дубчека и Л. Свобода. И, как показывают документы более позднего времени, это объективное обстоятельство советское руководство вынуждено было учитывать.

Ключевую роль для понимания ситуации в стране должны были сыграть материалы пленума ЦК КПЧ, собравшегося 31 августа 1968 г., который и продемонстрировал соотношение сил в руководстве КПЧ в новых условиях. Однако материалы этого принципиально важного пленума представлены в сборнике «свободной записью» пленарного заседания, полученной военной контрразведкой. В ней имеется изложение докладов А. Дубчека и Л. Свободы, выступления Й. Смирковского, а также дано краткое изложение выступлений в прениях. Но приведенный документ не сопровождается пояснениями, кто сделал эту «свободную запись», в какой степени она отразила характер развернувшейся на пленуме дискуссии. Думается, что значение публикуемого документа для исследователей многократно бы возросло, если бы составители провели его сравнение со стенограммой пленума, которая хранится в РГАНИ (Ф. 5. Оп. 60. Д. 3). Тогда, может быть, прояснился бы и характер «Приложения № 2», к публикуемой «свободной записи» [7. С. 167–168]. Пока же можно только предположить, что приведенный

фрагмент – это отрывок из обсуждения итогов пленума на собрании актива одного из краевых комитетов КПЧ.

В рассматриваемый раздел включены также четыре, на мой взгляд, весьма важных документа [7. Док. № 23–25, 33], которые свидетельствуют о наличии в советском обществе протестных настроений, осуждающих введение войск ОВД на территорию ЧССР. Правда три из них, связанные с событиями на Красной площади 25 августа 1968 г., куда в знак протеста вышли семь интеллигентов, ранее уже публиковались [2. Док. № 148, 155, 158]. А вот обращение 88 советских писателей к чехословацким писателям с просьбой простить их и Россию [7. Док. № 33] известно мало и требует комментария. Подписей под письмом нет, но установлено имя автора этого письма. Им был поэт-«шестидесятник» Петр Вегин [8. С. 226–227, 551].

Думается, что тему протестных настроений в СССР составители имели возможность раскрыть на более широкой документальной основе. Имеющиеся на сегодняшний день свидетельства, опирающиеся как на архивные материалы, так и на воспоминания современников событий, позволяют считать, что отношение в советском обществе к предпринятой властями военной акции отнюдь не было однозначно позитивным. Негативные оценки действий властей, стремление отмежеваться от них, хотя и не стали в СССР массовыми, но зафиксированы не только в Москве и Ленинграде, но и на периферии [9].

Третья часть документального раздела сборника включает в себя 28 документов под общим названием «Восстановление порядка». Хронологически она охватывает период с октября 1968 г. до конца мая 1969 г. Основная часть документов хранится в фондах ЦА ФСБ. Исследователь получает возможность ознакомиться со справками Особого отдела о контактах с населением, с докладными записками заместителя начальника 3-го Главного управления КГБ об оперативной обстановке в стране, с материалами политотделов воинских частей о фактах «враждебных проявлений и провокационных действий», с сообщениями Управления госбезопасности МВД Чехословакии и другими материалами, характеризующими ситуацию в стране. Их изучение помогает понять сложность и противоречивость реальной политической обстановки в стране после подписания в Москве соглашения о пребывании советских войск на территории Чехословакии, свидетельствует о негативном восприятии военной акции ОВД большинством чехов и словаков. Советское руководство вынуждено было признавать эту *неожиданную* для него реальность, осознав, что «здоровые силы», на которые оно делало ставку, «не имеют достаточной опоры ни в партии, ни в стране». Об этом сообщил Л.И. Брежнев В. Ульянову в письме от 22 августа 1968 г. [2. С. 792]. Но в этих документах также нет каких-либо конкретных сведений о действиях иностранных спецслужб.

Особо хотелось бы выделить два документа из фондов РГАНИ. Речь идет о подготовленной в аппарате КГБ справке «О деятельности контрреволюционного подполья в Чехословакии» (автор – начальник 1-го Главного управления КГБ генерал-полковник А.М. Сахаровский), которую руководитель ведомства Ю.В. Андропов 13 октября 1968 г. направил в ЦК КПСС [7. Док. № 41], и справке отделов ЦК КПСС и КГБ «Некоторые замечания по вопросу подготовки военно-политической акции 21 августа 1968 г.» [7. Док. № 49].

При написании справки Сахаровский стремился представить союзникам по ОВД аргументы и обоснование (особенно с точки зрения массово-политической пропаганды) необходимости пребывания советских войск на территории Чехословакии. Поэтому в центре его внимания – проблема влияния контрреволюционных сил на ситуацию в стране. В документе приводится богатый арсенал «доказательств», что в результате «деятельности сил контрреволюции внутри КПЧ» партия переродилась и «в подавляющем большинстве состоит из лиц с социал-демократическими и буржуазными взглядами. Ее можно рассматривать как партию,

придерживающуюся социал-демократической программы» [7. С. 269]. В справке приводятся многочисленные факты «провокаций и вооруженных нападений на союзные войска», «разжигания национализма среди населения», преследования лиц, «дружески относящихся к СССР и сотрудничающих с советскими представителями».

Имеется здесь и раздел «О связях контрреволюции в ЧССР с западными подрывными центрами». Совершенно очевидно, что Сахаровский испытывал явную нехватку материала для доказательства контактов лиц из окружения А. Дубчека с подобными организациями. Приведенные же им сведения о контактах члена президиума ЦК КПЧ Эрбана с руководством лейбористской партии и тем более сообщения о консультациях министра иностранных дел Й. Гаека с рядом дипломатических представителей в Швейцарии «по вопросу о созыве международного совещания представителей коммунистических и рабочих партий, посвященного положению в ЧССР» [7. С. 285] никак не могут служить подтверждением наличия вышеуказанных связей с враждебными ЧССР «центрами». Отмечая исключительную важность справки Сахаровского, следует, тем не менее, указать, что исследователям она известна с 2008 г. [2. С. 1004–1052]. Более того, тогда она была опубликована с научными комментариями, в которых отмечены пять фрагментов текста, изъятых впоследствии из публикуемого варианта. Ряд из них касался принципиальных оценочных моментов. Остается только сожалеть, что составители сборника не сочли нужным указать на этот факт.

Таким образом, представленный в сборнике документ не аутентичен варианту письма, направленному в ЦК ПОРП и ЦК СЕПГ.

Что касается документа № 49, то он, по всей вероятности, предназначался для очень узкого круга первых лиц в ЦК КПСС и был обнаружен в кабинете Л.И. Брежнева после его смерти. Документ представляет для исследователей особый интерес, поскольку в нем, кроме критического анализа военно-политической акции 21 августа 1968 г., по существу, намечена программа действий советской стороны по устранению от руководства партией и страной А. Дубчека и его сторонников. «Надо разработать, – подчеркивается в документе, – обширный план мероприятий, осуществление которого обеспечило бы нам необходимую поляризацию сил в Национальном собрании и ЦК. Речь идет о конкретной работе с каждым депутатом и каждым членом ЦК. Необходимо использовать все средства: идеологическую обработку, компрометацию, разложение, экономические рычаги и т.д.». Советская сторона откровенно признавала: «Пока правые силы обеспечивают монолитное единство этих важных государственных и партийных органов трудно говорить о каком-либо приемлемом политическом решении» [7. С. 320].

Крайне важно зафиксировать намерение Москвы разработать план специальных мероприятий, чтобы усилить недоверие в обществе к Дубчеку, Чернику, Смирновскому, авторитет которых был весьма высок. С этой целью цинично предлагалось «идти на самые широкие контакты именно с правыми элементами с тем, чтобы широкие массы имели возможность обвинить именно правых лидеров в коллаборационизме» [7. С. 321].

Возникает вопрос, чем был продиктован такой подход? Почему советская сторона отказалась от излюбленного пропагандистского клише – обвинения сторонников «социализма с человеческим лицом» в связях с империализмом и разведками западных держав?

Ответ на этот основной для составителей сборника вопрос содержится в самом документе: «На сегодняшний день мы не располагаем достаточно убедительными фактами и материалами, которые бы дали нам возможность развернуть широкую работу по разоблачению контрреволюционного подполья с точки зрения его связей с империализмом, с точки зрения участия в контрреволюционной деятельности зарубежных империалистических разведок, хотя такое участие и очевид-

но» [7. С. 322]. Предельно ясная и четкая констатация! Кстати, ее подтверждали и свидетельства очевидцев. Оказавшийся в разгар событий в Праге журналист «Комсомольской правды» В. Большаков писал: «Поддержка сторонников “социализма с человеческим лицом” в народе была столь широкой, что никакая агентура обеспечить такого была не в состоянии. Своего пика эта поддержка достигла после ввода войск Варшавского договора. Сработали патриотические чувства – ведь иначе как оккупацию присутствию “братских” войск никто в Чехословакии не воспринимал» [3. № 31].

Фиксируя факт неподтвержденности априорного утверждения авторов вступительной статьи об определяющей роли западных спецслужб конкретными документами сборника, зададимся «крамольным» вопросом – а знакомы ли они с публикуемыми материалами? Иначе, чем объяснить такие явные нестыковки? Или авторы решали еще и некую сверхзадачу – сформулировать установочные оценки, которыми должны руководствоваться исследователи? Но это мы уже проходили...

Долгие годы работая над выявлением и публикацией документов российских архивов, я, безусловно, приветствую усилия коллег, направленные на расширение и обогащение источниковой базы исследований. Однако появление рассматриваемого сборника, на мой взгляд, стало существенным шагом назад в наметившемся процессе кооперирования усилий архивистов и историков – международников и страноведов, зримым отражением которого стал неоднократно упоминаемый двухтомник материалов и документов «Пражская весна и международный кризис 1968 года». Проигнорировав по непонятным причинам необходимое объединение усилий, составители сборника поставили себя в уязвимое положение издателей труда, который рождает больше закономерных вопросов, нежели дает убедительные и аргументированные ответы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Латыш М.В.* Пражская весна 1968 года и реакция Кремля. М., 1998.
2. Пражская весна и международный кризис. 1968 г. М., 2010. Т 2.
3. Литературная газета. 2008.
4. *Стивен С.* Операция «Раскол» М., 2003.
5. Восточная Европа в документах российских архивов 1944–1953. М.; Новосибирск, 1997. Т. 1. 1944–1948. Док. № 267, 269, 272, 274; *Волокитина Т.В., Мурашко Г.П., Носкова А.Ф., Покивайлова Т.А.* Москва и Восточная Европа. Становление политических режимов советского типа. 1949–1953. М., 2002.
6. *Орехова Е.Д., Серeda В.Т., Стыкалин А.С.* Советский Союз и венгерский кризис 1956 года. Документы. М., 1998; *Стыкалин А.С.* Прерванная революция. М., 2003; *Гати Ч.* Обманутые ожидания. Москва, Вашингтон, Будапешт и венгерское восстание. М., 2006.
7. Чехословацкие события 1968 года глазами КГБ и МВД СССР. Сборник документов / Сост. А.А. Зданович, В.Ф. Лашкул, Ю.Н. Моруков, Ю.Х. Тотров. М., 2010.
8. *Твардовский А.* Новомирский дневник. 1967–1970 гг. М., 2009.
9. *Шинкарев Л.И.* «Я это все почти забыл...» Опыт психологических очерков событий в Чехословакии в 1968 г. М., 2008 ; 1968 год. Пражская весна. Историческая ретроспектива. М., 2010. С. 405–419, 421–436, 551–570.

ДРУГОЙ БРОНЕВСКИЙ

Новые работы о творчестве В. Броневского молодых польских литературоведов отличаются широким диапазоном тем, разнообразием методологических подходов и аналитического инструментария. По-новому представлен Броневский и на русском языке в объемистом томе его произведений, многие из которых переведены впервые.

Recent works of the young Polish historians of literature, devoted to the work of W. Broniewski are characterised by a wide range of topics, methodological approaches and analytical «instrumentary». The new voluminous book of Broniewski's works in Russian translations (many of which are translated into Russian for the first time) demonstrated the writer from new angles.

Ключевые слова: литературная критика, романтизм, революционность, патриотизм, лиризм, традиция, рецепция.

Литературная критика всегда имела трудности с осмыслением творчества Владислава Броневского, в котором отразилась сложная личная судьба поэта, неразрывно связанная с судьбой народной. С одной стороны, Броневский – офицер легионов Пилсудского, участник польско-советской войны 1920 г., награжденный боевыми орденами, арестант советской тюрьмы во Львове, куда бежал после нападения гитлеровской Германии на Польшу, а затем узник Лубянки, солдат армии генерала Андерса, созданной в СССР и выведенной на Ближний Восток. С другой – ведущий поэт польской революционно-пролетарской литературы 1920–1930-х годов, автор многих исключительно популярных стихотворений не только публицистических, но и интимно-лирических, «главный» поэт ПНР, при жизни которого в его честь была названа улица в Варшаве.

В творчестве Броневского послевоенная польская литературная критика подчеркивала две его доминанты: революционность и романтичность. Еще в 1947 г. Хенрик Фоглер назвал Броневского «последним из польских романтиков» [1. S. 186], а последующие исследователи пытались в емкой формуле отразить связь новаторской поэзии Броневского с романтизмом. Аргуру Сандауэру принадлежит определение творческой эволюции Броневского: «от романтизма до пролетарской поэзии» (1954) [2. S. 96]. Ян Зыгмунт Якубовский в 1963 г. писал о «синтезе великой патриотической романтической поэзии с новым идейным содержанием» [3. S. 14], а Тадеуш Буйницкий предложил формулу «романтический поэт революции» [4. S. 11] и т.д. Пожалуй, точнее всех сказал Антоний Слонимский: «Офицер легионов Пилсудского, революционер по духу, социалист по глубочайшему убеждению, он не помещался ни в какие ортодоксальные рамки» [5. S. 228].

Хорев Виктор Александрович – д-р филол. наук, зав. отделом Института славяноведения РАН.

Творчество Броневского действительно не умещалось в отводимые ему официальной критикой рамки («первый по времени и в иерархии поэт польского пролетариата», «бард революции», «польский Маяковский», «поэт отчизны» и т.д.). Особенно очевидно это стало после издания выдающимся знатоком творчества Броневского Феликсой Лиходзеевской в 1997 г. полного собрания сочинений поэта в четырех томах [6]. Выяснилось, что из всего богатого наследия поэта читателю в ПНР была доступна лишь половина. К сожалению, это издание не стало стимулом для исследователей. К тому времени в критике громко звучали голоса представителей радикальной антикоммунистической оппозиции, считавших ПНР «культурной пустыней», «черной дырой», в которую провалилась литература, разоблачавших «сервизм» по отношению к коммунистической власти в Польше многих выдающихся писателей. Броневскому ставили в вину прежде всего поэму «Слово о Сталине» и стихотворение «Поклон Октябрьской революции». Богдан Урбанковский, например, в книге «Красная месса или усмешка Сталина» (1995), не заботясь о фактах, утверждал, что «Слово о Сталине» было написано Броневским ради получения от государства виллы. Сталинизм в Польше, – писал Урбанковский, – «не был “ошибкой”, он был образом жизни поэтов, прозаиков, людей театра, которые уверовали в прочность этой системы. Если даже некоторыми из них руководил страх – то они предпочитали бояться вместе с палачами, а не жертвами; видя преступление – они годами выступали на стороне палачей, обвиняли преследуемых. Если даже, повторяю, некоторыми руководил страх, то боялись они в шикарных виллах, которые получили от властей, как Тувим или Броневский, боялись – получая щедрые вознаграждения» [7. S. 23–24].

Казалось, что творчество Броневского сдано в литературный архив. Однако в последние годы ситуация изменилась. Ряды литературоведов и литературных критиков пополнили представители нового поколения, не связанные стереотипами и догмами предшественников. Появилось несколько исследований, представляющих читателю «иного» Броневского.

Славомира Лисевская, автор монографии «Поэзия Владислава Броневского. Рецепция и попытка нового прочтения», поставила своей задачей «показать общественное и литературно-критическое восприятие поэзии Владислава Броневского в период межвоенного двадцатилетия, во время Второй мировой войны и послевоенные годы, а также дать новое прочтение творчества поэта, которое следует понимать, во-первых, как предложение новой интерпретации всего поэтического наследия Броневского, включая тексты, опубликованные лишь в 1997 г. и, стало быть, в определенном смысле “новые” для читателя, и, во-вторых, как попытку преодоления схематичных анализов, сосредоточенных либо на революционных аспектах поэзии Броневского, либо на его отношении к романтической традиции» [8. S. 10].

В первой части книги автор приводит статистику изданий произведений Броневского в разные периоды его деятельности, описывает школьные программы, в которые включались стихотворения поэта, авторские вечера и другие встречи поэта с массовой аудиторией (в ПНР в сумме их было около полутора тысяч). В разделе «Критики и исследователи о творчестве Владислава Броневского» дается обзор всех более или менее значимых польских работ о поэте.

Надо сказать, что одна из первых оценок поэзии Броневского принадлежит эмигрировавшему в СССР в 1929 г. Витольду Вандурскому, соавтору Броневского (вместе с Станиславом Рышардом Станде) по «поэтическому бюллетеню» «Три залпа» (1925) – манифесту революционно-пролетарской поэзии. Вандурский, как и другие ортодоксальные марксистские критики, ставили в вину Броневскому активность лирического начала и романтическую напряженность в его поэзии, усматривая в этом индивидуализм. «Броневский, – писал Вандурский в предисловии к первому отдельному изданию стихов поэта в СССР в 1932 г., – лирик

высокого эмоционального напряжения. В этом его сила и слабость. Чрезмерный лиризм, переходящий в эгоизм, тормозит перерождение его революционной поэзии в пролетарскую» [9. С. 1–5].

Расщепление поэзии Броневского на гражданскую и лирическую стало общим местом многих критических работ о поэте, в том числе, как показывает С. Лисевская, и в послевоенные годы. Хотя надо сказать, что всегда находились исследователи, выступавшие против подобных схематических построений. Например, та же Ф. Лиходзеевская писала: «Думаю, что настроения надлома в интимной лирике не уменьшают величия поэзии Броневского и не требуют оправданий. Нет смысла разделять эту поэзию на два противостоящих друг другу начала» [10. С. 96].

С. Лисевская отмечает, что наиболее глубокие исследования касались органических связей поэзии Броневского с польским романтизмом (работы Марии Янион, Алины Ковальчиковой, Малгожаты Барановской, Тадеуша Буйницкого), но относится к ним несколько пренебрежительно: «Связи Броневского с романтизмом принадлежали к излюбленным темам критиков и исследователей. Те и другие в течение десятков лет вели себя так, словно о стихотворениях поэта уже все сказано сразу после его дебюта, словно в этой поэзии уже нечего открывать» [8. С. 63].

Основой для нового прочтения поэзии Броневского, по мнению автора книги, может быть описание повторяющихся в ней мотивов и поэтических фигур, организующих воображение поэта. К ним автор относит прежде всего мотив деревьев: «Высокая частотность произведений, в которых появляются деревья, исключает случайность и подтверждает, что именно деревья вместе с связанной с ними образной группой – листьями, ветвями, корнями, пнями и т.п. являются материальной основой художественного воображения поэта» [8. С. 145]. Деревья для Броневского – не просто неотъемлемая часть польского пейзажа, они «являются важным элементом конструкции поэтического мира». Они «функционируют и как весьма емкий символ. На его метафорическом значении основана концепция лирического героя у Броневского, в соответствии с которой герой стихотворения (чаще всего это alter ego поэта) и дерево едины» [8. С. 90]. Ярким примером здесь может быть своеобразное поэтическое завещание поэта – стихотворение «Дуб», написанное незадолго до смерти, последняя частица поэзии Броневского, вросшей в польскую землю, в ее историю, традиции и современность, как многовековой дуб в родном поэту Плоцке:

Жизнь с меня, как лист осенний, облетает.

[.....]

Гольй ствол один белеет,

а над ним – метели белый клуб.

Ну так что ж! Смелее!

Это я – тот дуб [11. С. 350]¹.

(Перевод Б. Слуцкого)

В таком оригинальном «дендрологическом» ракурсе, имеющем полное право на существование, поэзия Броневского до сих пор не рассматривалась.

Следующий мотив поэзии Броневского, который обстоятельно исследует автор книги, – это мотив «дома». С. Лисевская приходит к обоснованному выводу о том, что «дом» у Броневского «часто становится метонимией родины, которая, в свою очередь, часто трактуется как метафора дома» [8. С. 145].

Здесь уместно было бы сослаться на исследователей романтической традиции в поэзии Броневского, которые не раз отмечали, что у Броневского, как и у Мицкевича и других романтиков, дом становится синонимом отчизны, понятием, насыщенным не только географически предметным, но и эмоциональным содержанием. Топос дома и его утраты и рождающееся из нее чувство бездомности

¹ В дальнейшем произведения Броневского цитируются по этому изданию без указания страниц.

исключительно характерны для польской поэзии, что вполне объяснимо историческими условиями существования нации, полтора столетия лишенной собственного государства. Дом – в прямом, переносном, символическом и метафизическом смыслах – один из ключевых мотивов романтической поэзии, к которой восходят последующие многочисленные вариации понимания польского дома.

Со статьей «*Город, где умереть так же славно, как жить*». Варшава в творчестве Владислава Броневского» С. Лисевская приняла участие в коллективном труде «Броневский», изданном на основе материалов конференции, проведенной в 2008 г. Силезским университетом в Катовицах. К этому очерку Лисевской при-мыкает статья Моника Ладонь «Варшавские поэты. Слонимский – Броневский». Анализируя произведения Броневского, посвященные Варшаве, авторы доказывают, что Варшава была для поэта «гораздо большим, чем столица страны, она была центром его поэтического и ментального мира» [12. S. 212]. Аргументацию этого тезиса можно было бы пополнить ярким высказыванием Яна Лехоня из его «Дневников» (30 августа 1952 г.) о варшавских стихах поэта: «Любовь к Варшаве ни у кого другого не проявляется так страстно, душераздирающе, его стихи – это опьяненная безумной любовью поэзия, достойная Вийона и превосходящая Верлена» [13. S. 13].

В сборнике представлены статьи двадцати авторов, главным образом, молодых исследователей, каждый из которых постарался внести что-то новое в изучение наследия Броневского либо разрушить устоявшиеся стереотипы его интерпретации. Следует отметить широкий диапазон тем, разнообразие методологических подходов и аналитического инструментария. Отметим еще ряд наиболее интересных, на наш взгляд, статей.

Тадеуш Буйницкий, автор многих ценных работ о творчестве Броневского², обратил внимание на крайности «нового прочтения» поэта, при котором «вообще устраняется или упоминается с пренебрежением революционное течение его поэзии» [15. S. 154]. Буйницкий анализирует становление социалистических убеждений поэта и констатирует, что они «родом не из доктринального коммунистического радикализма, а из романтического прометеизма, соединенного с “социализмом легионов” и влиянием Пилсудского; в них сталкивались радикализм с патриотизмом. Проблематика его произведений формировалась не столько интеллектуальной рефлексией (марксизмом), сколько эмоциональной реакцией на общественную несправедливость» [15. S. 155].

Многие молодые литературоведы в своих статьях опираются на фактографический материал – хранящиеся в Доме-музее Броневского рукописи, письма, книги, дневники, записи, до сих пор мало изученные исследователями, а также анализируют сравнительно недавно опубликованные Ф. Лиходзеевской произведения поэта, не принадлежащие к устоявшемуся канону его творчества. Большинство авторов исходит из верного, на наш взгляд, положения о том, что стихотворения поэта следует рассматривать в контексте его биографии – не случайно Броневский любил повторять слова Ц. Норвида о том, что поэзия – это «лирический дневник художника». Таким лирическим дневником и в то же время поэтической историей народа на протяжении нескольких десятилетий была поэзия Броневского.

К собственно дневнику поэта («Дневник 1918–1922») Броневского обратилась Виолетта Бойда, исследуя его как «документ, показывающий умственный процесс сознательного выбора творческого пути» [16. S. 127]. Внимательно прочитаны рукописи поэта Александрой Вегнер, которая рискованно, но убедительно предположила, что смысл произведений поэта зависит от того, написаны они пером или карандашом. В «Дневнике» (запись 27 августа 1919 г.) Броневский писал: «Я бросил перо и взял карандаш, чтобы приступить к истинному творчеству», а в сти-

² Последняя по времени монография Буйницкого о Броневском см. [14].

хотворении «Счастье» (1949) заявлял: «*Мое добро – кусок карандаша, которым я пишу*» (перевод Е. Гродзкой). Подобного рода признания поэта свидетельствуют, по мнению А. Вегнер, о том, что «карандаш отождествляется с поэтическим словом, чем подчеркивается важность “инструмента” письма [...] В то же время карандаш – это нечто большее, нежели инструмент, это более глубокий символ...» [17. S. 249].

Ряд статей посвящен вопросам рецепции творчества поэта в Польше. Магдалена Пекара («Броневский в прочтении соцреалистических критиков»), Ежи Смультский («Место Броневского в соцреалистических антологиях») описывают, как в ПНР на творчество поэта наводился «хрестоматийный глянец». Ивона Гралевич-Вольны («Как воздействует поэзия Броневского») считает непреходящей не только экзистенциальную, философскую, рефлексивную, любовную лирику поэта, но видит «тайну бессмертия» его так называемых ангажированных стихотворений в мастерстве их формы, в их «амбивалентности», которая «и отталкивает читателя, и притягивает его» [18. S. 241].

Многие исследователи идут тем же путем, что и С. Лисевская в своей книге – путем выявления ключевых слов в поэзии Броневского. К таким словам относятся, как показывает Анджей Котлинский в статье «Ритмы Броневского», глагол «ходить» и все его синонимы, а также существительные «дорога», «путь», символизирующие путь к родине, к дому, к себе, вызывающие у читателей знаковые ассоциации с эмигрантской поэзией польских романтиков. Подкрепим этот тезис примерами, отсутствующими у А. Котлинского:

*Я нынче странникам ровесник,
бреду изгоем вслед...*

(«Письмо из тюрьмы», 1940. Перевод И. Чихалина)

*Что ни могила – окоп, что ни труп – указатель дорожный.
Верный прокладывай курс через фьорды и белые снега:
В Польшу ведет дорога из всех на свете Норвегий!*

(«Дорога», 1941. Перевод С. Скорвида)

*Мне ни к чему награды, ни к чему мне венки и слава,
мне бы крепкие сапоги, чтоб в них дойти до Варшавы.*

(«Что мне тревоги», 1942. Перевод А. Базилевского)

*Как тяжело брести сквозь кровавый свет
и кладбищенскую беду...*

Ветер в глаза... Оренбургский ветр.

Я шел. Я пойду. Иду.

(«Метель», 1942. Перевод Б. Слуцкого)

Другой лексический пласт в стихотворениях Броневского не менее обоснованно выделяет Иоанна Грондзель-Вуйчик. Она обращает внимание на частое определение поэтом своих произведений как «песнь» либо «стих» (а также «слово»), что дает ей основание полагать, что «важнейшей темой послевоенной поэзии Броневского можно считать сам процесс создания стихотворения, поэтическое творчество: в центре рефлексии поэта – «Я и стихи», как называется одно из его стихотворений» [19. S. 107].

Здесь также уместно было бы подчеркнуть связь поэзии Броневского с романтической. Действительно, он многие свои стихи слышал как песни, и так и называл их. Тем самым поэт возвращал понятию *поэзия* значение, которое оно имело в эпоху романтизма, у Мицкевича, особенно той части поэзии, которая была связана с фольклорными истоками. Он заботился о мелодичности, ритме и рифме стиха, использовал присущие народной песне параллелизмы, композиционные повторы,

кольцевое построение. И это еще один пример внутренней – психологической и типологической – связи поэтики Броневского с поэтикой романтизма.

И. Грондзель-Вуйчик права, отвергая прямолинейное разграничение, проводимое многими исследователями между интимной поэзией Броневского («стих») и гражданственной («песнь»). Именно их взаимопроникновение дало в итоге тот редкий сплав, о котором образно написал Ярослав Ивашкевич: «В строфах Броневского, даже наиболее революционных и близких строфам Маяковского, есть какая-то особая нежность, что-то от куявской мелодии, благодаря которой они, как мазурки Шопена, являются пушками, скрытыми среди цветов» [20. S. 400]. В 1930-е годы, во время одного из обысков жандармы обнаружили у Броневского крамольные предметы: легионерский парабеллум и томик стихов Есенина. Что ж, история литературы любит символы – мужественность и поэтичность туго сплетены в поэзии Броневского.

О песенной природе поэзии Броневского пишет и Иоанна Малешинская: «Его лирика – это лирика **декламации и песни**» [21. S. 62]. Считая песенность «имманентной чертой» лирики поэта, автор статьи анализирует музыкальные произведения, созданные на поэтические тексты Броневского, и оценивает качество их исполнения музыкальными коллективами и солистами.

Некоторые авторы выдвигают смелые гипотезы и сравнения, с которыми не всегда можно согласиться. Например, известен факт из жизни поэта: в январе 1945 г. в Иерусалиме он получил известие о гибели в Освенциме жены, известной актрисы Марии Зарембиньской. В ноябре 1945 г., узнав об ошибочности известия (Мария пережила концлагерь и скончалась от лейкемии в 1947 г.), Броневский вернулся в Польшу. В темле стихов поэта, посвященных этим событиям, сильно и скорбно прозвучала тема любви и утраты любимого человека. Анна Кравчик в статье «Броневский и Эвридика» сопоставляет судьбу Броневского и Марии Зарембиньской с мифом об Орфее и Эвридике. По ее мнению, Броневский должен был вернуться в Польшу, чтобы спасти Марию, подобно тому, как Орфей должен был спуститься в аид, чтобы вернуть Эвридику. «Ситуация Владислава и Марии аналогична мифической ситуации, – пишет А. Кравчик, – поскольку поэт, возвращаясь в Польшу, словно спускается под землю, а свое творчество (в мифе – песнь) посвящает властителем как выкуп за излечение Марии (в мифе – оживление Эвридики)» [22. S. 24].

Есть в сборнике и статья компаративистского плана. Катажина Кучиньская-Кожаны на основе перевода Броневским в 1923 г. поэмы Артура Рембо «Офелия» и позднейших стихотворений Броневского, посвященных Рембо, устанавливает творческую связь между польским и французским поэтами, эволюцию в восприятии Рембо Броневским от «стихии чистой лирики (присутствующей в переводе «Офелии»)» до «стихии чистой революционности» [23. S. 90].

К сожалению, никто из исследователей не взял на себя труд по-новому осветить многообразные и сложные взаимоотношения Броневского с русскими поэтами. В данной работе нет, разумеется, возможности развить эту тему. Заметим лишь, что большой новый материал по ней содержится в публикации Т.П. Агапкиной и В.А. Хорева «В. Броневский и Россия. Неизвестные письма и другие архивные материалы» в польском журнале «Przegląd Humanistyczny» [24].

Сборник завершает статья Мачея Трамера «Чего не написал Броневский». Широко используя корреспонденцию Броневского и другие архивные материалы, М. Трамер прослеживает, как в течение десятилетий после написания одного из самых своих любимых стихотворений – «Элегия на смерть Людвика Варынского» (1928) он основатель и руководитель первой польской революционной рабочей партии «Пролетариат» (1882) Броневский вынашивал замысел создания драмы «Пролетариат». Замысел этот так и не осуществился (за исключением фрагмента, опубликованного в 1929 г. в журнале «Miesięcznik Literacki»), как и намере-

ние создать автобиографический роман. Причину этого М. Трамер видит прежде всего в том, что таланту Броневского не свойственно было развернутое повествование, изображение событий в их хронологической последовательности. «На вопрос о литературных планах Броневский множество раз отвечал: “стихи нельзя запланировать”. Получалось так, что, говоря о планах, он не имел в виду стихи, поскольку их нельзя запланировать. А то, что он планировал – так и не появилось» [25. S. 265].

М. Трамер является и одним из трех авторов книги «Наш Броневский» – сборника трех докладов, прочитанных в Доме-музее Броневского в Варшаве [26]. Стремясь порвать с традиционным истолкованием произведений Броневского, авторы предлагают новаторские, а иногда, можно сказать, и эксцентричные их интерпретации.

М. Трамер на основе тщательного анализа одного из ключевых стихотворений поэта – «Примкнуть штыки» и ряда других устанавливает, что в своих публицистических стихотворениях Броневский не конкретизирует противника, его поэзия – «оружие массового поражения»: «“Примкнуть штыки” может относиться почти к любой войне [...] Разумеется, историческое “сегодня” стихотворения не оставляет никаких сомнений в том, кто является врагом, но вместе с тем у исторического “завтра” нет границы» [27. S. 91]. Автор статьи считает возможным говорить о «двух Броневских», о «песне» и «стихе» поэта (в значении, отмеченном выше), но он против их противопоставления («в системе Броневского каждая песнь является стихом, хотя не каждый стих – песней» [27. S. 25]) и приходит к парадоксальному – с точки зрения устоявшегося в критике мнения о накале эмоций у поэта – выводу о том, что «декларируемая эмоциональность у Броневского относительно редка, а публицистика и метафизика не играют у него главной роли» [27. S. 27].

«Дендрологический» подход к стихотворениям Броневского, примененный С. Лисевской в ее книге, использует и Милош Петровяк в статье «К какому жанру относится “Дерево отчаяния”? Опыт литературной дендрологии». В центре его внимания сборник стихов, созданных поэтом во время скитаний в годы войны. Образ «дерева отчаяния» – это и автопортрет поэта, который в письме дочери писал о себе: «Я чувствую себя скорее деревом отчаяния, чем нормально живущим поэтом. Мне не хватает действительно близких людей» [28. S. 52].

Дендрологическая символика является в сборнике, по мнению исследователя, осяю поэтического образа мира. Вот строки из стихотворения, открывающего сборник:

*О дерево, познавшее страданье,
мятежное в отчаянье глубоко!
С тобою у меня одно дыханье –
я в этом мире самый одинокий:
как ты, я часто под грозой стою,
и вихрь меня к земле нещадно клонит,
порою сердце от ударов стонет,
но выпрямляюсь снова – и пою.
Не знаю, где конец наступит мой,
у ног твоих я буду гнить, быть может,
но ты мне пой, про боль и бунт мне пой.
о эвкалипт, с родной березой схожий!
(«Дерево отчаяния»). Перевод М. Живова)*

«В этом стихотворении, – пишет автор, – в сокращенном виде содержатся все последующие ответвления текста, это своего рода генетический код дерева отчаяния, которое с каждым последующим произведением-ветвью разветвляется, образуя узор понятий, метафор, сгущение проблем и сомнений» [28. S. 53]. Соот-

ветственно этому в статье рассмотрены «ветви» – мотивы сборника, главный из которых – тоска по родной земле, противопоставленной чужой природе:

*Мне не нужны палестины,
ираны, ираки, египты –
кипарисов милей мне калины,
березы милей эвкалиптов.*

(«На Среднем Востоке». Перевод М. Живова)

М. Петровяк не следует традиционному пониманию лирического героя «Древа отчаяния» как солдата, изгнанника, романтика, пилигрима. Он открывает в нем черты мелодраматизма и сближает его с героем известного кинофильма «Каса-бланка», которого мастерски сыграл американский актер Хемпфри Богарт.

Столь же непривычным является взгляд Мариуша Йохемчыка на Броневского, поэзия которого обычно отождествляется со спонтанностью лирической стихии, как на эстета, эрудита, мастера изоощренной поэтической формы (в статье «Броневский – поэт изысканной формы»). «Очевидно, – пишет автор статьи, – что за “маской шутовской стихов”, внешне “крепких и простых” скрывается утонченный лирический стратег, поэтический фокусник, который чарует кажущейся ясностью, легкостью и прозрачностью темы и формы» [29. S. 98–99]. Казалось бы, такое утверждение противоречит неоднократным заявлениям самого поэта о природе своего творчества, как, например, в стихотворении «Эстетика»:

*Будь я поэтом-эстетом (как кому-то на ум взбрело),
слагал бы вирши эстетские (себе же назло),
но лучше б я нанялся маляром [...]*

(Перевод С. Скорвида)

Однако у автора находится достаточно аргументов в защиту своего тезиса. Поэт уделял первостепенное внимание вопросам художественной формы – об этом свидетельствуют рецензии Броневского на книги коллег по поэтическому цеху, внимательно прочитанные М. Йохемчыком, приводимые им примеры искусного использования Броневским микроцитат и реминисценций из многих польских поэтов, скрупулезный анализ тщательной работы Броневского над рифмой и аллитерациями в цикле стихов «Анка».

В заключение несколько слов о новом Броневском на русском языке. С ним знакомит русского читателя неутомимый пропагандист польской литературы в России, ученый, переводчик и издатель Андрей Базилевский³. В новом томе произведений Броневского он выступает как составитель, редактор, переводчик многих стихотворений, автор предисловия и примечаний, календаря жизни и творчества поэта. В объемистый том (900 с лишним страниц) вошли более 400 поэтических произведений, дневник поэта, его проза и публицистика [30]. Впервые творчество Броневского представлено отечественному читателю с такой полнотой и многообразием литературных родов. В последний раз книга стихов Броневского выходила на русском языке в 1986 г. в гораздо меньшем объеме [31], в нее не могли войти многие не публиковавшиеся тогда и в Польше стихотворения (например, написанные в советских тюрьмах и в военные годы «Письмо из тюрьмы», «Разговор с историей», «Каштан», «Дорога», «Человек – это звучит гордо», «Скитальческая армия», «Польский город Багдад» «Все нам, солдатам, едино» и др.).

³ В последние годы А. Базилевский подготовил и издал тома польских поэтов: Ц.К. Норвид. «Пилигрим, или Последняя сказка» (2002), К.И. Галчинский. «Фарландия, или Путешествие в Темноград» (2004), Б. Лесьмян. «Безлюдная баллада, или Слова для песни без слов» (2006), Ю. Тувим. «Фокус-покус, или Просьба о пустыне» (2008). Вышла и антология поэтических переводов А. Базилевского с польского языка – «Сделано в Польше, век – XX» (2009).

В новом томе большинство переводов публикуется впервые, ряд известных ранее стихотворений переведен заново, как и название одной из поэтических книг – «Тревога и песнь» (1932, ранее переводилось как «Печаль и песня»). Но оставлено и немало переводов (многие из них высоко ценил сам Броневский) таких известных мастеров, как П. Антокольский, Н. Асеев, А. Ахматова, М. Живов, М. Зенкевич, С. Кирсанов, Н. Коржавин, В. Корнилов, Л. Мартынов, М. Петровых, А. Ревич, М. Светлов, Б. Слуцкий, В. Тушнова и др. К сожалению, и у больших мастеров встречаются огрехи, не исправленные и в новом издании. Например, в стихотворении «Метель» Броневский пишет о «кладбище идей», что принципиально важно для понимания его смысла. В переводе Б. Слуцкого появляется некая «кладбищенская беда», через которую «тяжко брести». Искажено в переводе Слуцкого и содержание стихотворения «Как это славно – глаза откроешь». В переводе трижды появляется слово «любовь», хотя в стихотворении никакой любви нет и в помине.

Особого внимания заслуживает публикация «Дневника» Броневского без купюр, с которыми «Дневник» был издан даже в Польше (впервые в 1984 г.). «Дневник», который поэт вел в основном во время службы в армии, дает яркое представление об идейном и художественном развитии поэта, о периоде «кристаллизации новых художественных, политических и иных взглядов» (запись 31 декабря 1922 г.). В «Дневнике» запечатлены солдатские будни, марши, сражения, отступления, поражения и победы (Броневский дослужился до капитанского звания, был награжден орденом «Виртути милитари» и четырьмя крестами «За отвагу»). «Я сильнее смерти – я тысячу раз прожил смерть внутри себя», – писал он. Но дневник рассказывает нам и о его отношениях с литературой. Заметки о прочитанных книгах, размышления о литературном труде, поэтические переводы и собственные сочинения занимают в нем большое место. Уже на первых страницах появляется высокая оценка «Дон Кихота» Сервантеса, герой которого был особенно близок Броневскому: «Дон Кихот – мой друг. Он олицетворяет для меня поэзию на фоне повседневности». Сильнейшее впечатление произвела на Броневского книга А. Барбюса «Огонь», из которой он переписал в дневник несколько фрагментов.

В поисках «собственного мира в поэзии» будущему поэту помогла русская поэзия. В дневнике записан первый перевод, сделанный Броневским – стихотворение А. Апухтина «Сумасшедший» (30 августа 1919 г.). В 1922 г. он перевел девятнадцать стихотворений А. Блока, о чем позднее писал: «Множество переводов Блока были моей школой и первым сознательным поэтическим опытом». Не меньшим откровением, чем стихи Блока, было для Броневского знакомство с поэзией В. Маяковского. В декабре 1922 г. он записал: «[...] Я познакомился с новой русской поэзией: Маяковский, Есенин, Шершеневич и другие. Маяковский, самый значительный из всех них, открыл мне совершенно новые миры».

По общественной значимости, по выдающемуся художественному таланту, по значению творчества поэта для польской национальной поэтической традиции имя Броневского, сегодня заново прочитанного в Польше и полно представленного в России, следует поставить в один ряд с крупнейшими мастерами польской и мировой поэзии. Поэзия Броневского бессмертна, и он имел право сказать:

*Товарищи, буду с вами я,
когда уже ничего не напишет
рука моя.*

(«Моя судьба». Перевод А. Нехая)

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Vogler H.* Pieśń i karabin // Władysław Broniewski / Oprac. F. Lichodziejewska. Warszawa, 1996.
2. *Sandauer A.* Poeci trzech pokoleń. Warszawa, 1966.
3. *Jakubowski J.Z.* Tradycja i nowatorstwo (o poezji Władysława Broniewskiego) // Przegląd Humanistyczny. 1963. № 5.

4. *Bujnicki T.* Władysław Broniewski // *Broniewski W.* Wiersze i poematy. Łódź, 1980.
5. *Stonimski A.* Pomnik i Władek // «Ja jestem kamień». Wspomnienia o Władysławie Broniewskim. Warszawa, 2002.
6. *Broniewski W.* Poezje zebrane. Wydanie krytyczne / Oprac. F. Lichodziejewska. Płock; Toruń, 1997. T. 1–4.
7. *Urbankowski B.* Czerwona msza czyli uśmiech Stalina. Warszawa, 1998. T. 1.
8. *Lisewska Sł.* Poezja Władysława Broniewskiego. Recepcja i próba nowego odczytania. Głogów, 2007.
9. *Вандурский В.* От легионов к революции // *Броневский В.* Избранные стихи. М.; Л., 1932.
10. Władysław Broniewski / Wstęp, wybór materiałów i przypisy F. Lichodziejewska. Warszawa, 1996.
11. *Броневский В.* Два голоса, или поминовение. Поэзия, проза. М., 2010.
12. *Ładoń M.* Poeci warszawscy. Stonimski – Broniewski // *Broniewski.* Warszawa; Katowice, 2009.
13. *Życie Literackie.* 1976. № 23.
14. *Bujnicki T.* Wiersze Władysława Broniewskiego. Warszawa, 1992.
15. *Bujnicki T.* Socjalizm Broniewskiego. Kilka banalnych przypomnień // *Broniewski.* Warszawa; Katowice, 2009.
16. *Bojda W.* Dezerter egzystencjalny // *Broniewski.* Warszawa; Katowice, 2009.
17. *Wegner A.* Ołówek, a we łbie kilka słówek // *Broniewski.* Warszawa; Katowice, 2009.
18. *Gralewicz-Wolny I.* Poezja Władysława Broniewskiego-jak to działa // *Broniewski.* Warszawa; Katowice, 2009.
19. *Grądział-Wójcik J.* «moje słowa, moje upiory». Między autorefleksją a autokreacją w poezji Władysława Broniewskiego // *Broniewski.* Warszawa; Katowice, 2009.
20. *Iwaszkiewicz J.* Ludzie i książki. Warszawa. 1971.
21. *Maleszyńska J.* Broniewski śpiewany // *Broniewski.* Warszawa; Katowice, 2009.
22. *Krawczyk A.* Broniewski i Eurydyka // *Broniewski.* Warszawa; Katowice, 2009.
23. *Kuczyńska-Koschany K.* Revolte, revolutionnaire, żywioł czystej liryki? Broniewski wobec Rimbauda // *Broniewski.* Warszawa; Katowice, 2009.
24. *Agapkina T., Choriew W.* W. Broniewski i Rosja. Nieznane listy i inne archiwalia // *Przegląd Humanistyczny.* 2001. № 6.
25. *Tramer M.* Czego Broniewski nie napisał... // *Broniewski.* Warszawa; Katowice, 2009.
26. *Trame M., Piotrowiak M., Jochemczyk M.* Nasz Broniewski. Katowice, 2009.
27. *Termer M.* “Mina koguta i serce wariata – głupstwo szlachetne”. O dosłowności Władysława Broniewskiego // *Termer M., Piotrowiak M., Jochemczuk M.* Nasz Broniewski. Katowice, 2009.
28. *Piotrowiak M.* Do jakiego gatunku należy «Drzewo rozpaczające»? Próba literackiej dendrologii // *Termer M., Piotrowiak M., Jochemczuk M.* Nasz Broniewski. Katowice, 2009.
29. *Jochemczyk M.* Broniewski – poeta formy wyszukanej // *Termer M., Piotrowiak M., Jochemczuk M.* Nasz Broniewski. Katowice, 2009.
30. *Броневский Вл.* Два голоса, или поминовение. Поэзия, проза / Ред.-сост. А. Базилевский. М., 2010.
31. *Броневский Вл.* Стихи / Перевод с польского. Сост. Н. Подольской. Предисловие В. Хорева. М., 1986.

© 2012 г. З. ШОЛАК

ЛИЧНОЕ ИМЯ И ЕГО СУБСТИТУТ В ТВОРЧЕСТВЕ ИВО АНДРИЧА

После того как Андрич вводит персонажа и сообщает его имя, далее в тексте он иногда использует субститут имени. Субститут имени обычно является отражением характера персонажа. Поэтому всегда понятно, к какому персонажу относится субститут. Использование субститута позволяет реже упоминать личное имя и добиться ясности в повествовании.

Ivo Andrić, after he introduces a certain character and announces his or her name, sometimes uses, later in the text, a substitute for this name. The substitute is usually derived from the character description provided in the text preceding the substitute. What he uses, is two distinguishable qualities that mark the character at hand. In this way, it is always clear which substitute relates to which character. The use of substitutes facilitates a lesser usage of personal names and helps to make a story more clear.

Ключевые слова: Иво Андрич, личное имя, субститут личного имени.

В произведениях лауреата Нобелевской премии Иво Андрича (1892–1975) персонажи обычно имеют имя и фамилию (например: Петар Льюльо, Альо Казас, Мустафа Мадьяр, Милан Гласинчанин, Костакe Нишипеану, Витомир Тасовац, Роза Калина). Некоторые персонажи получают только имя (Фазло, Чамил, Йованка, Елена), а другие – только фамилию (Карчич, фон Паулич, Драженович). Не слишком часто появляются персонажи, имеющие только прозвище (Плевляк, Зуя). Если не указывается личное имя, то используется его замена (визирь, доктор, крестьянин, строитель). Есть также несколько экспериментальных примеров (профессор П., геометр П. из С.). Иногда с различной периодичностью в повествовании вместе с именем используется и прозвище, т.е. субститут имени.

Романы Андрича и многие его рассказы связаны с историей Боснии, с периодом, когда Босния находилась под турецкой, а позднее – под австро-венгерской властью. Персонажи в творчестве Андрича отличаются не только своими физическими характеристиками, но и происхождением, вероисповеданием, общественным положением, профессией. Это местное население – сербы, хорваты, боснийские мусульмане и евреи, давно переселившиеся в Боснию, а также иностранные завоеватели; люди, приехавшие из других частей турецкой империи, или из других, близких или дальних стран. Так, среди персонажей произведений Андрича появляются турки, французы, итальянцы, болгары, греки, армяне, словенцы, македонцы.

В некоторых произведениях Андрича события связаны с разными периодами боснийской истории, и в соответствии с этим выбираются персонажи. В романе

Шолак Здравко – доктор, профессор Высшей бизнесшколы, Нови Сад (Сербия).

«Травницкая хроника» описываются события в Боснии в начале XIX в., когда в Травнике существовали французское и австрийское консульства. Среди персонажей в этом романе появляются французы и австрийцы. В неоконченном романе «Омер-паша Латас» персонажи – люди из разных европейских государств, среди них встречаются и те, кто перешел в ислам и служил османской власти. При упоминании их имен писатель часто сообщает два имени, старое и новое, взятое после перехода в ислам. Среди них есть румыны, поляки. С установлением австрийской власти, после оккупации Боснии, в составе военных и гражданских органов управления пребывают люди разных национальностей. Помимо австрийцев это венгры, чехи, немцы, словаки. В произведениях Андрича, не связанных с историей Боснии, также появляются люди различного происхождения, и иногда в произведениях можно встретить некоторые русские, финские или испанские имена. Кроме того, наряду с персонажами, которых писатель согласен своей задумке включать в произведение, давая им имена по собственному выбору, появляются имена реальных исторических личностей: царей, князей, пап, полководцев из христианских и мусульманских стран, имена святых, мифических созданий, а также имена персонажей народных преданий и легенд. Наряду с личными именами персонажей в произведениях Андрича встречаются многочисленные другие имена собственные: названия городов и сел, поселков и улиц, рек и ручьев, гор, морей, стран, фирм, крепостей. Поэтому творчество Андрича имеет особое значение для ономастических исследований в литературе.

Использование антропонимов в произведениях Андрича отличается тем, что Н.К. Фролов приводил как отличительную черту антропонимов в произведениях других великих писателей: «адресная точность социальной и национальной принадлежности именуемого лица» [1. С. 329]. Повествуя о персонажах и событиях, Андрич вводит образы представителей различных социальных слоев, различной национальности, вероисповедания, с различными политическими и другими убеждениями. Это люди разных профессий, разных склонностей, возраста, люди, страдающие разными болезнями. Очевидно, что нелегко было достичь адресной точности при таких больших требованиях.

Андрич провел детство в Вишеграде, а школу окончил в Сараеве. У него была возможность хорошо узнать боснийскую среду и людей, приехавших отовсюду в Боснию в конкретный период ее истории. Высшее образование он получил в Загребе, Вене и Кракове, а степень доктора наук – в Граце. В двадцатые и тридцатые годы прошлого века, работая в качестве дипломата, он жил в Риме, Бухаресте, Триесте, Граце, Марселе, Париже, Мадриде, Берлине. Андрич прекрасно знал языки: немецкий, французский, итальянский, польский, русский, румынский. Благодаря этому, он легко мог вводить персонажей разных национальностей. Там, где ему не хватало опыта личных наблюдений, он обращался к историческим источникам и собирал литературный материал. Он много читает, посещает архивы, путешествует и делает записи. В свои тетради писатель вносит разные впечатления, некоторые из которых потом переносит в свои рассказы. Эти замечания свидетельствуют о том, что личным именам он уделял особое внимание. Некоторые имена Андрич записывал с упоминанием места их происхождения. Так, например, в одной записке он указывает три имени и фамилии: «Имена: Сульо Врева, Симо Фундук, Мийо Калаба». В другом месте записано: «Боснийско-герцеговинские имена: Джемал Шагетало (герц.), Смайо Тойага, Хасан Глибо» [2. С. 75]. В одной из своих записей, с примечанием «для рассказа», он указал имена и фамилии тринадцати австрийских генералов [2. С. 49]. Первым в этом списке упомянут «Ероним Рукавина из Видовграда», а последним – «Никола Ружичич из Сандека». Источник, из которого взят список, не указан. Судя по фамилиям, в этом перечне есть имена офицеров славянского происхождения (несколько персонажей Андрича – офицеры австро-венгерской армии и высокие чиновники славянского

происхождения на службе в Боснии: фон Паулич в романе «Травницкая хроника», генерал Радакович в рассказе «Змея»).

Особого внимания заслуживают комментарии Андрича, которые он дает при введении некоторых персонажей, обычно при первом упоминании их имени, фамилии или прозвища. Эти комментарии похожи на исследование, в котором анализируются антропонимы и их роль в языке и человеческих отношениях. В «Рассказе о слоне везиря» Андрич объясняет происхождение фамилии Казас (серб. *казас* (турцизм) – ‘прядильщик шелка’): «Так и прозывались, по своему ремеслу, Казасы» [3. С. 68]. Автор объясняет также происхождение фамилии Мутевелич (серб. *мутевелија* (турцизм) – ‘управляющий имением’): «Тогдашний управляющий везирева наследия, Даут-ходжа Мутевелич, что значит “управитель” (так народ звал его, и это стало фамилией всего их рода) [...] А Мутевеличам осталось их семейное имя как гордая память о почетной должности, которую они столько лет с честью исполняли» [4. С. 34, 57]. В конце шестой главы романа «Барышня» Андрич, в присущей ему манере, вводит один эпизодический персонаж: «Молодую особу звали Йованка Танаскович...» [5. С. 63]. А седьмая глава начинается так: «Йованка! Это весьма распространенное простонародное имя, способное навечно похоронить женщину в море сельских и городских Йованок, в тогдашнем белградском обществе произносилось с особой интонацией и значительностью, словно романтическое и всегда приметное имя какой-нибудь Армиды, Клоринды, Оливии или Кассии, произносилось без добавления фамилии или прозвища, ибо подразумевалось, что Йованка одна в Белграде и целом мире [5. С. 63].

Анализ использования имен, которые Андрич дает персонажам своих романов и рассказов, подтверждает, что у него антропонимы также являются («весьма экономичным средством»). Имя главного героя Андрич иногда включает в название произведения («Мустафа Мадьяр», «Сон бег-Карчича», «Времена Аники», «Елена, женщина, которой нет», «Бонвал-паша», «Али-паша», «Геометр и Юлка», «Яков, друг детства», «Две записки боснийского писаря Дражеслава», «Джордже Джорджевич»). Значительной экономичностью отличается и использование прозвищ. Личное имя дается при рождении, а прозвище дается в жизни человека позднее. Прозвище часто отражает важные свойства человека, его видимые физические характеристики, черты характера.

При введении прозвищ в некоторых произведениях Андрича также встречаются комментарии писателя. В самом начале рассказа «Зуя» дается общее высказывание писателя о прозвищах: «Когда кто-то всю жизнь проживет под прозвищем, которое получил в детстве, это уже достаточно говорит о нем самом и о его положении среди других людей». А при введении самого персонажа автор говорит: «Эту пожилую женщину [...] зовут Зуя. Только так, и все». Когда писатель рассказывает о некоторых персонажах (даже если указаны их имена), он использует в основном прозвища (Караджоз, Чоркан, Барышня). Прозвище главного героя иногда указывается в названии произведения; («Барышня», «Зуя», «Чоркан и Швабочка», «Заяц», «Мила и Прелац», «Рассказ о кмете Симане»). Некоторые прозвища позволяют рассматривать персонажей в отрицательном свете: Люль-ходжа, т.е. тот, кто шатается при ходьбе – пьяный человек (серб. *љуљати се* – ‘шататься, качаться’), профессор Дурхцуг – профессор Сквозняк, Курочник (который крадет куриц), Кобра. Некоторые прозвища являются позитивными или нейтральными, полученными от друзей: Дорош, Китаец, Вуле. Прозвище и имя иногда используются вместе, причем прозвище напоминает фамилию: Муса Певец, Смилья Сербиянка, «длинный Сима». В рассказе «Заяц» прозвищ встречается больше, чем в других произведениях Андрича: Заяц, Кобра, Тигр, Дорош, Лала, Трубка, Дорогой, Резерв, Волк. Если прозвище указано вместе с именем или вместе с именем и фамилией, то это сделано по образцу: имя + по прозвищу (по прозвищу, прозван) + прозвище. Например: Мурат Ходжич по прозвищу Пьяный Ходжа

[3. С. 164] (в оригинальном тексте Люль-ходжа, т.е. ходжа, который раскачивается при ходьбе): «Мурат Ходжич был чернявый человек, задорный, как петух [...] Он был из добропорядочной семьи и когда-то учился в школе, но ракия помешала ему окончить ее и стать имамом, подобно многим из его семьи. Рассказывают, что на последнем экзамене он предстал перед учителем и экзаменационной комиссией пьянехонький, едва держась на ногах, шатаясь на ходу из стороны в сторону. Мудериз не допустил его до экзамена и назвал его Пьяным Ходжой. Это прозвище так за ним и осталось» [6. С. 164]. На этом прозвище писатель остановился особо и его происхождению посвятил отдельный рассказ. Заслуживает внимание объяснение писателя, как прозвище легко пристает к некоторым людям: «Так вот, этот самый Тахир-паша первым взялся пересчитывать и на каждый дом прибавить дощечку с цифрой. (За что и был потом прозван Дощечником)» [4. С. 80]; «Ратко был единственным сыном в бедной семье и с самого раннего детства проявлял удивительную склонность к изысканности, мотовству и безделью. Друзья прозвали его за это “Графом”» [6. С. 71]. В рассказе «Заяц» прозвище матери – Кобра, прозвище сына – Тигр: «Звали его Михайло. Мать его звала Мишель, друзья его прозвали Тигр, и под этим прозвищем его знает светский Белград и спортивная публика. И правда, этому прозвищу соответствуют и ход, и движения, и особенно зеленоватые глаза с желтыми отблесками; также как и его мать (Кобра. – Ш.3.) [...] имела в глазах, и иногда в неожиданно быстрых движениях, действительно что-то напоминающее больших змей в тропических пространствах» [3. С. 228].

Старания узкой группы людей навязать кому-то прозвище, особенно насмешливое, не увенчается успехом, если прозвище не будет принято в широкой среде. Так было с попытками дать Тахир-бегу в «Травницкой хронике» насмешливое прозвище. Но когда люди его лучше узнавали, они его часто звали не по имени, а просто Эфенди (т.е. господин): «Кто-то из числа прибывших из Стамбула и рас пространявшихся об учености и уме Тахир-бега сказал, что еще в школе его прозвали “кладезем знаний”. В Травнике ему сейчас же дали кличку Кладезь-эфенди [...]. Но когда Тахир-бег прибыл в Травник, насмешливая кличка не удержалась среди народа, а вернулась к улеме, чересчур поторопившейся ее выдумать. Перед личностью нового тефтедара всякое оскорбительное слово и даже мысль о насмешке обрывались сами собой. Через несколько недель народ уже называл его просто Эфенди, выговаривая это обычное слово с почтением и особым оттенком. Много водилось в то время в Травнике эфенди, грамотных писарей, хафизов, учителей и мулл, но Эфенди был один» [6. С. 32].

Стремление к экономичному выражению, когда речь идет о личных именах и прозвищах, имеет свои границы. Одного слова – Иованка было достаточно, чтобы в определенной среде оно означало одного конкретного человека. При упоминании имени Иованка нет надобности спрашивать: какая Иованка? Но при упоминании других персонажей с таким именем необходимы еще другие слова. Также и с прозвищем Эфенди вместо имени Тахир-бег. Но такая экономичность не всегда возможна, и Андрич в рассказе «Автобиография» комментирует это. Ведя повествование от первого лица, писатель говорит, как однажды на одном приеме к нему подошел незнакомый человек и представился: «Я Николич!». А затем Андрич дает продолжительный комментарий о том, как представился этот человек, как он выговаривал фамилию, очень распространенную в Сербии и Боснии. (Услышав фамилию Николич, многие спросили бы: какой Николич?). А человек ее выговаривает «как будто все люди знают и должны знать, хотя бы по слухам, эту единственную фамилию, хотя никто из них не знает полный смысл и все значение этой фамилии».

Если упоминается большое число персонажей и много личных имен, в результате можно получить трудночитаемый текст. Читатель может оказаться в ситуации, когда он должен возвращаться к уже прочитанному тексту, чтобы припомнить, кто

кем является в этом рассказе. Приходится жертвовать экономичностью. Повествуя о событиях и персонажах, Андрич наряду с указанием личного имени обычно приводит еще одно слово, означающие титул, звание или положение этого персонажа. Например, а) личную характеристику: сумасшедший Алия; б) титул: султан Селим, майор Сафет, Тахир-паша; в) профессию: учитель Алекса, учительница Зорка, каваз Хусейн (серб. *каваз* (турцизм) – ‘урядник, жандарм, вооруженный охранник’), писарь Дражеслав, Наум трактирщик, Тане ювелир, капитан Мика; г) сан духовных лиц: фра-Марко, фра-Петар, поп Йово, поп Йозо, поп Никола, иеромонах Пахомий; д) остальные: тетка Анджа, Саида-ханума, дядя Милой, баба Ката, мастерша Милена, хозяин Еврем. При упоминании некоторых персонажей указывается и их фамилия: протоиерей Мелентиевич, княгиня Павлович.

Заслуживают внимание и некоторые персонажи Андрича, именам которых писатель уделяет особое внимание и дает подробные комментарии. Это люди, которые по каким-то причинам меняют свое имя: что-то к нему добавляется, отнимается или полностью изменяется. Это прежде всего персонажи, которые перешли в ислам и поменяли имя. В неоконченном романе «Омер-паша Латас» упоминается несколько таких героев. Сам Омер-паша, ранее Мичо Латас, по происхождению был сербом из Лики, о чем писатель говорит в романе. Ариф-бег по происхождению поляк, Сигизмунд Эринг. Бонвал-паша из рассказа «Бонвал-паша» по происхождению француз, Клод-Александр. Иногда имя меняется, сокращается или расширяется. Меняется только имя или только фамилия, а иногда принимается полностью новое имя и фамилия. Есть люди, которые по разным причинам недовольны своим именем и меняют его, веря в то, что таким образом в обществе они обеспечат себе новое, лучшее положение. В рассказе «Красная гвоздика» введение посвящено имени главного героя и причинам, по которым он меняет свое имя, Василий Чокрлян, сначала на Василие Чокрлянович, а потом на Васа Василевич. Речь идет о преподавателе, который от своих учеников получает насмешливое прозвище Дурхцуг (т.е. сквозняк). Что же общего у персонажей Андрича, сменивших свое имя? Сказать, что это несчастные люди, было бы некорректно, потому что многие другие персонажи Андрича также несчастны. Может быть все-таки те, кто меняет по каким-то причинам свое личное имя, немного более несчастны, чем все остальные.

В творчестве Андрича появляется также значительное число персонажей, чьи личные имена не указываются. Писатель, очевидно, намеренно отходит от экономичности, которой мог бы достичь, используя личное имя. При упоминании некоторых персонажей используются другие слова, а иногда несколько слов, что ведет к кажущейся неэкономичности выражения. Андрич достигал этого разными способами. Например, пропускал личное имя какого-то персонажа, но при его упоминании использовал имя или фамилию другого персонажа. В творчестве Андрича значительно меньше женских персонажей, чем мужских. Но даже при этом некоторые из этих персонажей остались без личного имени – матери, супруги, сестры связаны с определенным мужским персонажем: мать Салко, мать Джамиля, мать Джема, княгиня Павловича, баба Кокотовича, старая Памуковича, госпожа Давил, старая Хафизовича. И у мужских персонажей есть похожие примеры, но в этих случаях речь идет о менее важных персонажах: Рафин сын, Ристичкин сын.

При упоминании некоторых персонажей пропускаются имя и фамилия, но при этом используются два-три слова, из которых одно является географическим названием и свидетельствует о происхождении: парень из Ариля, юноша из Кладова, Абдуселам-бег из Чатича, немец из Эрделя, итальянец строитель, врач итальянец, грек монах, ливанец христианин, бег из Црнче, ходжа из Бихача, английский вице-консул.

Иногда при употреблении других слов вместо личного имени экономичность выражения не теряется, так как используются слова, которые не длиннее обыч-

ного имени, например: атлет, геометр, раненный, слепой, танцовщица. Такой же вывод можно сделать и при использовании двух слов вместо имени и фамилии, например: капитан корабля, царский наместник, молодой капельмейстер, младший торговец, старший торговец, худой чиновник, толстый чиновник.

В творчестве Андрича находим особое явление неэкономичности, когда речь идет об именах отдельных персонажей. Писатель не использует уже присвоенное личное имя, а с помощью других слов доносит до читателя информацию, о ком идет речь. Андрич обычно делает это таким образом: при введении персонажа дается имя, или имя и фамилия, а затем по ходу событий, о которых он рассказывает, этот персонаж упоминается иногда по имени, а иногда используются другие слова, которые отсылают к этому персонажу. Эти слова служат в качестве субститута личного имени. Обычно используется до трех слов. Применение субститута личного имени особо проявилось в небольшом романе «Проклятый двор». Примером могут быть персонажи Чамил и Джем. Наряду с именем Чамил используется большое число и других выражений в качестве субститута этого имени: юноша, молодой турок, Чамил-эфенди, собеседник, молодой человек, странный турок, сын Тахир-паши, арестант из Смирны, арестант, богатый юноша-турок из Смирны, молчаливый юноша, юноша из Смирны, несчастный сын Тахир-паши, Джем-Чамил. Имя Чамил используется семьдесят раз, слово «юноша» вместо имени Чамил используется тридцать семь раз, остальные выражения – двадцать раз. В качестве субститута берется слово, которое уже ранее использовано при описании персонажа. Говорится, что Чамил юноша и что он из Смирны. Наряду с сокращенным именем «Джем», используются также и более длинные субституты этого имени: младший сын, брат, младший сын, претендент на престол, несчастный принц, «брат султана», драгоценный пленник, сын, злосчастный брат, брат-соперник, турецкий принц, царственный заложник.

Замена личного имени особенно заметна, когда говорится о Джем-султане в пятой главе романа. Имя Джем достаточно коротко, но в сжатом повествовании оно должно повториться много раз. Использование личного местоимения «он» также должно быть ограничено. В небольшом тексте, где упоминаются многие персонажи, цари, короли, папы и т.д., использование местоимения, например «он», могло бы вызвать затруднения у читателя (кто он?).

В небольшом произведении, вероятно, ощущалась бы перегруженность именами, если бы все персонажи имели личное имя и оно использовалось каждый раз. Когда упоминается какой-то персонаж, кажущаяся словесная неэкономичность в результате приводит к другой, общей экономичности выражения, что обеспечивает сжатое повествование. Таким образом, в произведении проявляется стилистическая экономичность.

*Перевод автора
Редактор перевода Г.Т. Пилипенко*

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Фролов Н.К. Избранные работы по языкознанию. Тюмень, 2005. Т. 1. Антропонимика. Русский язык и культура речи.
2. Андрић И. Свеске. Свјетлост. Сарајево, 1981.
3. Андрић И. Немирна година. Просвета. Београд, 1978.
4. Андрич И. Мост на Дрине. М., 1985.
5. Андрич И. Барышня // Андрич И. Собр. соч. в 3-х т. М., 1984. Т. 2.
6. Андрич И. Травницкая хроника. Консульские времена. М., 1985. Т. 3.

© 2012 г. Т.С. ГАНЕНКОВА

ГРАММАТИЧЕСКИЕ ЗНАЧЕНИЯ ПРЕДЛОГА *НА* В СОВРЕМЕННОМ МАКЕДОНСКОМ ЯЗЫКЕ

Статья посвящена грамматическим значениям предлога *на* в современном македонском языке. Выделяются три группы грамматических значений: при сильном управлении глаголов, значения специфической македонской *на*-конструкции (адресат, бенефактив, экспериенцер и другие), а также значение посессивности. В статье исследуются пути возникновения грамматических значений у предлога *на* и их связь с лексическими значениями.

The paper investigates grammatical meanings of the preposition *на* in the Macedonian language. There are three groups of grammatical meanings: meanings of preposition *на* as a part of verbal frame, meanings of Macedonian *на*-construction (recipient, beneficiary, the so called experiencer and others) and a possessive meaning. The paper examines origins of these meanings and connections between them and their lexical meanings.

Ключевые слова: македонский язык, предлоги, семантика, грамматические значения.

Традиционно предлоги относятся к служебным частям речи. Основываясь на их служебной роли в предложении, многие ученые отказывают предлогу в собственном значении. В структурализме и генеративизме считается, что предлог, обязательный в некотором контексте, имеет только синтаксическую функцию, семантически же он пуст. Среди ученых, полагающих, что у предлогов есть значения, нет согласия, к какому классу значений их отнести – к лексическим или к грамматическим [1. С. 394]. Проанализировав аргументы обеих сторон, можно сказать, что значения предлогов нельзя отнести ни к грамматическим, ни к лексическим.

Ближе всего к лексическим значениям стоят пространственные значения предлогов, так как в этом случае предлог передает информацию о пространственном положении объектов относительно друг друга. Как показали типологические исследования, в ходе истории языка предлоги приобретали новые значения, в том числе грамматические. Процесс превращения лексической единицы в грамматический показатель называется грамматикализацией и активно исследуется с 1980-х годов.

В македонском языке грамматикализация предлогов особенно активизировалась при разрушении падежной системы в XI–XIII вв. Сначала исчез локатив, его функции стал выполнять аккузатив. Значения генетива стали выражаться конструкциями с предлогами, порядком слов и дативом, который сохранялся дольше всех падежей и был заменен сочетанием предлога *на* с общей формой существительного [2. С. 164–165], а точнее конструкцией с предлогом *на*. В результате

Ганенкова Татьяна Сергеевна – младший научный сотрудник Института славяноведения РАН.

изменений предлог *на* стал выражать значения посессивности, адресата, рецепиента и некоторые другие.

Целью данной работы является исследование грамматических значений предлога *на* в современном македонском языке, их связь между собой и пространственными значениями этого предлога.

Материалом для анализа послужили произведения современной художественной литературы «Зима свободы» Димитара Солева [3], «Девочка с двумя именами» Ядранки Владовой [4], «Пырей» Петре М. Андреевского [5], а также четыре номера газеты «Утрински весник» [6]. В некоторых случаях для уточнения значения проводился опрос носителей македонского языка. В дальнейшем мы ссылаемся на анкету опроса (АН).

При описании мы пользовались терминами Р. Лангакера [7] *траектор* (trajectory, TR) и *ориентир* (landmark, LM). Траектором является предмет/лицо, положение/движение которого определяется относительно другого предмета/лица, называемого ориентиром.

1. К грамматическим мы относим значения предлога *на*, выражаемые им при так называемом «сильном» управлении глагола. Эти значения связаны с пространственными значениями <?>¹ предлога *на*, но современными носителями языка эта связь не ощущается.

1.1. В первую группу глаголов, управляющих предлогом *на*, мы включаем глаголы, указывающие на подобие: 1) *Ацо личи на татко му* (Ацо похож *на* своего отца) (АН); 2) *Мирусаше на познато: на пот, на гној, на тутун и на помија* (Воняло знакомым: потом, гноем, табаком и помоями) [3].

Употребление предлога *на* с подобными глаголами объясняется значением опорной поверхности: ориентир выступает в качестве основы для описания соответствующего траектора.

Со значением опоры также связано употребление предлога *на* в ситуации, когда ориентир является основой для реализации описываемого действия: 3) *Една другарка, надоврзувајќи се на Игоря, заинтересирано но несмело прошепоти [...]* (Одна девушка, ссылаясь *на* Игоря, заинтересованно, но несмело прошептала) [3].

В (3) девушка использует слова Игоря как опору для своего высказывания.

1.2. Некоторые случаи «сильного» управления объясняются пространственным значением «направление». О.Н. Селиверстова полагает, что значение воздействия, направленности у предлога *на* в русском языке появилось в результате метафоризации его пространственного значения. Обычно предлог *на* сигнализирует о том, что траектор располагается на поверхности ориентира и – можно сказать – воздействует на него [9. С. 209–210]. Подобное явление мы наблюдаем и в македонском языке. Добавим, что при употреблении с динамическими глаголами предлог *на* обозначает движение траектора на поверхность ориентира. Метафоризация этого значения позволяет предлогу *на* выражать самую общую идею движения, направление движения: 4) *Ретко кога креваше рака на жената или децата* (Он редко когда поднимал руку *на* жену или детей) [3]; 5) *Ако на тоа цели другарот Игор Шумејков* (Если *на* это намекает товарищ Игорь Шумејков) [3]; 6) *Двајцата браќа тргнаа на непријателот* (Двое братьев ринулись *на* врага) (АН).

В этих примерах предлог *на* не подразумевает достижения ориентира. В (4) предлог *на* вводит ориентир, который является потенциальным объектом воздействия. Интересно, что само воздействие не описывается, но легко восстанавливается: поднятие руки подразумевает негативное воздействие на ориентир. В (5) и

¹ Описание пространственных значений предлога *на* в современном македонском языке можно найти в работе Т. Ганенковой «Просторни и временски значења на предлогот *на* во современниот македонски јазик» [8].

(6) предлог *на* также задает объект воздействия и тем самым указывает на направление движения траектора.

1.3. Значение направления также объясняет употребление предлога *на* с глаголами, обозначающими некоторые мыслительные процессы: 7) *Иако сите мислеа на тоа, никој не зборуваше за враќање* (Хотя все думали **об** этом, никто не говорил о возвращении) [3]; 8) *Забораџија на другите игри* (Они забыли **о** других играх) [3].

У глаголов мыслительной деятельности в македонском языке есть три варианта управления: прямой объект – *го разбрав* (я его понял), предлог *за* – *дознав за неговите проблеми* (я узнал о его проблемах) или предлог *на* – *се сети на неа* (он вспомнил о ней). У некоторых глаголов возможно двойное или даже тройное управление: прямой объект – предлог *на*, прямой объект – предлог *за*, прямой объект – предлог *на* – предлог *за*.

Рассмотрим оппозицию прямой объект (9), (10) – предлог *на* (7), (8): 9) *Го мислам* (Я постоянно о нем думаю) (АН); 10) *Ги забораџија другите игри* (Они забыли другие игры) (АН).

В (9) беспредложное управление указывает на постоянность и интенсивность действия. В (7) действие направлено на объект, но не «охватывает» его полностью. В (10) позиция прямого объекта указывает на полное включение в действие: ребята забыли суть других игр. В (8) речь идет о временном вытеснении игр из фокуса внимания ребят. Употребление предлога *на* в этом случае опять же указывает на меньшую степень интенсивности действия.

Интересно, что похожая ситуация наблюдается с некоторыми другими глаголами. Обычно глагол *чека* ‘ждать’ управляет прямым объектом (11), но иногда употребляется с предлогом *на* (12). Для выяснения различий между предложным и беспредложным управлением мы предложили анкетированным придумать предложения со следующими сочетаниями: 11) *Го чекам Игор* (Я жду Игоря) (АН); 12) *Чекам на Игор* (Я жду Игоря) (АН).

В результате анализа полученных примеров и дополнительной анкеты мы выяснили, что в отличие от (11) сочетание (12) не употребляется для обозначения физического ожидания, т.е. нельзя сказать: 13) *Чекам на Игор на автобуска* (Я жду Игоря на автобусной остановке) (АН).

Под физическим ожиданием мы подразумеваем ситуацию, когда целью пребывания, нахождения в определенном месте является встреча с описываемым объектом. Предлог *на* употребляется, когда ожидание связано с более общей ситуацией: 14) *Завршиџме сите со тестовите, чекаме на Игор* (Мы все закончили писать тесты, ждем, когда Игорь закончит) (АН).

В (14) объектом ожидания является не Игорь, а ситуация, когда он закончит писать. Если в (14) заменить предложное управление беспредложным, то полученное предложение трактуется следующим образом: 15) *Завршиџме сите со тестовите, го чекаме Игор* (Мы все закончили писать тесты, теперь ждем Игоря) (АН).

В (15) не ясно, участвует Игорь в написании тестов или нет. Интересно, что при этом можно сказать: 16) *Завршиџме сите со тестовите, го чекаме Игор да заврши* (Мы все закончили писать тесты, теперь ждем, когда Игорь закончит) (АН).

Примеры (13–16) показывают, что глагол *чека* ‘ждать’ обычно управляет прямым объектом и лишь в некоторых случаях – предлогом *на*. Предложное управление данного глагола сигнализирует о более абстрактной ситуации, нежели беспредложное. Физическое ожидание (15) предполагает полное включение объекта в действие. Употребление предлога *на* сигнализирует о том, что объектом ожидания является вся ситуация, одним из участников которой является вводимый предлогом *на* объект. Вводимый объект, таким образом, более опосредованно связан с действием.

Ранее мы отметили, что глаголы мыслительной деятельности делятся на три группы. Мы установили признаки, влияющие на выбор между управлением прямым объектом и предлогом *на*. К сожалению, данные современного македонского языка не дают объяснения, почему одна группа глаголов управляет предлогом *за* (*дознае* ‘узнать’, *разбра* ‘понять’, *памти* ‘помнить’, *измислува* ‘выдумывать’ и т.п.), а другая – предлогом *на* (*мисли* ‘думать’, *се сети* ‘вспомнить’, *потсети* ‘напомнить’ и т.п.). Нам удалось, однако, найти критерий, влияющий на выбор предлогов *на* или *за* при глаголе *заборави* ‘забыть’ (этот глагол обычно управляет прямым объектом). Ранее мы анализировали пример с предлогом *на* (8). Предлог *за* употребляется при глаголе *заборави* ‘забыть’, когда в качестве ориентира выступает распространенное словосочетание или придаточное предложение: 17) *Заборавив за пишувањето на статијата (Я забыл о написании статьи) (АН)*; 18) *Заборавив за нивниот син дека има 20 години (Я забыл о том, что их сыну 20 лет) (АН)*.

В (17) в качестве ориентира выступает словосочетание *пишувањето на статијата* ‘написание статьи’. В (18) предлог *за* фактически вводит придаточное предложение *дека нивниот син има 20 години* (что их сыну 20 лет).

1.4. Следующим грамматическим значением предлога *на* является значение ответной реакции. Своим возникновением оно обязано пространственному значению ‘направление на ориентир’. О.Н. Селиверстова указывает, что в русском языке в значение предлога *на* иногда входит понятие каузации [9. С. 216–217]. Это значение наблюдается у предлога *на* и в македонском языке. В (19) предлог *на* вводит каузатор реактивного типа: ответ вызван вопросом, ответ не может появиться без вопроса. В (20) сопротивление возникает как ответная реакция на необходимость встать.

19) *Никој не знаеше да му одговори на прашањето* (Никто не мог ответить на его вопрос) [3]; 20) *Како да се противеше на тоа* (Как будто противился этому [необходимости встать]) [3].

Значение реактивной каузации также реализуется в специфической македонской конструкции *предлог на + глагольное существительное*, которая используется для обозначения постоянной реакции на некоторое повторяющееся действие: 21) *На секое нативање мајка ѝ на Велика само се стресува* (Мать Велики только вздрагивала при каждом глотке) [5]; 22) *На секое лавнување од кучињата се разбудуваат* (Они просыпаются всякий раз, как залают собаки) [5].

Предлог *на* вводит глагольное существительное, обозначающее каузирующее действие. Агнс ответной реакцией может совпадать с агенсом каузирующего действия (22).

1.5. Особняком стоит группа глаголов, обозначающих деление целого на части. Делимый объект занимает место прямого объекта, а результат деления вводится предлогом *на*: 23) *Ги раздвоија по клупите на машки и женски* (Их разделили по лавкам на мальчиков и девочек) [3]; 24) *Вратилото потреперуваше како некој да го сече на два краја* (Переключатель подрагивала как будто кто-то распиливал ее на две части) [3]; 25) *Клинички центар ќе се раситни на 32 дела* (Клинический центр раздробится на 32 части) [6].

Почему эти глаголы во всех славянских языках управляют предлогом *на*? Наша гипотеза заключается в том, что выбор предложного управления связан с невозможностью оформить результат такого рода действий прямым объектом (место уже занято) или косвенным (не соответствует семантике *на*-конструкции, заменившей дательный падеж). Выбор предлога *на* из множества других предлогов объясняется, по-видимому, тем, что его значение является наименее специфическим. Отметим, что во многих других языках (например в романских) выбирается второй основной предлог, соответствующей русскому предлогу *в*.

2. Вторую группу грамматических значений предлога *на* в современном македонском языке составляют значения *на*-конструкции. В македонском языке *на*-конструкция используется для выражения значения адресата и некоторых других значений. Она состоит из следующих компонентов: краткое личное косвенно-объектное местоимение 3-го лица (это сохранившиеся до наших дней формы дательного падежа местоимений), согласованное с существительным в числе и роде + глагол + предлог *на* + существительное <?>² [10. С. 140]: 26) *Му раскажав на еден познат за твојата ситуација* (Я рассказала **одному знакомому** о твоей ситуации) (АН).

Удвоение при помощи косвенно-объектного местоимения происходит независимо от того, в определенной или неопределенной форме стоит существительное, обозначающее косвенный объект.

На-конструкция регулярно выражает приближение к ориентиру (это значение встречается у дательного падежа в старославянском языке): 27) *Човек можеше да ѝ се доближи на таа војска и да ја тупне* (Человек мог приблизиться **к этому войску** и потрогать его) [3].

Ориентир может быть как одушевленным, так и неодушевленным объектом. *На*-конструкция выражает приближение вплотную в отличие от предлога *кон*, который указывает направление движения. Контакт не обязательно должен быть физическим: 28) *Тој со секој збор и дело му се прилепувал на животот* (Он каждым словом и делом цеплялся **за жизнь**) [5]; 29) *Силва Мехијас им се приклучи на ООН* (Сильвия Мехиас присоединилась **к ООН**) [6].

На-конструкция выражает значение приближения при глаголах с приставками *до-* или *при-*. Использование предлога *на* для обозначения приближения связано с тем, что он выражает самую общую идею движения в отличие от других предлогов, обозначающих более специфические отношения между траектором и ориентиром (предлог *во* обозначает движение внутрь, предлог *кон* – движение в направлении ориентира, предлог *врз* – движение сверху вниз и т.д.).

Логичным развитием этого пространственного значения является значение адресата, когда в качестве траектора выступает различного рода информация, а в качестве ориентира – одушевленный или неодушевленный объект, которому она направляется: 30) *Смејќи се му велеше на татко ми дека [...]* (Смеясь, она говорила **моему отцу**, что [...]) [4]; 31) *Вети не знаеше на кого прво да му се насмевне* (Вети не знала, **кому** первому улыбнуться) [3].

На-конструкция регулярно обозначает реципиента ситуации. В этом случае траектором является передаваемый объект, а ориентиром – получатель: 32) *Ацо Пац му го врати пенкалото на книжарот Пупкин* (Ацо Пац вернул ручку **книготорговцу Пупкину**) [3].

На-конструкция также выражает бенефактивные отношения: 33) *Им дозволува на смртните да го погледаат одблизу* (Разрешает **смертным** посмотреть на него изблизи) [3]; 34) *На кои им беше одземено државјанството* (**Которых** лишили гражданства) [3].

В (33, 34) ориентир представляет собой участника ситуации, по отношению к которому актуальна описываемая ситуация. Употребление *на*-конструкции в этом значении объясняется тем, что ситуация развернута в сторону ориентира, направлена на него.

От бенефактива следует отличать объект действия, вводимый предлогом *на* в ситуации, когда место объекта уже занято: 35) *Дејан му удри еден шамар на просјак* (Деян дал пощечину **нищему**) (АН).

В (35) Деян ударяет нищего, т.е. нищий является объектом. Поскольку в предложении также уточняется, как именно он ударил (дал пощечину), место объекта

² В некоторых случаях указанный порядок может изменяться [10. С. 161].

при глаголе *удри* ‘ударить’ уже занято словом *шамар* ‘пощечина’. В связи с этим возникает необходимость ввести слово *просјак* ‘нищий’ в качестве второго актанта. В македонском языке он выражается *на*-конструкцией.

Самая общая идея движения, присущая предлогу *на*, лежит в основе значения стимула эмоционального состояния. Рассмотрим примеры: 36) *Луѓето му завидуваа на лиферантот* (Люди завидовали **поставщику**) [3]; 37) *Не верувајќи им на очите* (Не веря **глазам**) [3].

Предлог *на* вводит стимул в ситуации, когда чувства восприятия экспериенцера вызваны стимулом и, что самое важное, направлены на него.

Сюда же можно отнести примеры с такими глаголами, как *се луги* ‘сердиться’, *се навреде* ‘обижаться’, *се восхитува* ‘восхищаться’, *се чуди* ‘удивляться’ и т.д.: 38) *Ацо му се луги на Игор* (Ацо сердится **на Игоря**) (АН).

Во всех других славянских языках (кроме македонского и болгарского) эти глаголы управляют сочетанием предлога *на* с винительным падежом имени, т.е. обозначают объектный директив в терминологии О.Н. Селиверстовой [9]. В македонском языке управление этих глаголов унифицировалось по модели глаголов типа *завидува* ‘завидовать’.

Интересно, что *на*-конструкция представляет ориентир не только в роли стимула, но и в «противоположной» ему роли экспериенцера – носителя чувств и восприятий: 39) *На човека му беше сеедно* (Человеку было все равно) [3]; 40) *На другарите им здосади да чекаат* (Друзьям надоело ждать) (АН); 41) *На Иван му се спие* (Ивану хочется спать) (АН).

При выражении значения экспериенцера структура конструкции меняется. Сочетание предлога *на* с существительным из конца обычно переносится в начало. Обычный порядок слов в конструкции делает ударение на действии и встречается редко.

Употребление *на*-конструкции в этом значении связано, скорее всего, с многочисленными примерами, где экспериенцер является невольным «получателем» некоего восприятия или состояния, т.е. конечной точкой движения: 42) *Помисли дека мора да е неприродно на толкав маж да му се случи тоа* (Он подумал, что должно быть неестественно, что это [плач] произошло **с таким большим мужчиной**) [3].

На-конструкция может кодировать в качестве экспериенцера даже агенса ситуации, если его действие было ненамеренным: 43) *Да, – му се испушти најпосле на Ацо Пац* (Да, – вырвалось в конце концов **у Ацо Паца**) [3].

В (43) действие, совершенное агенсом, отделяется от него, становится «внешним» по отношению к нему. В результате агенс представлен случайным участником ситуации, в которой оказался помимо своей воли, т.е. возникает значение произвольности, ненамеренности действия.

Важным значением, выражаемым *на*-конструкцией, является значение внешне-го посессора. Именно оно стало основой для возникновения значения посессивности у предлога *на*, которое будет рассмотрено ниже.

44) *На Игор му откриле црни сенки во белите дробови* (В легких **у Игоря** нашли черные тени) (АН); 45) *Во белите дробови на Игор откриле црни сенки* (В легких **Игоря** нашли черные тени) (АН).

В (45) для выражения посессивности используется предлог *на* – основное средство выражения этого значения в македонском языке. В (44) Игорь остается посессором, однако представление ситуации меняется. Использование *на*-конструкции «разделяет» описываемый объект и его посессора при помощи экстраполяции (выход из исходной именной группы) посессора. А.Е. Кибрик указывает, что расщепление посессивной группы приводит к повышению синтаксического статуса посессора, т.е. в основе этого явления лежат коммуникативные предпосылки [11. С. 309–310]. Если в (45) Игорь является одним из периферийных участников си-

туации, то в (44) – одним из центральных, поскольку занимает место косвенного объекта. Предложение неопределенно-личное, т.е. субъект опущен и неважен, следовательно, в (44) посессор является вторым по значимости участником ситуации (после прямого объекта).

Считается, что экстраполяция посессора первоначально происходила только с названиями частей тела (44): воздействие на части тела человека является воздействием и на самого человека. В результате развития этого значения в македонском языке экстраполяция стала возможна и с неотчуждаемой собственностью (45), и с отчуждаемой (46). В более редких случаях экстраполяция происходит при обоопределятельных отношениях (47): 46) *Некои деца цела ноќ ѝ викаа на баба Роза под прозор. Кутрата не можеше да застие* (Какие-то подростки всю ночь шумели под окном у бабушки Розы. Бедняжка не могла заснуть) (АН); 47) *Црна му беше седмицата на железничарскиот работник* (Черной была неделя у железнодорожника) [3].

В (46) говорящий хочет подчеркнуть, что Роза оказалась вовлечена в описываемую ситуацию через объект, принадлежащий ей. В (47) экстраполяция посессора и повышение его синтаксического статуса происходит, поскольку посессор (железнодорожник) является темой микротекста. В данном случае повод для выделения скорее дискурсивный – необходимость поместить посессор в актуальное поле зрения.

3. Третью группу грамматических значений предлога *на* в современном македонском языке составляют посессивные значения. Прежде чем рассматривать посессивные значения предлога *на*, обратимся к самому понятию посессивности. Категории посессивности посвящено множество работ. Эта одна из основных категорий, присутствующая в различных языках. До сих пор, однако, нет единого мнения, что следует понимать под посессивностью. Традиционно категория посессивности считается семантической, однако встречаются работы, где посессивность рассматривается иначе. Например, в работе Х. Зайлера утверждается, что лингвистический аспект посессивности базируется на концептуальном аспекте. С точки зрения семантики посессивная связь между двумя объектами является биокультурной (связь между человеком и окружающей средой). Согласно исследованию Х. Зайлера, с лингвистической точки зрения посессивность – это не категория, а оперативная программа (с подпрограммами) и соответствующая группа функций. Важной характеристикой категории является ее динамичность: средства выражения посессивных отношений начинают использоваться для выражения более общих отношений [12].

Б. Хайне также считает, что посессивность не является лингвистическим понятием, он рассматривает, какие конструкции используются в языках мира для выражения посессивных отношений, а также каковы их исходные схемы (source schemas), мотивация и пути развития [13].

В когнитивно ориентированных теориях постулируется радиальная структура категории посессивности. В центре находятся значения обладания, родственных связей и частей тела. Р. Лангакер считает, что лингвистическая категория посессивности базируется на когнитивной способности человека определять новый, менее заметный объект (траектор) через уже известный, более заметный объект (ориентир) [7].

Количество выделяемых значений и структура категории посессивности варьируется у разных авторов. В нашем анализе посессивных значений предлога *на* в македонском языке мы пользовались классификацией посессивных отношений, разработанной коллективом под руководством А.Е. Кибрика в результате анализа посессивных конструкций в русском языке как наиболее полной из встреченных нами [14. С. 25–26]. При этом первичным для нас оставался материал македонского языка. Заметим также, что мы считаем границы между выделяемыми классами

отношений не строгими. Связи между выделяемыми отношениями в категории посессивности являются очень тесными, поэтому зачастую один и тот же пример можно трактовать по-разному и относить к разным отношениям.

Несмотря на различие взглядов, большинство ученых сходится во мнении, что в основе категории посессивности лежит отношение обладания, при котором один участник (обладаемое) принадлежит другому (посессор): 48) *Над книжарницата беше станот на книжарот и на неговото семејство* (Над книжным магазином находилась квартира владельца книжного магазина и его семьи) [3].

В этом значении прототипический посессор – лицо, а обладаемое – находящийся в длительной собственности объект. Пользуясь терминологией Р. Лангакера, посессор можно назвать ориентиром, а обладаемое – траектором, поскольку отнесение к конкретному посессору выделяет обладаемое из ряда подобных объектов, характеризует его. Если посессор выражен существительным, чье значение заключается в обозначении собственника, то ситуация меняется – посессор определяется через обладаемое: 49) *Сопственикот на кафулето тврди дека [...]* (Владелец кафе утверждает, что [...]) [6].

Слово *сопственик* ‘собственник’ обозначает любого собственника. Добавление слова *кафуле* ‘кафе’ уточняет его, конкретизирует, заполняет семантическую «валентность» траектора.

Предлог *од*, конкурирующий с предлогом *на* в значении обладания, фокусирует внимание на происхождении обладаемого. Это значение предлога *од* возникает в результате трансформации его основного значения ‘исходная точка перемещения’.

50) *Вчера Дејан ја возеше колата од татко му* (Вчера Деян ездил на машине своего отца) (АН).

В (50) перемещение легко восстанавливается, предлог *од* вводит ориентир, от которого получен траектор, т.е. указывает на происхождение траектора. Предлог *од* кодирует обладаемое в качестве траектора, чье место в мире определяется через соотнесение с ориентиром (происхождение). Посессор обычно известен из контекста.

Метафорическая трансформация отношения обладания позволяет использовать предлог *на* в примерах, где пребывание в некотором месте или времени рассматривается как обладание в период пребывания. А.Е. Кибрик называет это отношение «субъект бытования»: 51) *Кога групите влегуваа во собата на претседателот* (Когда группы входили в комнату председателя) [3]; 52) *Еден викенд на Марија* (Одни выходные Марии) (АН).

В (51) комната не является собственностью председателя, однако он проводит в ней достаточно много времени. Пример (52) мы также относим к отношению субъекта бытования, поскольку рассматриваем время в качестве специфического пространства. Один из множества дней определяется, характеризуется через указание на главного участника, находящегося в этом временном пространстве.

В значении бытования часто употребляется предлог *од*, основным значением которого является значение источника: 53) *Жителите од 14 општини во граничниот регион со Бугарија ќе можат да добијат повеќекратна виза* (Жители из 14-ти общин на границе с Болгарией смогут получить мультивизу) [6].

В (53) предлог *од* вводит постоянную характеристику траектора, указывая на его происхождение. Компонент перемещения при этом не обязателен.

Вторым центральным отношением в категории посессивности считается отношение части – целого. В качестве прототипического обладаемого выступают части тела, которые представляют собой неотторжимую собственность посессора: 54) *Мускулите на Митруша* (Мускулы Митруша) [3].

В (54) мускулы «принадлежат» Митрушу и, одновременно, являются его частью. Исследователи отмечают устойчивую связь между отношением «личность –

часть тела личности» и «сущность – часть сущности», во многих языках выражаемых одним и тем же показателем: 55) *Воздухот недостигааше меѓу влажните сидови на ровот* (Между влажными стенами рва не хватало воздуха) [3].

Значение части – целого регулярно выражает предлог *од*. Предлог *од* используется для характеристики траектора через отнесение к ориентиру, частью которого траектор является. Употребление в этом случае предлога *од*, а не предлога *на* объясняется значением выделения конкретного элемента в общем целом, при этом реального перемещения траектора за пределы ориентира не происходит: 56) *Сето тоа е дел од смислена хајка* (Все это часть продуманной травли) [6]; 57) *Дополнителна контрола за земјите од Јадранската група* (Дополнительный контроль за странами из Адриатической группы) [6]; 58) *Влатко Горчев од ВМРО–ДПМНЕ* (Влатко Георчев из партии ВМРО–ДПМНЕ) [6].

В примерах, подобных (56, 57), предлог *од* можно заменить предлогом *на*, при этом значение несколько изменится. Предлог *на* указывает на принадлежность к объекту, а предлог *од* выделяет траектор из общего целого. Эта разница, однако, очень мала, поэтому в письменных текстах предлоги *на* и *од* в этом значении заменяются один другим по стилистическим соображениям. Выражения типа *дел од* ‘часть (чего)’, *Х проценти од* (Х процентов (чего)) стали клише, и употребление в них предлога *од* является автоматическим.

Интересно, что в (58) предлог *од* нельзя заменить предлогом *на*, хотя такая замена возможна в сочетании типа *човек на/од ВМРО–ДПМНЕ* (человек ВМРО–ДПМНЕ/ человек из ВМРО–ДПМНЕ). Замена невозможна тогда, когда предлог *од* вводит имя и/или фамилию человека. По-видимому, это объясняется тем, что конкретизация личности приводит к тому, что человек воспринимается не как неотъемлемая часть организации, а как самостоятельная личность, которая может быть частью некоторого общего (организации, учреждения и т.д.), но не принадлежит ему.

В классификации А.Е. Кибрика отдельно выделяется отношение нательной одежды, если она не надета на обладателя: 59) *За разлика од мојата дебелка баба Неда, Лили можеше да ги облече сите здолништа и панталони на мама* (В отличие от моей полноватой бабушки Неды, Лили могла надеть все юбки и брюки мамы) [4].

По нашему мнению, это отношение можно рассматривать в рамках отношения обладания, поскольку обычно одежда принадлежит посессору. Основанием для выделения примеров с одеждой в отдельное отношение послужили, по-видимому, примеры, где одежда не принадлежит ориентиру, например, *ременот на моето куче* (ошейник моей собаки).

Со значением части–целого тесно связано отношение членства: 60) *Друштво на Марина* (Компания Марины) (АН).

Первое существительное указывает коллектив или совокупность, а второе – ее члена, связь с которым выделяет этот коллектив из множества других. Отметим, что групповое отношение «однотипные элементы группы – группа», отношения экземпляра и количества, справедливо включаемые в классификацию посессивных отношений в русском языке [14. С. 25–26], в македонском языке выражаются порядком слов – *шил карти* (колода карт), *чаша вода* (стакан воды), *кило компир* (килограмм картофеля).

Еще одно отношение, традиционно выделяемое исследователями в категории посессивности, – это отношение родства: 61) *Марко го викаа татко ѝ на Вети* (Отца Вети звали Марко) [3].

При выражении родственных отношений предлогом *на* после названий родственников (посессора) в постпозиции часто употребляются краткие личные местоимения в косвенно-объектной форме, число и род которых согласуется с именем посессора. Замена притяжательных местоимений краткими косвенно-

объектными формами личных местоимений обычно происходит, если определяемое существительное стоит в форме единственного числа, а также при нем нет определений<?>³. В (61) речь идет об отце девушки Вети, поэтому после слова *tatko* 'отец' стоит косвенно-объектная форма местоимения женского рода единственного числа *и*. Употребление предлога *на* в именной синтагме, первым членом которого является наименование родственника, может выражать не только родственные отношения, но и другие посессивные отношения: 62) *Баба Неда, исто како Лили, живее сама. И нејзиниот маж, мојот дедо Сотир умрел. Ама тој, како што вели мојата природна баба, кога се разболел бил веќе многу, многу стар, а не така млад како дедо Марко на Лили* (Баба Неда, как и Лили, живет одна. Ее муж, мой дедушка Сотир, умер. Он, однако, – говорит моя «родная» бабушка, – заболел, когда был уже очень, очень старым, не то, что дедушка Марко у Лили) [4].

Не зная контекста, можно подумать, что Марко является дедушкой Лили (родственные отношения). Из контекста, однако, известно, что Марко и Лили – муж и жена. В (62) о них говорит их внучка, у которой есть еще одна бабушка Неда (мать отца) и дедушка Сотир (отец отца). Чтобы отличить одного дедушку от другого, внучка связывает каждого из них с соответствующей бабушкой, уже известной читателю. Данный пример явно нельзя отнести к родственным отношениям, скорее он относится к отношению смежности «сущность – смежная сущность». В примечании к используемой нами классификации [14. С. 25] указано, что обычно речь идет о пространственной или функциональной смежности, но возможна и дискурсивная смежность объектов. К последней можно отнести следующий пример: 63) *Вчера ја прочитав таа книга на Борис [за која што зборувааше], не е ништо посебно* (Я прочитала вчера эту книгу Бориса [о которой он говорил] – ничего особенного) (АН).

Борис не является собственником книги, однако используется в качестве человека, через которого книга определяется, поскольку все время говорит о ней и ассоциируется с ней у говорящего.

Социальные отношения, безусловно, тесно связаны с родственными. Некоторые социальные отношения даже могут восприниматься как родственные. В македонском языке со словами *другар* 'друг' и *другарка* 'подруга', также как с названиями родственников, могут употребляться личные местоимения в косвенно-объектной форме вместо притяжательных местоимений: 64) *Другар му на Игор* (Друг Игоря) (АН).

В классификации А.Е. Кибрика выделяется отношение продукта (*дым папирoсы, отходы производства* и т.д.), когда траектор является продуктом деятельности. С ним связано отношение «продукт–источник» (*автор цитаты, источник мучений*) – траектор обозначает деятеля или сущность, дающее начало некоторому явлению/объекту. По нашему мнению, значение продукта возникло у предлога *на* благодаря развитию отношений «части тела» и «часть–целое». Рассмотрим (65): 65) *Гласовите на оние што беа веќе излезени од скривнициите* (Голоса тех, кто уже вылез из убежищ) [3].

Л. Митковская считает, что «эманации» личности (голос, тень, отпечатки пальцев и т.п.) следует рассматривать как части тела [15. С. 65]. Возможно, такое понимание указанных сущностей привело к появлению отношения «продукта», однако сейчас к нему можно отнести и такие примеры, которые не вписываются в рамки отношения «части тела»: 66) *Лутиот чад на цигарата* (Ядреный дым сигареты) [3].

Следует помнить, что классификации посессивных отношений являются весьма условными, а их границы – размыты. Отметим, что отношение «продукта»

³ Более точное описание условий, при которых происходит замена, см. в [15. С. 96–98].

часто выражается предлогом *од*. В последнем случае подчеркивается значение происхождения: 67) *Бенефициите од тој процес досега се повеќе од очигледни* (Выгода **от** этого процесса более чем очевидна) [6].

Четкой границы между предлогами *на* и *од* в этом значении не существует, однако есть тенденция: предлог *на* чаще используется, если продукт осмысливается как часть ориентира. Предлог *од* указывает на то, что продукт деятельности рассматривается в качестве независимого от ориентира объекта. В (68) предлог *од* нельзя заменить предлогом *на*, несмотря на то, что траектор возникает в результате существования ориентира: 68) *Со заштедата од рационалното работење, ќе се платат и вторите менаџери* (Сэкономленные **в результате** рациональной работы деньги пойдут на зарплаты вторым менеджерам) [6].

Во многих случаях, однако, возможны оба предлога – *драмите на Шекспир* или *драмите од Шекспир* (драмы Шекспира).

Несмотря на то что *на*-конструкция может вводить стимул, в именных синтагмах эта роль закреплена за предлогом *од*, что позволяет разграничить стимул и экспериенцер: *страв од новинари* (страх журналистов) – кто-то боится журналистов и *страв на новинари* (страх журналистов) – журналисты испытывают страх.

Отношение продукта у предлога *на* тесно связано с отношением «продукт–источник»: 69) *Истиот фудбалер беше автор и на вториот гол во 65 минута* (Этот же футболист стал автором второго гола на 65 минуте) [6].

В таких примерах траектор обозначает источник, а ориентир – продукт.

Отношение части и целого у предлога *на* позволяет этому предлогу выражать также символическое (70), параметрическое (71) и атрибутивное (72) отношения: 70) *Крвјосани очи, во кои многу малку имаше израз на победа или на слава* (Налитые кровью глаза, в которых почти не было выражения победы или славы) [3]; 71) *Тие знаеја силата на огнот* (Они знали силу огня) [3]; 72) *Како луле на мирот* (Как трубку мира) [3].

При выражении символического отношения первое существительное (*израз*) указывает на объект, который является символом сущности, обозначенной вторым существительным (*победа, слава*). В (70) описываемой сущностью является чувство победы или славы, передаваемое выражением глаз.

Функции предлога *на* в параметрических и атрибутивных отношениях схожи – он устанавливает связь между объектом и одним из его параметров (71) или атрибутов (72).

К этим отношениям примыкает метафорическое отношение. Обычно оно возникает в результате метафоризации другого отношения, чаще всего формы [14. С. 26]. При выражении метафорического отношения грамматическое значение предлога *на* проявляется наиболее ярко – предлог устанавливает связь между объектами, не связанными в реальности: 73) *По меката мов на тревата, по која се превртуваа нивните игри, поминуваа сè понови и потврди бразди* (По мягкому мху травы, по которому вертелись их игры, проходили новые, все более твердые борозды) [3].

Большую группу в категории посессивности занимают субъектно-объектные отношения. Как известно, в македонском языке существуют особые глагольные существительные со значением процесса действия, которые можно образовать от основы любого глагола несовершенного вида. Кроме того, есть существительные, называющие ситуации. Называние ситуации кодирует не только действие, но и его участников: *смрт* ‘смерть’ – ситуация, когда X умирает; *убијство* ‘убийство’ – ситуация, когда X убивает Y-а и т.д. Любое из таких существительных, а также глагольные существительные можно развернуть в предложение, где действие, субъект и/или объект выражены эксплицитно.

Возможно несколько вариантов субъектно-объектных отношений. Первый из них – субъектные отношения. В этом случае первое существительное называет

действие или состояние, а второе – субъект этого действия или состояния: 74) *Порастом на БДП* (Рост ВВП) [6].

Второй вариант – объектные отношения – встречается чаще других объектно-субъектных отношений: 75) *За реализација на оваа обврска* (Для реализации этой обязанности) [6].

Надо отметить, что в случае с глагольными существительными возможно несколько вариантов построения синтагмы. Это связано с двойной природой глагольных существительных: с одной стороны, они обладают признаками существительного, а с другой – являются глагольными формами. Именно этим объясняется способность глагольных существительных управлять прямым дополнением без предлога. Правило употребления предлога *на* в подобных синтагмах звучит следующим образом: «глагольное существительное может управлять прямым дополнением без предлога, как любая глагольная форма, а также и с предлогом *на*, как существительное, если это прямое дополнение выражено существительным в определенной форме» [10. С. 225]. В большинстве случаев это правило соблюдается, однако собранный нами материал показал, что неопределенное существительное, обозначающее объект действия, может присоединяться к глагольному существительному как при помощи предлога *на* (77), так и без него (76): 76) *Наш најголем влог за добивање покана за членство во НАТО* (Наш наибольший вклад для получения приглашения вступить в НАТО) [6]; 77) *Форумот на ЕАПС денеска ќе биде искористен и за одржување на состанок на Партнерската комисија* (Форум ЭАПС сегодня будет использован для проведения заседания Партнерской комиссии) [6].

Вариант, когда упоминаются и субъект, и объект действия, возможен только в том случае, когда название субъекта связано с его деятельностью: 78) *За кого велат дека бил главен организатор на целокупната мрежа на илегална државна трговија* (О нем говорят, что он якобы был главным организатором всей сети нелегальной торговли в государстве) [6]; 79) *Носителот на задачата и кутијата прво се упатуваше дома* (Ответственный за задание и пачку [сигарет] сначала направлялся домой) [3].

Интересно, что в русском языке к посессивным отношениям А.Е. Кибрик и соавторы также относят бенефактивные отношения, например *подарки именинника и льготы пенсионеров* [14. С. 26]. Ранее мы анализировали бенефактивные отношения (33), (34), выражаемые *на*-конструкцией при глаголе. Логично, что тот же тип отношений выражается предлогом *на* в именных синтагмах: 80) *Доброволна акција за помагаше на бугарската дрвна индустрија* (Добровольная акция для помощи болгарской лесной промышленности) [3].

Рассмотренные нами значения предлога *на* относятся к грамматическим. Иногда связь с пространственными значениями еще ощущается (например, при выражении адресата конструкцией с предлогом *на*), а в некоторых случаях она полностью исчезла (например, значение посессивности). Основой для выражения значений датива и посессивности одним показателем, по мнению многих исследователей [2; 16], стали конструкции типа *му го зеле коњот Стојану* (у Стояна забрали коня), т.е. конструкции с внешним посессором. Замена датива, выражавшего значения адресата, бенефактива, стимула, экспериенцера и некоторые другие, *на*-конструкцией произошла благодаря лексическому значению общего направления движения, присущему предлогу *на*. Б. Хайне описывает следующую схему, часто встречающуюся в процессе грамматикализации: *локатив > аллатив > бенефактив > датив > посессив* [13]. С большой долей уверенности можно утверждать, что развитие значения посессивности у предлога *на* шло по этой схеме.

Значения предлога *на* следует считать континуумом, лежащим на границе между лексикой и грамматикой. Эта граница не является жесткой. Значения посессив-

ности, адресата, бенефактива и другие, рассмотренные нами, являются грамматическими, и, как нам удалось показать, сохраняют связь с пространственными значениями предлога *на*, которые мы относим к лексическим.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Языкознание. Большой энциклопедический словарь. 2-е изд. М., 1998.
2. *Конески Б.* Историја на македонскиот јазик. Скопје, 1986.
3. *Солев Д.* Зима на слободата. Скопје, 1987.
4. *Владова Ј.* Девојчето со две имиња. Скопје, 2002.
5. *Андреевски П.М.* Пиреј. Скопје, 1980.
6. Утрински весник. 2007. № 2420, 2423, 2424, 2427.
7. *Langacker R.* Foundations of Cognitive Grammar. Stanford, 1991. Vol. I: Theoretical Prerequisites.
8. *Ганенкова Т.* Просторни и временски значења на предлогот *на* во современиот македонски јазик // Пети научен собир на млади македонисти. Скопје, 2008.
9. *Селиверстова О.Н.* Семантичка структура предлога *на* // Исследования по семантике предлогов. Сб. статей. М., 2000.
10. *Усикова Р.П.* Грамматика македонского литературного языка. М., 2003.
11. *Кибрик А.Е.* Константы и переменные языка. СПб., 2003.
12. *Seiler H.* Possession as an Operational Dimension in Language. Tübingen, 1983.
13. *Heine B.* Possession: Cognitive sources, forces and grammaticalization. Cambridge, 1997.
14. *Кибрик А.Е., Брыкина М.М., Леонтьев А.П., Хитров А.Н.* Русские посесивные конструкции в свете корпусно-статистического исследования // Вопросы языкознания. 2006. № 1.
15. *Митковска Л.* Изразување посесивност на ниво на именската синтаagma во македонскиот и во англискиот јазик. Докторска дисертација. Скопје, 2005.
16. *Минчева А.* Развој на дателни притежателен падеж во българскиот јазик. София, 1964.

С.Н. БУКАСОВА-БОГОСЛОВОВА. Руската следа във Варна. Варна, 2009. 126 с.

С.Н. БУКАСОВА-БОГОСЛОВОВА. Русский след в Варне.

О русской эмиграции писали и пишут по долгу службы и по долгу памяти те, у кого есть время и те, у кого есть мысли. Много разных свидетельств о себе, о других, о времени, о прошедшем, и о том, что проросло и живет в поколениях русских людей, в культуре чужих стран, ставших своими.

Вся книга построена на биографиях русских людей, нашедших пристанище в Варне. Включение в авторский текст рассказов современников тех лет позволяет ярче представить себе тогдашнее время, войти в него. Так, на одном дыхании, прочитываются живые воспоминания Антона Макарьевича Прудкина о своем брате Якове, служившего и в македонско-одринском ополчении и воевавшего у Петлюры. Да и сама фигура автора воспоминаний легендарна – революционер, террорист, агент русской и советской спецслужб, софийский градоначальник.

Именно через домашние предания автор рассказывает о времени, трудностях, учебе, работе русского люда, их семьях. Многочисленные фотографии, в том числе из традиционных альбомов, органически дополняют текст, позволяя увидеть русское время, героев рассказов, их семьи и многое другое.

Большое внимание автором уделено духовности, культуре и образованию. Читатель может узнать о русском храме св. Афанасия, об о. Иоанне Слюнине и приходе, действовавшем с благословения Патриарха Тихона, и о многом другом, связанном с церквями и ее служителями, с историей монастырей. Много строк Софья Николаевна написала о русских или смешанных учебных заведени-

ях, в частности об англо-русской гимназии, ее преподавателях, учениках, их судьбах. Очерчена история художника и педагога Ивана Терентьевича Лазаренко и других мастеров кисти – маринистов Григория Лебского, Виктора Заднепровского. На страницах книги мелькают имена русских людей, трудившихся в различных сферах на варненской земле. Не обойдена и «история с биографией» отца Софьи Николаевны – Николая Владимировича Букасова, отказавшегося в годы Второй мировой войны идти воевать против СССР и поплатившегося за свой поступок заключением в лагерь. Безыскусным повествованием о своей семье автор вводит читателя в мир знакомых и приятелей-болгар своего отца. Все это написано ненавязчиво и скромно. На этих и других страницах книги чувствуется та искренняя связь русских и болгар, о которой написаны уже горы книг. Разумеется, не обойдены вниманием автора и русские культурные институты, действовавшие в Варне, прежде всего традиционный клуб. Очерчены биографии русских, работавших в образовании, медицине, промышленности, строительстве, оставивших свой след в истории Варны.

Подчеркну еще раз, что украшением книги служат многочисленные, в своем большинстве уникальные, фотографии, которые помогают увидеть само русское время на болгарской земле. И хочется поблагодарить Софью Николаевну за ее чудесную книгу и надеяться, что найдутся меценаты, которые выделят средства для ее перевода на русский язык.

И. СТОЯНОВ. ТЦБК. Идеи и проекты. Велико Тырново, 2010. 227 с.

И. СТОЯНОВ. ТЦБК. Идеи и проекты.

Историю, перефразируя Н.В. Гоголя, можно сравнить с путаницей дорог, расползающихся как раки. Все взаимосвязано и все наособицу. Типичный пример – болгарская история, в которой бомба, револьвер и крест соседствовали с теоретическими изысканиями, с надеждами на мирное болгаро-турецкое общежитие, построенное на реформах, в конечном итоге, на построение болгаро-турецкого царства.

И здесь, пожалуй, по-прежнему, один из самых таинственных периодов, – Болгарское возрождение. Теснейшим образом связанное с Великой Французской революцией, идеи которой пронизали все последующее время и народы Европы, с Османской империей и единой Россией, Болгарское возрождение неоднократно было, есть и будет предметом многочисленных изысканий историков разных стран, ориентаций, убеждений.

В их ряд встала книга авторитетного исследователя болгарской истории XIX в. проф. Великотырновского университета Ивана Стоянова, посвятившего труд теме, давно обращающей на себя внимание ученых. Построенное в основном на опубликованных материалах, с активным привлечением трудов болгарских и русских ученых, славянофилов, мемуаристов, исследование привлекает основательностью в освещении не только «идей и проектов», но и самого давно ушедшего времени с его «проектами», добавляя новые краски в «портрет» революционной по сути эпохи.

Структура труда выстроена традиционно: уставные документы Тайного центрального болгарского комитета (ТЦБК), мемуары Абдус-Азису и строительство болгарского государства, внешнеполитическая ориентация ТЦБК и его воззрения на политическое устройство будущего страны.

Все три главы соединяет не только общая проблематика исследуемого времени, но и тайны, недоговоренности, противоречия, несбывшиеся проекты, которые стремится раскрыть, проанализировать автор труда, предлагая свой подход, свое видение решения задач.

В первой главе – это некоторые вопросы, связанные с установлением авторства уставных документов ТЦБК, с анализом интереснейшего проекта «Акта священной коалиции между румынами и болгарами», позволяющего представить политические направления, средства, методы подготовки восстания, сходство и различия с уставом ТЦБК. Причем автором подчеркивается, что «почти с уверенностью можно сказать, что “устав” ТЦБК следует “Акту”», т.е. подчеркивается его вторичный характер (с. 43).

Безусловно, идея освобождения была близка каждому или почти каждому болгарину, но в то же время было бы преждевременным говорить о некоей «консолидированности болгарской нации» (с. 25), имея в виду, прежде всего ту же «македонскую» проблематику. Да и сама эта фраза, несмотря на всю «гладкость», весьма дискуссионна.

И, конечно, тайна здесь присутствует не только в «загадках», но и в оформлении ТЦБК как тайной организации. Ее церемонии, связанные с принятием обязательной клятвы, традиционной для каждой нелегальной организации, с такими атрибутами, как человеческий череп, скрещенные револьверы и сабли, стол, покрытый черным сукном, полное время (с. 43) – все это говорило одновременно о древности таких обычаев и о «детскости», романтизме ее участников, считавших, что «каждый болгарин, который является патриотом и честным человеком, может стать членом комитета» (с. 50).

Безусловно, интересен и конкретный анализ самих положений устава ТЦБК, нацеленного в идеале на восстановление независимого Болгарского царства, но в практике тогдашнего времени – на создание своего государства, входящего в орбиту Османской империи, точнее, зависимость от нее. О подобных идеях/проектах свидетельствовал в свое время и тогдашний дипломат на Балканах Константин Леонтьев.

В работе «Панславизм и греки» есть такие строки: «В одном печальном и грязном хану, в глухом болгарском городке, посетил меня один скромный, но порядочный учитель.

– Нам славянам, прежде всего, надо опасаться Австрии, – сказал он. – Греки теперь нам уже не страшны. Но немец, своею высшею цивилизацией, – цивилизацией христианскою, во всяком случае, – может гораздо глубже вредить нам *духом*, чем турок. От турок религия отделяет нас глубоко: турки могут вредить нам *вещественно*, но что делать! Надо терпеть некоторые неудобства для высшей цели [...] Без турок в настоящее время и надолго, мы слабее всех на свете, вместе с турками мы сильнее и греков, и сербов, ибо нас больше, ибо мы все вместе – райя [...] У нас нет независимых центров вроде Цетинья, Афин и Белграда, из которых при случае, может грозить туркам война; у нас нет *династий* своих, нам *ничего* присоединять к независимому центру; у нас нет ни Крита, ни Боснии, ни Эпира, ни Фессалии, ни Герцеговины. Мы все вместе – райя. Да здравствует же Абд-Ул-Азис, хан, султан наш и *царь болгарский!*

– Что делать, мы свыклись с турками, – сказал мне, смеясь, третий болгарин. – Как-нибудь проживем. Этнография же говорит, что мы отчасти одной породы с ними. И славянские ученые этого не могут вполне отрицать» (*Леонтьев К.Н. Собр. соч. В 9 т. Т. 5. М., 1912. С. 33–34.*)

Можно сказать, что, практически, ТЦБК отражал в определенной степени и общую настроенность болгарской интеллигенции.

Но, мне представляется весьма наивным верить процитированным «излияниям»: о болгарях можно сказать, что они одно думают, другое делают, о третьем мечтают. Именно в рамках этой триады и действовал ТБЦК, подобравший для своей страны форму монархии. И может быть, здесь автору следовало больше уделить внимания этой идее типичного для Балкан традиционного государственного устройства, возникающего на различных этапах созревания народов.

Был еще третий вариант достижения задуманного: конфедерация с соседними народами. Он был поставлен на последнее место по вполне понятным причинам, о которых здесь можно не распространяться.

Не была обойдена вниманием и тема заимствования, вернее, влияния европейской революционной практики. Автором она освещена в самых общих чертах, но все же дающих представление об этом многогранном феномене, меняющем облик Европы.

Возможно, болгарский «мемуар» к султану об автономии мог бы положить начало новым болгаро-турецким отношениям, но время еще не созрело для этого. И здесь я бы хотел отметить, что о балканском времени середины XIX в. следует писать

с большой осторожностью, и фраза о том, что подъем балканского национально-освободительного движения нужно объяснять «полным превосходством покоренных народностей над властвующими османами – и в экономическом, и в культурном, и в политическом отношении» (с. 73) мне представляется спорной уже по причине разнородности статусов самих балканских стран по отношению к самой Порте.

Теперь о «мемуаре»: он известен в разной степени всем, кто когда-либо занимался Болгарским возрождением. Проведенный автором тщательный разбор создания и содержания этого исторического документа с его вариантами: один, собственно, «мемуар», адресован к султану, другой, так называемый проект мемуара, к болгарскому народу, – позволил прирастить историческое знание в сфере создания Болгарской конституции, первым проектом которой и стал знаменитый «мемуар».

Более того, этот «предмет» «для матери истории ценен» тем, что имеет выход на многие сюжеты из эпохи Болгарского возрождения. Здесь и лица, и судьбы, и само время, и свои «тайны», которые стремится объяснить автор.

Прежде всего, это относится к постановке в проекте мемуара П. Кисимова на первое место церковного вопроса, например, выбора Патриарха и членом Синода Народным собранием (с. 79). С интересом читаются и строки, связанные с будущим устройством Болгарского царства, во главе которого должен был стоять «царский наместник». По Кисимову, он должен был быть «единородцем», но в окончательном варианте «болгарин» превратился в «христианина».

Известный, но не теряющей своей значимости, сопоставительный анализ позволил автору, представить картину взглядов Кисимова и его «сотоварищей» из ТЦБК, занимавших более умеренные позиции по ряду вопросов, я бы сказал, приближенные к тогдашним реалиям. Одно только здесь замечание: есть деятель Кисимов и есть «безымянный» ТЦБК, членом которого он был. Это, конечно, интересное сопоставление индивидуального и коллективного, но все же когда «безымянное» обретает лицо, то сам сюжет заиграл бы дополнительными красками.

Представленные в книге тексты проекта «мемуара» и собственно «мемуара» дают возможность читателю ознакомиться полностью с этими историческими документами.

В сопоставительном ключе с «мемуаром» выдержан и разбор прошения (декабрь

1868 г.) болгарских «нотаблей» к Парижской конференции по Критскому вопросу. В этом документе так называемые старые ставили вопрос о предоставлении автономии болгарам в пределах Османского царства.

Происхождение, освещение и анализ этого документа, о котором его составители не посчитали нужным информировать даже соотечественников, позволяет гораздо глубже «забраться» в хитросплетения феномена дуализма на болгарской сцене политической мысли и его выходе на международную арену.

В авторских строках о различиях и сходстве в подходах к решению болгарского вопроса между «неумеренными» (ТЦБК) и «умеренными» («старыми» или «нотаблями») можно увидеть и органическое «деление мысли» (вылившегося потом в создание партий), присутствующее в каждом развивающемся сообществе, независимо от цветов флага государства, и само время, диктующее свои условия, равно как и состояние болгарских умов.

В исследовании болгарской политической мысли профессор Иван Стоянов идет гораздо дальше, нежели можно было бы предположить, исходя из названия книги. Включение в текст статей Тырновской конституции, вернее, сопоставления ее с «мемуаром», логически оправдано, позволяет увидеть сам процесс развития политической мысли, направленной на восстановление болгарской государственности, страны, история которой самым теснейшим образом связанная с Востоком, начинает новый путь на Запад.

Именно с этой интереснейшей и провокационной «тайной» связана и заключительная глава книги. Как подчеркивает сам автор, по этому сюжету нет единства мнений исследователей: есть сторонники западной ориентации ТЦБК, «московской», даже «неопределенной». И я согласен с мнением И. Стоянова, что сами термины «русофобский» или «русофильский» больше имеют политическую окраску, нежели научное содержание.

И, конечно, следует согласиться с мнением П. Кисимова, утверждавшего, что каковы бы ни были причины русско-турецких войн в первой половине XIX в., каковы бы ни были ее потаенные планы, но последствия этих войн нельзя не признать полезными для христианских народов Османской империи (с. 159). Только одно маленькое замечание, относящееся к более позднему времени: Освободительная война

1877–1878 гг. при всей провокационности ее результатов все же сыграла свою роль в процессе разрушения Османской империи и высвобождения болгарской земли.

В целом, исследуя документы – адреса ТЦБК на имя Александра II, Наполеона III, Вильгельма I – автор приходит к мнению, что руководство тайного комитета «надеется на реальную помощь единственно от России» (с. 163). На последующих страницах эта позиция подтверждается на основе привлечения ряда источников, в частности, статей в газете «Народность», органе ТЦБК.

С интересом читаются и строки о таких русских общественно-политических деятелях, как Иван Аксаков, знакомого с деятельностью тайного комитета и с известной в Европе брошюрой П. Кисимова «Болгария перед Европой». В газете «Москва», пишет автор, Аксаков выступил против идеи Сербии о возможности разрешить Восточный вопрос через Тройственный союз – Сербии, Румынии, Греции. То есть без участия Болгарии, народ которой был «забыт» (с. 164).

Несколько отвлекаясь от заданной темы, скажу, что все это лишь цементировало, мягко говоря, далеко не братские чувства между двумя соседними православными народами.

Завершающие страницы исследования посвящены феномену дуализма, представленному в официальных документах и материалах тайного комитета и его членов. Автор подчеркивает, что эта идея была воспринята различными «социальными и политическими группировками, что показывает ее значимость в болгарской политической жизни во второй половине XIX века» (с. 182).

И захлопнув последнюю страницу талантливому труду моего болгарского коллеги, могу сказать, что книга не только посвящена прошлому с его тайнами и тайному комитету, но и настоящему, а в определенной мере связана с будущим, учитывая, что идеи никогда не умирают, а лишь трансформируются. Об этом свидетельствует и нынешняя ситуация в Европе. Подсказывать, надеюсь, не надо.

Ценность каждой книги определяется прежде всего тем, насколько она заставляет думать ее читателя. Труд моего коллеги может быть с полным правом отнесен именно к тем, которые ведут к размышлениям, полезным и состоявшимся ученым, и студентам.

© 2012 г. В.И. Косик

B. FERENČUHOVÁ. Francúzsko a slovenská otázka 1789–1989. Bratislava, 2008. 490 s.

Б. ФЕРЕНЧУХОВА. Франция и словацкий вопрос 1789–1989.

Книга заведующей отделом новейшей истории Института истории Словацкой академии наук Богумилы Ференчуховой является итогом многолетних исследований истории франко-чехословацких и франко-словацких отношений. Она включает статьи, очерки, выступления на научных конференциях, большинство из которых были специально дополнены и переработаны для настоящего издания.

Рецензируемая книга является ярким свидетельством словацко-французского научного сотрудничества. Начиная со студенческих лет Б. Ференчухова неоднократно стажировалась в Париже, много работала во французских архивах и библиотеках. Отдельные разделы настоящей книги первоначально были написаны в рамках международных исследовательских программ.

Значительная часть книги написана на основе документов Словацкого национального архива, Архива Министерства иностранных дел Франции, архивов Чешской Республики: Национального архива, Архива Института Т.Г. Масарика, Архива Министерства иностранных дел, Военного исторического архива, Архива Академии наук.

Исследовательский диапазон автора чрезвычайно широк – от Великой Французской революции конца XVIII в. до «бархатной» революции в Чехословакии и провозглашения Словацкой Республики в конце XX в.

Б. Ференчухова отмечает, что Французская революция получила широкий отклик в Словакии, проявившийся в критике феодальной системы, господствовавшей в Австрийской империи, в требованиях предоставления демократических свобод, уравнивания в правах словаков с венграми и немцами, создания на федеративных началах Венгерской республики. Французская революция явилась мощным импульсом для развития словацкого языка и литературы. В книге созданы яркие образы венгерских якобинцев и словацких просветителей.

Несколько глав посвящены изучению во Франции в XIX – начале XX в. националь-

ных проблем в империи Габсбургов, истории Чехии и Словакии. Автор подчеркивает, что французские слависты уделяли большое внимание словацкому вопросу. В частности, профессор Сорбонны Э. Дени указывал на общеевропейское значение словацкого вопроса, поскольку «исчезновение словацкой нации вследствие усиливавшейся мадьяризации, означало бы смертельную опасность и для чешской нации, которая оказалась бы во враждебном окружении» (с. 125).

Большой интерес представляет глава, в которой межнациональные отношения в Венгрии, в том числе и словацкий вопрос, анализируются на основе донесений французского консульства в Будапеште в 1896–1914 гг.

Одной из центральных проблем исследования Б. Ференчуховой является взаимодействие чехословацкого движения сопротивления с французскими политиками, учеными и журналистами в годы Первой мировой войны. При их поддержке Т.Г. Масарик, М.Р. Штефаник и Э. Бенеш смогли развернуть активную дипломатическую и пропагандистскую деятельность за создание чехословацкого государства, начать формирование чехословацких вооруженных сил, которые стали союзниками Антанты. Особое внимание автор уделяет словацким участникам заграничного сопротивления М.Р. Штефанику и Ш. Осускому, их вкладу в развитие чехословацко-французских отношений. Б. Ференчухова подчеркивает, что именно Штефаник был первым среди чехословацких политических деятелей выдвинувших во время Первой мировой войны идею тесного сотрудничества будущего чехословацкого государства с другими государствами Центральной Европы, его объединения вместе с Румынией и Югославией (ее также предстояло еще создать) в единый блок, который опирался бы на союз с Антантой и служил барьером между Германией и ее тогдашними союзниками – Венгрией, Болгарией и Турцией (с. 144, 199–201).

Б. Ференчухова указывает на разногласия Штефаника с Масариком и Бенешем в

вопросах организации чехословацкого государства (форма правления, состав правительства, отношения церкви и государства) и его внешнеполитической ориентации. Предложения Штефаника о франко-итало-чехословацком союзе как гаранте мира в Центральной Европе были заблокированы Бенешем при активной поддержке французской дипломатии, стремившейся оттеснить Рим от участия в центральноевропейских делах (с. 157–158).

Ценным дополнением к портрету Штефаника являются воспоминания французской журналистки Л. Вейсс, ее письма Штефанику (в рецензируемой книге опубликовано 14 писем), а также очерк истории мемориального комплекса на вершине Брэдло как символа чехо-словацко-французской дружбы, и его значения в исторической памяти словаков.

С новаторских позиций Б. Ференчухова подходит к исследованию переговорного процесса о границах Чехословакии на Парижской мирной конференции в 1919 г. Во-первых, по сравнению с предшествующими работами автор уделяет большое внимание установлению границы с Венгрией. Во-вторых, в рецензируемой книге подробно рассмотрена деятельность Исследовательского комитета (Comité d'Etudes), созданного по распоряжению президента Франции Р. Пуанкаре во время Первой мировой войны. В состав комитета входили крупные французские ученые, перед которыми была поставлена задача разработки планов послевоенного мирного урегулирования. Немаловажное место в этих планах занимали вопросы территориального устройства стран Центральной Европы, в том числе и Чехословакии. Б. Ференчухова доказывает, что рекомендации экспертов основывались на критическом анализе большого массива документов и делегаты мирной конференции были информированы о проблемах Центральной Европы гораздо лучше, чем обычно принято считать (с. 204–207, 219).

В главе о деятельности итальянской и французской военных миссий в Словакии показано, как Рим и Париж использовали их для распространения своего влияния на ЧСР, как во время чехословацко-венгерского конфликта 1918–1919 годов на первое место выдвинулась французская миссия, а итальянская была вынуждена оставить Словакию, результатом чего явилось охлаждение в отношениях Италии с Чехословакией во время Парижской мирной конференции,

а впоследствии провенгерская политика Рима (с. 232).

Большое внимание в книге уделено созданию и деятельности Малой Антанты, ее роли в обеспечении безопасности Словакии. «Малая Антанта препятствовала возвращению Словакии в состав Венгрии и укрепляла международные позиции Чехословакии в целом», – подчеркивает автор (с. 280). Особый акцент сделан на усилиях Франции по укреплению военного сотрудничества с государствами Малой Антанты. На основе архивных документов Б. Ференчухова детально исследовала ход переговоров о военном сотрудничестве Франции и ЧСР, о подготовке договора о союзе и дружбе, который был подписан Бенешем и Пуанкаре 25 января 1924 г.

В работе показано отношение Малой Антанты к паневропейскому движению, плану Бриана об европейском федеративном союзе, плану Тардые об экономическом сотрудничестве стран Центральной Европы. Значительное внимание уделено международной деятельности ЧСР в связи с попытками французского министра иностранных дел Л. Барту создать Восточный пакт.

В одной из глав проанализированы планы интеграции Центральной Европы, с которыми в 1920-х годах выступил известный словацкий политик М. Годжа. Б. Ференчухова отмечает, что с момента образования Малой Антанты он рассматривал ее как «ядро новой международно-правовой системы» (с. 322). Годжа настаивал на более тесном экономическом сотрудничестве стран Малой Антанты, к которому предлагал также привлечь Венгрию, Австрию, Польшу и Болгарию (с. 322–330). После подписания Локарнских соглашений он выступал за создание широкого объединения центральноевропейских государств, которое стало бы равноправным партнером великих держав и не зависело от Запада (с. 325).

Б. Ференчуховой впервые исследованы такие проблемы, как формирование общественного мнения в Словакии в период борьбы за создание чехословацкого государства, реакция общественности ЧСР на развитие паневропейского движения и план Бриана, роль стереотипов (прежде всего, образов Франции и России/СССР) в процессе формирования и осуществления внешнеполитического курса Чехословакии в 1920–1930-е годы. В очерке о председателе Чехословацкого Красного

Креста Алисе Масарик (дочери президента ЧСР) и известной французской журналистке Луизе Вейсс показан их вклад в развитие чехословацко-французских отношений.

Большое внимание в книге уделено франко-словацким культурным связям, сотрудничеству французских славистов и представителей чешского и словацкого национальных движений, переводческой деятельности Ю. Славика-Нересницкого, благодаря которому словацкие читатели смогли познакомиться с шедеврами французской литературы. Б. Ференчухова подчеркивает, что правительство ЧСР было заинтересовано в развитии культурных связей с Францией, выделяло стипендии для чешских и словацких студентов, обучавшихся в Париже. В работе отмечается французское влияние на творчество словацких поэтов и

писателей (Я. Лайчяка, Я. Алексы, Э.Б. Лукача, И. Хорвата и др.)

Заключительная глава книги Б. Ференчуховой посвящена франко-словацким отношениям после Второй мировой войны. Особое внимание уделено сотрудничеству после «бархатной» революции и провозглашения Словацкой Республики, деятельности Общества друзей Франции и французского языка, Французского института в Братиславе.

Книга Б. Ференчуховой охватывает чрезвычайно широкий и разнообразный круг тем и проблем, которыми наполнена 200-летняя история отношений французов и словаков. Она вносит существенный вклад в исследование истории Словакии и международных отношений в Центральной Европе.

© 2012 г. *Н.Н. Станков*

Славяноведение, № 1

S.P. RAMET. Tri Jugoslavije. Izgradnja države i izazov legitimacije. 1918–2005. Zagreb, 2009. 812 s. (пер. с англ.)

С.П. РАМЕТ. Три Югославии. Строительство государства и вызовы легитимации. 1918–2005.

Сабрина Петра Рамет, профессор политологии Норвежского университета науки и технологий в Тронхейме, англичанка по происхождению и американка по гражданству (она получила образование и долго работала в США) выпустила в свет новый большой труд. Как видно из названия, книга посвящена трем «реинкарнациям» Югославии – королевской, титовской и милошевичевской. Хронологические рамки исследования – 1918–2005 гг. – охватывают период с момента возникновения единого государства югославын до его окончательного распада. В 1918 г., как известно, возникло Королевство сербов, хорватов и словенцев, а в 2003 г. перестала существовать сербско-черногорская Союзная Республика Югославия. Взамен появилось государственное сообщество Сербия и Черногория, которое в свою очередь распалось в 2006 г. Через два года о своей независимости от Сербии объявило и албанское руководство Косова.

Как поясняет сама Рамет, первоначально был замысел по подготовке третьего издания ее книги «Национализм и федерализм в Югославии» (Индиана, 1984 и 1992). Однако в результате получилось во многом совсем новое произведение. Оно подводит итог многолетних размышлений автора, почему югославам не удалось ни во времена Королевства Югославии (1929–1941), ни во времена Социалистической Федеративной Республики Югославии (1946–1991) создать прочное государство. Причем опыт Великобритании, Испании, Швейцарии, Канады и других мультиэтнических и мультикультурных образований свидетельствует, что причину следует искать не только и не столько в этническом разнообразии (s. 11). Кроме того, автор подчеркивает, что она писала «тематическую историю». От обычной истории она отличается тем, что берутся только те события, которые важны для раскрытия той или иной темы. А темой книги, по словам Рамет, является политиче-

ская легитимация, политическое развитие и национализм (s. 43).

Книга состоит из Введения и 20 глав (последняя глава является одновременно Заключением). Первая глава – теоретико-политологическая, затрагивающая вопросы легитимности, и тем, кого интересует конкретная история Югославии, Рамет предлагает ее «перескочить», тем более что содержащиеся в ней идеи присутствуют в последующих главах. Две главы относятся к межвоенной истории – до и после «провозглашения королевской диктатуры». Семь глав посвящены периоду социализма, из них две последние повествуют о распаде системы и приближении войны. «Война за югославское наследство» (как называет автор хорватскую и боснийскую войны) занимает две главы, которые относятся к 1991 г. и 1992–1995 гг. По одной главе посвящены послевоенной Боснии и Герцеговине; «третьей Югославии» (1992–2005); Косову после натовских бомбардировок Югославии и, наконец, Словении, Македонии, Хорватии после 1990 г. Причем, надо сказать, что разные этапы истории Югославии освещены в книге явно неравномерно. Так, периоду от создания общего государства и до окончания Второй мировой войны отведено около 200 страниц из более чем 800. Еще примерно 200 страниц посвящено периоду до 1970–1980-х годов, и фактически остальные полкниги – сползанию страны в кризис и самому югославскому кризису. Это и понятно, поскольку Рамет является признанным специалистом именно по последнему периоду существования Югославии и ее распаду.

Уже во Введении С. Рамет знакомит читателя с краткой схемой функционирования единого государства югославын, которой она придерживается и в дальнейшем, на всех 800 страницах своего исследования. Это государство, по ее словам, возникло в неблагоприятное время, когда либеральным идеям просветительства противостояли две авторитарные идеологии – коммунизм и фашизм. Последняя, рассматривавшая демократическую культуру как декадентство, получила особое распространение в восточной части Центральной Европы (s. 39). При всем при этом Рамет не видит обреченности Югославии, в том числе и в силу объективных обстоятельств. Она, напротив, считает, что неуспех межвоенной Югославии был предопределен субъективным фактором – решениями, которые принимали конкретные личности и прежде

всего король Александр и бессменный лидер сербских радикалов Н. Пашич (s. 84–85, 736, 740).

Как и многие другие исследователи, Рамет ищет истоки общего югославянского государства в XIX в. – в «Начертании», написанном сербским политиком И. Гарашанином, и в хорватском иллиризме под предводительством Л. Гая. Причем «Начертание» трактуется как сон о «Великой Сербии» (s. 77), и в нем якобы было заявлено о присоединении Хорватии и Боснии и Герцеговины (s. 80). В то же время известно, что расширение Сербии на земли, входившие в состав Австрийской империи, включая Хорватию, в этой программе не предусматривалось. Нуждается в уточнении и сам термин «Великая Сербия», который со времен Австро-Венгрии превратился в жупел, бездумно транслирующийся, а иногда призванный скрыть истинные цели некоторых государств и деятелей.

По мнению Рамет, югославское государство не было легитимным, хорваты и словенцы во многом были вынуждены войти в него, опасаясь экспансии итальянцев на Адриатическом побережье. Это касается и всех других народов – боснийских мусульман, венгров, косовских албанцев, македонцев. И даже Черногория якобы насильно была включена в состав общего государства (s. 88–89). А сразу после объединения сербские Радикальная и Демократическая партии создали систему, которая дискриминировала несербское население, составлявшее более 60% (s. 39). Рамет подчеркивает, что режим плохо функционировал не из-за национального вопроса, наоборот – его плохое функционирование создало национальный вопрос (s. 119).

Много места уделяет автор подсчетам, сколько сербов было в межвоенный период на министерских постах, сколько времени они занимали эти посты (например, s. 78–79, 87). Однако за рамками ее внимания остается совершенно разное положение сербов и хорватов со словенцами перед объединением. Ведь одни были жертвами и одновременно победителями в разрушительной войне, другие – с помощью этого объединения переходили из стана проигравших войну в стан победителей, не только избегая тем самым всевозможных санкций, но и претендуя даже на преференции. И кстати, в середине книги Рамет критикует известный «Меморандум» Сербской академии наук и искусств за подобные подсчеты, показывавшие недостаточное представи-

тельство сербов в центральном партийном комитете и т.п. (s. 397).

Нельзя, разумеется, сказать, что в межвоенной Югославии не было сербского доминирования, но нельзя, на мой взгляд, акцентировать внимание только на этом: безгрешными не были не только сербы, но и их оппоненты, в том числе в Хорватии. Нежелание и неумение идти на компромиссы было взаимным. К слову, наиболее радикальной, зачастую даже оголтелой оппозицией, действовавшей по принципу «чем хуже, тем лучше», были наряду с коммунистами представители Хорватской народной крестьянской партии С. Радича.

Далее из повествования следует, что в 1929 г. король Александр провозгласил диктатуру, оказавшейся очень непопулярной. Особенно Рамет не нравится деление страны на бановины, названные в честь главных рек – Савская, Дринская, Дравская... Она полагает, что, «несмотря на то что утверждали сербские националисты в 1990-е годы, Словения, Хорватия, Босния и Герцеговина и даже, хотя и менее очевидно, Македония *имели* (курсив мой. – К.Н.) исторически установленные границы, которые уважали многие тамошние жители (s. 121). Утверждение, мягко говоря, спорное. Можно, в частности, заметить, что точно такими же «историческими» землями были, например, Далмация или Военная Граница, что никогда не существовало никакого общесербского менталитета, что вошедшая в Югославию так называемая Вардарская Македония, была только частью «исторической» Македонии, а ее население не обладало еще выраженным этническим самосознанием. Тем более, никаких исторических границ не было у албанцев Косова. Но главное, неизменных «исторических границ» просто не существует. Однако Рамет даже оспаривает сербскую принадлежность Воеводины, поскольку она «никогда не была частью какого-либо исторического сербского государства» (s. 398).

Некоторые хорваты, терпение которых, по словам Рамет, иссякло, покинули страну и основали усташское движение. Соглашение Цветковича–Мачека, которое гарантировало хорватам широкую автономию, было тем, о чем говорят «слишком мало и слишком поздно». Одновременно среди хорватов и сербов распространился фашизм – усташи А. Павелича и «Збор» Д. Лётича. Во время оккупации существовало Независимое государство Хорватия (НГХ) и действовали два движения Спро-

тивления – четники во главе с Д. Михайловичем (преимущественное сербское, быстро скатившееся к коллаборационизму) и партизаны под командованием Й.Б. Тито из представителей разных национальностей (s. 40).

Рамет предупреждает против отождествления хорватского фашистского государства А. Павелича с сербским «оккупационным режимом» М. Недича (s. 44). Это делает ей честь, поскольку такое иногда встречается даже в российской историографии. Исследователь подчеркивает, что «функционально НГХ не было эквивалентом сербского коллаборационистского государства, поскольку усташи пользовались гораздо большей автономией [...] Хорватия и Сербия не были одинаковы, и с моральной точки зрения [...] усташское движение было основано на расизме и нетерпимости, в то время как движущей силой режима Недича был инстинкт выживания [...] И хотя оккупированная Сербия с Миланом Недичем во главе правительства, конечно, творила зверства, усташские власти с лобой точки зрения были намного более жестокими [...] Политика, которую проводили усташи, была геноцидной и по замыслу, и по исполнению» (s. 160–161, 167).

Рамет пишет, что «Адольф Гитлер, когда он проводил границы оккупированной Сербии, руководствовался глубокой ненавистью по отношению к этой стране. Во всяком случае, усеченное сербское государство, установленное в апреле 1941 г., вернула Сербию с населением в 3 810 000 человек [...] к ее границам 1912 г.» (s. 179). Автор не смущает, что в результате одобряемой ею политики западных стран современная Республика Сербия с населением в два раза большим оказалась почти в тех же «гитлеровских» границах. Исключение составляют Воеводина, до сих пор остающаяся в составе Сербии, а также части юго-восточной Сербии и Санджака, находившиеся в годы войны под болгарской и итальянской оккупацией.

После войны коммунисты установили в стране однопартийный режим. Сначала Тито следовал сталинскому примеру, но воспротивился полному сталинскому контролю. Это привело к изгнанию Югославии из Коминформа, экономическому эмбарго и подготовке советского блока к интервенции, несостоявшейся в последний момент из-за возможного вмешательства в конфликт США (s. 40–41, 236–239, 261). После столкновения двух нелегитимных режимов

произошло превращение нелегитимного югославского режима в режим условно легитимный, который базировался на трех столпах: братстве и единстве, самоуправлении и неприсоединении (с. 243–244).

С 1962 г. в Югославии начались реформы по введению так называемого рыночного социализма, в 1963 г. принята новая конституция. Рамет полагает, что «заместитель Тито Александр Ранкович делал все возможное, чтобы обеспечить преобладание сербов в административных органах Хорватии, Боснии и Косова, хотя сербы в этих регионах составляли меньшинство, и противился реформаторскому курсу». Однако Тито отправил Ранковича в отставку и продолжил движение по пути, сходному с «социализмом с человеческим лицом» А. Дубчека. Югославская экономика была на подъеме. Партийные руководители Сербии Л. Перович и М. Никезич отвергли политику Ранковича и к другим югославским народам относились как к равноправным партнерам. В то же время в Хорватии популярные партийные руководители М. Трипало и С. Дабчевич-Кучар не смогли дистанцироваться от националистических течений. Тито сменил не только либеральное партийное руководство в Хорватии, но и в Словении, Македонии и Сербии. По мнению автора, смешение Л. Перович и М. Никезича было одной из фатальных ошибок Тито (с. 41–42).

Особенно подробно Рамет разбирает события в Хорватии. Она полагает, что хорваты чувствовали сербскую угрозу по четырем направлениям, которые определялись Белградом: просербские написанные учебники; сербизация хорватского языка; уменьшение численности хорватов в Хорватии и замещение их сербами; стимулирование далматинского локального патриотизма. И хотя она ставит под некоторое сомнение степень подобных угроз, все же солидаризируется с тем, что хорватская общественность в условиях сербизации испытывала потребность в обороне. Вследствие этого, по ее словам, в республике сложился союз либералов и националистов (с. 294). Затем «после чистки среди хорватских либералов и удушения Матицы хорватской католическая церковь осталась единственным защитником пострадавших хорватов, и эта ее роль немногим отличалась от той, какую играла церковь в Польше» (с. 385). Любопытно, что некая связь видится Рамет в награждении Тито в Москве Орденом Ленина сразу же после чистки партии от

хорватских либералов (с. 382).

О том, что испытывало сербское население Хорватии во время массового движения и роста хорватского национализма, автор не пишет. В то же время сербы всего через четверть века после страшной войны не могли, естественно, забыть всех ужасов правления усташей и также испытывали потребность в защите. Впрочем, Рамет признает, что сразу после войны и позже идея автономии никогда не покидала хорватских сербов, и эта идея вновь выдвинулась в 1971 г. во время Хорватской весны (с. 388).

В конце 1970-х годов новыми центрами национального напряжения в Югославии стали уже Босния и Герцеговина и Косово. Мусульманский вопрос и все более выраженные сепаратистские тенденции косовских албанцев до середины 1980-х годов были главными источниками националистического брожения в стране (с. 357).

В Югославии, считает Рамет, даже в высших кругах, существовал страх, что СССР может использовать смерть Тито как повод для нападения, однако его не произошло, и титовские наследники имели шанс спокойно провести трансформацию под знаменем коллективного руководства. Однако оно оказалось неспособным предотвратить распад системы, по крайней мере, по четырем причинам. Во-первых, без Тито Союз коммунистов Югославии (СКЮ) лишился главного арбитра. Во-вторых, влиятельные силы внутри СКЮ желали изменений (замаскированных под континуитет) с целью определенного послабления; однако изменения, которые происходили, вероятно, превосходили те, которые замыслили партийные «либералы». В-третьих, экономические проблемы, начавшиеся с 1979 г., привели к расколу между теми, кто выступал за централизацию, и теми, кто считал, что только децентрализация обеспечивает Югославии успешное функционирование. Наконец, в-четвертых, вспышки насилия в Косове, где в апреле 1981 г. недовольные албанцы жгли автомобили и нападали на сербов, привели к ответной националистической реакции в Сербии (с. 42).

До 1987 г. казалось, что Югославия, хоть и не лучшим образом, но будет двигаться дальше, неуверенными шагами продвигаясь к плюрализму. Однако пришедший в конце этого года к власти в Сербии Слободан Милошевич, по мнению Рамет, начал менять правила политической игры, обостряя тем самым до крайности уже существовавший в Югославии кризис (с. 421).

Программа Милошевича включала четыре последовательных пункта: 1) осуществление контроля над Сербией; 2) осуществление контроля над автономными краями и Черногорией; 3) изменение Конституции 1974 г.; 4) введение рыночной экономики и контролируемой демократизации партийной жизни (с. 425–445). В итоге, начиная с 1989 г., Сербия столкнулась со Словенией из-за разного толкования событий в Косове. В том же году «вдруг снова оживился хорватский национализм, и во многом, как представляется, его стимулировало агрессивное поведение сербов» (с. 453).

Свободные выборы в Словении и Хорватии весной 1990 г. привели в этих республиках к власти антикоммунистические правительства; в Боснии коммунистов заменила хрупкая коалиция трех этнических партий; в Македонии коммунисты вошли в коалицию с некоммунистическими партиями; в Сербии и Черногории коммунисты сохранили власть, провозгласив националистические программы. В Сербии это означало претензии на часть Хорватии и Боснии. В течение 1990 г. напряженность усиливалось, что в конечном итоге привело к четырехлетней войне (с. 42–43). Когда война все-таки разразилась, то она выглядела как «заранее подготовленное сербское восстание». Рамет считает, что хотя и Туджман сразу после избрания президентом не всегда проводил либеральную политику, а Изетбеговича коммунисты обвиняли в исламском фундаментализме, сербская демонизация Хорватии и хорватов и мусульман в Боснии и Герцеговине (БиГ) началась гораздо раньше (с. 467–468).

Известные упрощения можно найти и здесь: сербы – не были агрессорами, пришедшими извне, а веками жили в Хорватии и Боснии. В действительности, шел болезненный процесс переустройства пространства бывшей Югославии. И если сербы желали жить в одном государстве (в «Великой Сербии» – по терминологии Рамет и др.), то и хорваты желали реализовать «великохорватский» вариант расставания с югославским прошлым, и даже боснийские мусульмане А. Изетбеговича, настаивая на единой и унитарной Боснии, пытались осуществить «великомусульманский», охватывающий всю страну, вариант устройства своей общины.

В целом Рамет отвергает право сербов иметь свои государственные образования в Хорватии и Боснии. Так, говоря о хорватских сербах, она обосновывает это тем, что

они имели в Югославии свою республику и что «Белград одновременно отказал албанцам в каком-либо праве на автономию в Косове, не говоря уж об остальной Сербии» (с. 447–448). Даже, если принимать логику автора труда, то с ней все равно трудно согласиться. Во-первых, это не совсем точно – автономия косовских албанцев была Милошевичем урезана, но не упразднена; а во-вторых, у албанцев тоже было свое независимое албанское государство.

По мнению Рамет, в Боснии произошло столкновение идеологий: сербского националистического экспансионизма, хорватского националистического экспансионизма и непоследовательной мешанины исламских и светских принципов политики Изетбеговича (с. 512). Претензии к Туджману автором предьявляются главным образом в связи с его совместными с Милошевичем планами раздела Боснии и Герцеговины. Впрочем, нерушимость «исторических» или внутренних административных границ не всегда была «священной коровой» и для Изетбеговича. Так, в ноябре 1992 г. он выказывал готовность уступить восточную Герцеговину сербам в обмен на Санджак (с. 518).

Описывая войну в Боснии, Рамет скрупулезно приводит данные обо всех реальных, возможных или невозможных сербских преступлениях. В то же время огромная литература, повествующая о преступлениях против сербов, остается фактически вне ее поля зрения. Упомянем, например, свыше тысячи страниц подобных документов и свидетельств, собранных в два тома М. Тохолем («Црна књига. Патња Срба у Босни и Херцеговини. 1992–1995»). Цетиње, 2000. Св. I–II). Кстати, во время югославского кризиса все обвиняли друг друга в геноциде. Но нельзя забывать, что на этой территории в годы Второй мировой войны геноцид был развязан именно против сербов. Эти преступления замалчивались в титовское время, но отягощенная ими наследственность не могла не сказаться в 1990-е годы.

Совсем голословно, со ссылкой лишь на английскую воскресную газету «The Observer» звучит утверждение Рамет о том, что с начала 1993 г. российская армия и разведывательные службы начали тайно поставлять военную технику, включая самое современное ракетное оружие, в Сербию и районы Боснии и Герцеговины, находившиеся под контролем сербов. Более того, Россия «уже отправила свой технический персонал и военных, которые будут обслу-

живать технику, и некоторые из них уже прибыли на сербские позиции в Краину». В целом же «сербы договорились купить оружие на 360 млн долларов США, включая небольшие мобильные танки Т-55» (s. 541). Конечно, такие фантастические сюжеты не добавляют книге достоверности.

Правда, нельзя сказать, что это и «перекладывание с больной головы на здоровую». О том, что исламские и западные страны вопреки эмбарго вооружали и обучали хорватские и мусульманские (боснийские) силы, автор пишет достаточно подробно, но, разумеется, сочувственно (s. 548–550, 552–554). Она также полностью на стороне хорватских сил, уничтоживших Республику Сербская Краина, и НАТО, когда эта организация вмешалась в гражданскую войну, напав на боснийских сербов.

После войны Босния оказалась разделенной на два образования. Рамет рассуждает, что после Дейтона существовало два способа развития в этой стране демократии – по кемалистской или веймарской модели, т.е. вначале достижение определенного уровня либеральной политической культуры, а уже потом свободные выборы или наоборот (s. 575). Однако в действительности в дейтонской Боснии альтернатива другая – сохранится ли дуалистическая модель или страна придет к унитарному централизованному устройству, на чем не прекращают настаивать западные посредники. Для Республики Сербской до сих пор главным остается вопрос выживания, а все остальное решается уже потом.

В разразившемся вслед за хорватской и боснийской войнами косовском кризисе Рамет полностью солидаризируется с косовскими албанцами и вновь обвиняет во всем сербов. Много слов сказано о «шовинистической политике» Сербии в этом крае и ничего о том, что и сербам приходилось далеко несладко рядом со своими албанскими соседями. Описывая убийство 45 мирных граждан («которые тогда воспринимались как албанцы») в местечке Рачак, автор признает, что позже некоторые из них оказались сербами, а другие – членами Освободительной армии Косова. Тем не менее, ее не смущает, что именно этот эпизод стал поводом для полноценного вмешательства Запада в косовский конфликт. Причем на переговорах в замке Рамбуе «албанцы искренне желали найти решение», а члены югославской делегации «ночным пьянством и распеванием сербских песен мешали

спать остальным переговорщикам, размещенным в этом замке». Глава же сербской делегации, президент Сербии М. Милутинович доверительно сообщил влиятельному члену американской делегации, послу США в Македонии К. Хиллу, что Милошевич якобы «просит принять Югославию в НАТО, предлагая использование баз по коммерческой цене» (s. 632).

Милошевич представлен на страницах книги крайне негативно. Так, по словам Рамет, он в попытках не допустить выхода из СРЮ Черногории «предпринял ряд мер, которые, судя по всему, были подготовкой к пятой войне», на этот раз против этой страны (s. 636). Не жалуется Рамет и сменившего Милошевича одного из лидеров демократической оппозиции В. Коштуницу. Конечно, прежней демонизации уже нет, но указывается, например, на его якобы близкие отношения с подразделением спецслужб, так называемыми красными беретками, которых он «рассматривал как союзников в борьбе против Джинджича» (s. 648). Стоит ли напоминать, что именно «красные береты» организовали вскоре убийство сербского премьера.

Выход в свет книги С. Рамет, без сомнения, событие в мировой югославистике. По истории Югославии до сих пор почти нет коллективных монографий, не говоря уж об индивидуальных. (В качестве редкого примера упомянем: «Югославия в XX веке. Очерки политической истории. М. 2011). Надо отдать должное не только широкому познаниям, но и мужеству автора – такие работы в век дробной специализации пишутся не часто, всегда есть риск допустить частные ошибки, которые не простит узкий специалист. Естественно, что в своем исследовании автор опирается прежде всего на литературу западную и югославянскую (преимущественно – хорватскую), русскоязычные работы практически полностью отсутствуют.

Уже в начале исследования Рамет делает главный вывод: «Вину за окончательный распад Югославии должны делить те, кто больше других ответственен за установление коммунистического режима, те, кто в 80-е годы не принял мер для перевода страны на миролюбивый демократический путь, и те, кто сделал выбор в пользу войны». Последними, по ее мнению, были прежде всего лидеры Сербии – С. Милошевич, Б. Йович и другие в сотрудничестве с Р. Караджичем, В. Кадиевичем, М. Мартичем, М. Бабичем (s. 45). Таким образом, с самого начала Рамет направляет читателя

в определенное русло, придерживаясь в основном доминирующей в западной историографии схемы, согласно которой в бедах Югославии виноваты в основном сербы: они осуществляли диктат («этнический шовинизм») в межвоенной Югославии, противились в лице Ранковича демократическим реформам, а при распаде Югославии покушались на части других республик, что и привело в войну.

Конечно, известные упрощения неизбежны при схематическом изложении, тем не менее, стоит заметить, что режим личной власти короля Александра не был тождественен диктатуре; хорватские политики межвоенного периода С. Радич и В. Мачек вряд ли сегодня «могут служить вдохновением» для создания либеральной демократии» (s. 723); роль А. Ранковича как самостоятельного проводника специфических сербских идей в послевоенный период явно преувеличена; а в югославских войнах 1990-х годов не меньше Милошевича и современных ему сербских руководителей повинны и такие политические лидеры, как Ф. Туджман, А. Изетбегович, Х. Тачи и многие другие. К слову, югославские войны в конечном итоге были вызваны разделом без договоренностей, что прекрасно понимали и на что сознательно шли и желающие отделиться республики, и западные посредники. Да и цели у этих западных посредников были весьма далеки от альтруизма.

К слову, наивно выглядит объяснение, данное Рамет известному факту признания Германией и Австрией независимости Словении и Хорватии. Оказывается, сделали они это лишь под давлением своего населения, привыкшего к летнему отдыху на Адриатике и проникшегося хорватскими и словенскими чаяниями (s. 491).

В своей книге Рамет приводит много интересных данных, хотя некоторые из них требуют дополнительной проверки. В исследованиях по новейшей истории это неизбежно. Есть и фактические ошибки, которых в таком обобщающем исследовании также, наверное, невозможно избежать. К сожалению, С. Рамет, несомненно, специалист по истории Югославии, так и не смогла выйти за рамки доминирующей на Западе концепции, которая во многом складывалась усилиями неспециалистов и просто пропагандистов и которая во всех смертных грехах обвиняет сербов, иногда журит хорватов и безоговорочно признает невинными жертвами боснийско-мусульманское население.

Порой Рамет косвенно признает ущербность такого упрощения, замечая, что идеи межнациональной толерантности, прав отдельных личностей, равноправия и мультикультуры были одинаково чужды как Туджману и Шишаку, так и Милошевичу и Шешелю. И все же «война планировалась, подготавливалась и была начата для реализации националистической программы Великой Сербии. Роль Туджмана, которую нельзя игнорировать, заключалась в том, что он принял программу этнического национализма и пытался сотрудничать с Милошевичем в ущерб Боснии и Герцеговине, вместо того, чтобы присоединиться к боснийско-герцеговинскому руководству в защите существующих границ и права людей жить в своих домах. Но Туджман был избран прежде всего потому, что хорваты [...] поддержали его разновидность эклектичного национализма и в нем видели наилучшую защиту от Милошевича» (s. 477).

Не покидает ощущение, что, даже критикуя хорватов, С. Рамет на югославские события все равно смотрит хорватскими глазами. Впрочем, многие российские ученые смотрят на эти события глазами сербов. Рамет к тому же наиболее радикальные антисербские взгляды все-таки не разделяет. Исключение составляют главы, посвященные югославскому кризису. И если в Хорватии сербы – бунтовщики, то в Косове албанцы, разумеется, – борцы за свободу. Рамет даже не удержалась и написала, что работавшая одно время в Загребе научным экспертом при штабе миротворческих сил ООН американка Сюзан Вудворд за свою якобы просербскую позицию получила прозвище «госпожа Младич» (s. 543). Между тем С. Вудворд – автор известной книги «Балканская трагедия» (Washington, 1995; Beograd, 1997), одного из первых серьезных научных исследований по начальному этапу югославского кризиса. Этот конфликт видится ей как сочетание двух факторов: неспособности региональных элит поступиться своими частными интересами и вмешательством Запада, которому следовало делать это иначе и раньше, помогая экономическим реформам последнего премьер-министра Югославии А. Марковича. Причем никакой особой симпатии к сербам по сравнению с другими народами бывшей Югославии Вудворд не испытывает.

А.А. ТИМОФЕЕВ. Руси и други светски рат у Југославији: утицај СССР-а и руских емиграната на догађаје у Југославији 1941–1945. Београд, 2011.

А.Ю. ТИМОФЕЕВ. Русские и Вторая мировая война в Югославии: влияние СССР и русских эмигрантов на события в Югославии 1941–1945 гг.

Монография, принадлежащая перу белградского историка А.Ю. Тимофеева, венчает его десятилетние усилия, промежуточные результаты которых были опубликованы в 2009–2010 гг. («Русские в Сербии», Белград, 2009; «Русский фактор. Вторая мировая война в Югославии. 1941–1945». М., 2010; «Сербские союзники Гитлера». М., 2011). Тема работы, в том виде, в котором она сформулирована, изначально подразумевает ответственность автора за решение сложных исследовательских задач. Главная состоит в том, чтобы не только представить сербскому читателю ряд сюжетов из истории русской эмиграции, а также югославской и советской истории периода Второй мировой войны, но и проследить их логическую взаимосвязь, подтвердив, тем самым, обоснованность их изложения в рамках одного издания.

Первая глава – «Роль русской эмиграции в гражданской войне и оккупации Югославии», посвященная судьбе русской колонии в Югославии в 1941–1945 гг., начинается с общей характеристики ее облика и статуса накануне нападения Германии. Далее роль в драматических событиях четырехлетнего периода рассматривается через призму двойственного положения русской эмиграции, на участь которой – коллективную и персональную – помимо объективных факторов, влияла, с одной стороны, ее глубокая интегрированность в югославское (главным образом, сербское) общество, а с другой – взаимное отчуждение русских беженцев и югославян, неизбежное в условиях имевшего место всестороннего обострения общественных противоречий, т.е. гражданской войны на территории оккупированного государства.

Интересно то, как автор прослеживает постепенное ухудшение отношения правящих верхов и прочих слоев югославского общества к эмигрантам, ставшее заметным еще в 1930-е годы и во многом предопре-

деленное смертью прорусски настроенных короля Александра Карагеоргиевича и сербского патриарха Варнавы. Немаловажной причиной охлаждения к русским было и неодинаковое восприятие ими и населением страны геополитических изменений в Европе, начало которых пришлось на 1914 г., интермедия – на 1918 г., а кульминация – на 1939–1945 гг. В отличие от значительной части эмигрантов, югославяне, в первую очередь, сербы, были абсолютно удовлетворены границами, очерченными в Версале, и испытывали глубокую признательность и симпатию в отношении Англии и Франции (с. 31).

Дополнительным фактором, обусловившим вышеописанную тенденцию стало несовпадение идеологических ориентаций, правомонархически настроенных русских и «местных», среди которых приобретали популярность левые идеи. Полевение масс сказалось и на традиционном русофильстве сербов, объектом которого становились не прибывшие 20 лет назад беженцы, а «батюшка Сталин».

В условиях оккупации и раздела страны охарактеризованное выше отношение ее населения дополнительно влияло на положение русской колонии, превратившейся из «лояльного меньшинства в жертву Апрельской войны». При этом, на территории Югославии к такому можно было отнести далеко не всех. В этой связи автор подчеркивает общность русских и сербов, которые, в отличие от, например, хорватов, относились к тем народам, «чья государственность и само существование не соответствовали долгосрочным планам немецкой экспансии» (с. 12).

Дискриминация со стороны квислингской сербской администрации (с. 57), «партизанский и коммунистический террор» (с. 42), крайне затруднительное материальное положение предопределили, наряду с антисоветским настроением, общую лояль-

ность русских эмигрантов по отношению к третьему рейху, а также их «экстраординарную мобилизационную активность», проявившуюся в участии в «военных и полицейских антипартизанских формированиях в Югославии» (с. 46–65).

Помимо создания и боевого пути Русско-го охранного корпуса, полка «Варяг» и прочих единиц, подчиненных Вермахту и СС, А.Ю. Тимофеев описывает другие, не менее существенные стороны жизни русских: организацию и деятельность Бюро по защите интересов русской эмиграции в Сербии, их «гражданскую антикоммунистическую активность во время войны» (с. 65–70), общественно-культурную деятельность, а также «влияние Русской православной церкви на эмиграцию и пренебрежение русские военные формирования» (с. 92–107).

Во второй главе – «Советские коллаборационисты в Югославии и их участие в борьбе оккупационного аппарата против партизан и Красной армии» – речь идет о действиях на территории Югославии формирований, созданных немцами из советских граждан (пленных и добровольцев) и оказавшихся на Балканах в последние годы войны. Наиболее значительными были: специальная кавказская единица «Бергман», состоявшая из грузинского и северокавказского батальонов; 162-я туркестанская дивизия, в которой служили уроженцы Средней Азии и Азербайджана; украинская дивизия СС «Галиция»; «Казачья дивизия» под командованием генерала Гельмута Фон Паннвица – наиболее многочисленное из перечисленных воинских соединений. Основное содержание главы предваряется специально предназначенным для сербского читателя описанием феномена участия советских граждан в формированиях в составе Вермахта, СС и немецкой полиции (РОА, «Локотское самоуправление» и т.д.). Анализируя причины массовости коллаборационизма (с. 114), автор указывает на общее неоднозначное отношение населения СССР (в первую очередь, оккупированных территорий) к советской власти, с одной стороны, и к немцам, с другой. Первоначальный характер этого отношения и его изменения трактуются как существенный фактор «переменчивости военной фортуны на Восточном фронте» в 1941 г., повлиявший на катастрофическое отступление Красной армии и последовавший провал Блицкрига (с. 112–113).

В стремлении познакомить сербов с перипетиями Великой Отечественной войны –

предысторией событий на югославской территории – А.Ю. Тимофеев не удержался от того, чтобы представить свое небесспорное мнение по таким полемическим и не имеющим прямого отношения к теме исследования вопросам, как военная и политическая готовность (или неготовность) СССР к нападению Германии, состояние Сталина в первые дни после 22 июня, реальное (или мнимое) техническое превосходство Вермахта над Красной армией, состояние командного состава после «чисток» в армии (в частности А.Ю. Тимофеев высказывается в пользу версии о заговоре Тухачевского, Уборевича и Якира с целью свержения Сталина (с. 170)), масштабы и значение помощи, оказываемой СССР его западными союзниками и т.д. (с. 107–112).

В первых параграфах третьей главы, посвященной отношениям Москвы и югославских коммунистов в 20–30-е годы XX в., ставится под сомнение распространенный в югославской литературе тезис о местном происхождении тактики партизан, якобы воспитанных исключительно на народной традиции сопротивления османским завоевателям. Данному представлению автор противопоставляет основанное на коллекции документов Коминтерна (РГАСПИ) исследование партийного и диверсионно-партизанского обучения (с. 171–204), которое будущие лидеры Народно-освободительного движения Югославии проходили в Москве, а апробировали на практике под контролем советских инструкторов в Испании.

Как и в предыдущей главе, прологом к основному ее содержанию, стал обширный экскурс в более раннее прошлое, раскрывающий широкий временной контекст рассматриваемых событий. В данном случае речь идет об уходящей корнями еще в Тридцатилетнюю войну европейской традиции «малой войны», развитие которой автор проследил вплоть до Наполеоновских войн, а затем и до прихода к власти большевиков. При этом предпринятый А.Ю. Тимофеевым анализ советской стратегии и тактики партизанской активности еще до приведения сведений об учебе в Москве югославских коммунистов убеждает в том, что упомянутая в названии главы «роль СССР в подготовке партизанской войны» была решающей. Сомнений в этом не оставляет хотя бы сопоставление способа прихода к власти Тито с датированными еще 1929 г. изысканиями одного из советских теоретиков «малой войны», считавшего ее «пере-

ходной формой классово-национально-освободительной) вооруженной борьбы, которая должна развиваться во всеобщее вооруженное восстание, цель которого – захват власти и установление классово-диктатуры» (с. 165).

Четвертая, и последняя, глава посвящена взаимоотношениям советского руководства с враждовавшими в ходе гражданской войны сторонами – лондонским эмигрантским правительством, действовавшим в тандеме с так называемой Югославской армией в отечестве (четниками) и коммунистами под предводительством Й.Б. Тито. Венчает повествование описание операций Красной армии на территории Сербии, а также анализ взаимного восприятия красноармейцев и сербов (гражданского населения, партизан и четников).

Рассматривая «Роль СССР в сербской гражданской войне и в освобождении Югославии от оккупантов», автор не в первый раз сталкивается с необходимостью оппонировать политизированным тезисам югославской историографии, получившим распространение после разрыва отношений между Сталиным и Тито в 1948 г. К такому относится уже упомянутое выше утверждение о самостоятельности партизанского движения, без чьей-либо поддержки оформившегося, определившего собственную тактику сопротивления оккупантам и своими силами освободившего страну. В работах историков, отстаивавших подобную позицию, СССР предстал «тормозом югославской революции» (с. 251), поддерживавшим в пике партизанам коллаборационистское четническое движение. Разумеется, с этой точки зрения роль советских войск в освобождении страны оценивалась как второстепенная. Присутствие же Красной армии в Югославии осенью 1944 г. «на полном серьезе» объяснялось согласием, которое Тито дал Сталину, попросившему разрешить временный проход по ее территории «в интересах развития наступления

на немецкие и венгерские силы в Венгрии» (с. 321). Опровержения подобных мифов А.Ю. Тимофеев добивается самым эффективным способом – детальной реконструкцией хода событий, подкрепленной обширной базой литературы и источников, многие из которых, как, например, материалы Центрального архива Министерства обороны РФ, впервые вводятся в научный оборот.

Следует отметить, что источниковая фундированность характеризует не только последнюю главу, а работу целиком. Не менее важным ее достоинством является тот факт, что она представляет собой целостное, композиционно гармоничное повествование. Выбор и последовательность изложения взаимосвязанных исторических сюжетов позволили А.Ю. Тимофееву подтвердить предположения, сделанные им во введении. К таковым, например, относится тезис о преемственности гражданской войны в Югославии в 1941–1945 гг., в отношении революции в России. При этом речь идет как об аналогичном характере объективных общественных процессов, приведших в обеих странах к свержению монархии и приходу к власти коммунистов, так и о субъективной роли руководителей государств, деятелей эмиграции и т.д., которым война предоставила возможность свести старые счебы.

Понимание автором истории не как потока разрозненных эпизодов прошлого, а как непрерывного сложного процесса, делает рецензируемую монографию полезной для осознания того, каково сегодняшнее влияние «русского фактора» на ситуацию в бывшей Югославии. Ведь по сей день актуальны многие из стереотипов взаимной перцепции русских и сербов, сформировавшихся во время последнего описанного автором массового контакта представителей двух народов.

© 2012 г. А.А. Силкин

В.В. МАРЬИНА. Советский Союз и чехо-словацкий вопрос во время Второй мировой войны. 1939–1945. М., 2007–2009. Кн. 1–2. 448; 432 с.

Валентина Владимировна Марьина – автор, хорошо известный специалистам по истории Чехии и Словакии и не нуждающийся в особых представлениях, так как ее перу принадлежат несколько монографий и множество статей по истории Чехословакии, Чехии, Словакии XX в. Последнее время интерес исследовательницы сосредоточивался на периоде Второй мировой войны и чехословацко-советских отношениях этого времени. Результатом интенсивной работы стал двухтомник «Советский Союз и чехо-словацкий вопрос во время Второй мировой войны». Первая книга посвящена начальному этапу войны 1939–1941 гг., а вторая – Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. Обе книги изданы в издательстве «Индрик» и уже получили прекрасные отзывы российских, чешских и словацких историков. И коллеги «по цеху» из Института, где долгие годы весьма плодотворно работает Валентина Владимировна, не могли не отметить ее новый труд.

Монография основана на выявленных автором архивных документах и документальных публикациях, мемуарах участников событий, изданных в нашей стране и за рубежом, а также новейшей литературе по теме. Автор тщательно изучила документы и материалы Архива внешней политики Российской Федерации, Российского государственного архива социально-политической истории, Российского государственного военного архива, Центрального архива Федеральной службы безопасности Российской Федерации, Центра хранения историко-документальных коллекций и др. Оба тома включают в себя кроме самого текста и резюме солидные документальные приложения, списки сокращений и именные указатели. Все это повышает ценность работы.

В первой книге рассматривается практически не исследованный период советско-чехословацких отношений в годы так называемой второй (послемюнхенской) Чехословацкой республики и на начальном этапе Второй мировой войны. Автор не обходит вниманием сложные вопросы

двусторонних советско-чехословацких и трехсторонних советско-чешско-словацких отношений (после распада Чехословакии весной 1939 г.), т.е. те сюжеты, которые ранее всегда оставались в тени либо вообще не затрагивались. Марьина показывает реакцию Москвы на распад ЧСР, отношения СССР с чехословацкой политической эмиграцией, знакомит читателя с позицией чехословацкого руководства в эмиграции в связи с пактом Молотова – Риббентропа и советской внешнеполитической линией в 1939–1940 гг.

Никогда ранее в отечественной историографии не анализировались экономические отношения СССР с Протекторатом Богемия и Моравия, не упоминалось об установлении дипломатических отношений с «независимым» Словацким государством. Марьина подробно разбирает обстоятельства интернирования чехо-словацкого легиона под командованием Л. Свободы, показывает, каким образом на территории СССР появились чешские и словацкие бойцы, ставшие впоследствии ядром формирования Чехословацкого корпуса, принимавшего участие в войне против Германии и ее сателлитов в составе Красной армии. Автор поставила задачу непредвзято рассмотреть события тех лет без прежней идеологизации и политизации проблем, и с этой задачей, на мой взгляд, вполне справилась. Весьма любопытен приведенный материал о контактах советской и чехословацкой разведок в 1940–1941 гг. Подкупает и сдержанный тон повествования, стремление объяснить, а не обвинить.

Вторая часть монографии не менее интересна, но по другим причинам. Если период (1939–1941) не исследован отечественными историками, то по следующему (1941–1945) написано немало монографий, диссертаций, статей. Но, несмотря на множество работ, вышедших в 1940–1980-е годы, их авторы рассматривали лишь некоторые вопросы: о сотрудничестве КПЧ и ее заграничного руководства с Москвой, о боевой дружбе и т.п. В последнее двадцатилетие диапазон анализируемых проблем

расширился, но в основном исследовался на микроуровне, не хватало обобщающего труда, где бы нашли отражение все новые наработки, в том числе и самой Валентины Владимировны.

Во второй книге она останавливается на восстановлении советско-чехословацких дипломатических отношений, формировании чехословацких воинских частей на территории СССР, позиции Москвы в отношении создания послевоенной чехословацко-польской конфедерации, подробно анализирует ход переговоров о заключении советско-чехословацкого договора в декабре 1943 г. В этой части монографии показана сложная игра И.В. Сталина против Э. Бенеша в отношении Подкарпатской Руси, проанализирована советская помощь Словацкому национальному восстанию, шаг за шагом прослежено освобождение территории Чехословакии и ее столицы Праги.

Приведу, к примеру, одну любопытную деталь. Весь послевоенный социалистический период, вплоть до конца 1980-х годов, в чехословацкой и советской историографии было принято негативно оценивать роль группы парашютистов, подготовленных в Лондоне и совершивших покушение на Гейдриха (из-за последовавших после этого репрессий в отношении местного населения и сил внутреннего Сопротивления). На самом деле, как убедительно показала В.В. Марьина, в СССР также готовились и засылались в Моравию и Словакию

диверсионные и разведывательные группы, правда из-за недостаточной подготовки их эффективность часто была нулевой (кн. 2, с. 65–67).

Автор хорошо продумала и название монографии: дефис в слове «чехо-словацкий» – принципиальный момент, так как единого чехословацкого государства в исследуемый период не существовало.

В целом книга, посвященная военно-политическим и дипломатическим аспектам советско-чехословацких отношений в военное время, удалась. Ознакомившись с монографией, читатель узнает много нового по указанной проблематике. Работа прекрасно читается, так как автор талантливый писатель и стилист. В исследовании замечательно сочетаются любопытнейшие документальные подробности и глубокие авторские обобщения.

Замечания, приличествующие жанру рецензии, сводятся в основном к пожеланиям – можно было бы подробнее осветить позицию СССР в период Мюнхена (с чего собственно начинается повествование), дать более развернутые характеристики чехословацким политикам. Однако, будем надеяться, что эти пожелания Валентина Владимировна сможет реализовать в отдельных статьях либо при переиздании монографии. В заключение хочется поздравить автора с прекрасной работой и пожелать книге удачной судьбы.

© 2012 г. *Е.П. Серапионова*

БАЛКАНИСТИКА В МОСКВЕ И САНКТ-ПЕТЕРБУРГЕ СЕГОДНЯ:
ОБЩЕЕ И РАЗЛИЧНОЕ

Филологические исследования по балканистике в Москве и Санкт-Петербурге имеют богатую современную историю. Институт славяноведения (и балканистики до 1998 г.) РАН является центром гуманитарной балканистики в Москве, в Петербурге балканистические исследования сосредоточены в Институте лингвистических исследований РАН и на филологическом факультете СПбГУ, а также в Кунсткамере.

В последние два десятилетия ученые-балканисты Москвы и Петербурга участвуют в совместных проектах (одним из важнейших стал проект по Малому диалектологическому атласу балканских языков (МДАБЯ) под руководством А.Н. Соболева). В полевых исследованиях, обработке материалов и теоретическом их осмыслении приняли участие балканисты из Москвы и Петербурга. Из Института славяноведения в МДАБЯ на разных этапах принимали участие Г.П. Клепикова, А.А. Плотникова, И.А. Седакова, Е.С. Узенева, Т.В. Цивьян и др. Этнолингвистическая информация собиралась по вопроснику, специально составленному для работы по МДАБЯ А.А. Плотниковой, – см. публикации МДАБЯ [1–5]. Ученые постоянно встречаются на конференциях в Москве, Петербурге, а также за рубежом (на конгрессах Международной ассоциации по изучению стран Юго-Восточной Европы – МАЮВЕ и др.). (МАЮВЕ – в России председателем Комитета является К.В. Никифоров – традиционно уделяет большее внимание истории, однако и филологические секции всегда проводятся в рамках конгрессов. Последние конгрессы МАЮВЕ проводились в Софии (1994), Бухаресте (1999), Тиране (2004) и Париже (2009). К конгрессам выпускаются сборники докладов российской делегации, см. [6; 7].)

В этом обзоре я сосредоточусь на конференциях 2011 г., которые прошли в двух столицах и, как кажется, демонстрируют основные направления в развитии балканистики в Москве и Петербурге: 17–19 марта работала секция «Балканистика и византистика» в рамках XL Международной филологической конференции, организованной филологическим факультетом СПбГУ, а 22–24 марта в Институте славяноведения РАН состоялись одиннадцатые «Балканские чтения», озаглавленные «Балканский спектр: от света к цвету».

В работе секции «Балканистика и византистика» приняли участие как видные балканисты из Санкт-Петербурга (А.Н. Соболев, А.В. Жугра, А.Ю. Русаков), так и начинающие аспиранты. Докладам по балканистике было отведено два дня, 17 и 18 марта. Первый день был разделен на два заседания, каждое из которых было посвящено в первую очередь данным, полученным в ходе одной из двух экспедиций: первое заседание – экспедиции в Голоборду (Албания) и второе – экспедиции к албанцам Призовья. Такой интерес к албанскому языку и культуре в Петербурге не случаен: школа албанистики, основанная А.В. Десницкой, переживает в последние годы новый расцвет, и в рамках конференции прозвучал целый ряд докладов молодых ученых, студентов и аспирантов, специализирующихся на изучении языка и культуры этой балканской страны, а также языков и культур национальных меньшинств, проживающих в Албании: выступили *Д.С. Ермолин* с докладами «Погребальный обряд славян-мусульман Голоборды. Материалы экспедиций 2010 г.» и «Балканизмы в структуре погребального обряда албанцев Призовья», *М.С. Морозова* – «Система терминов родства в говоре славян-мусульман Голоборды (с. Требишт)» и «Говор албанцев Призовья: от первых фиксаций до настоящего времени», *А.С. Дузушина*, представившая доклады «Балканские черты цикла родинной обрядности албанцев

Призовья» и «Родинная обрядность славян-мусульман Голоборды: по материалам экспедиций 2009–2010 гг.» (совместно с М.С. Морозовой).

Второй день был также разделен на два заседания: первая половина дня была вновь «отдана на откуп» албанистам: докладу *А.В. Жуғры* о семантике мотива *E randoi me fjale* ‘задеть словом’ в албанском эпосе; *Л.Н. Каминская* поделилась рядом предположений об источниках появления албанской лексики в словаре Палласа (конец XVIII в.); албанские диалекты в османскую эпоху стали темой доклада *А.Ю. Русакова*. Лишь заключительный доклад *Н.Г. Голант* был посвящен румынским погребальным обрядам. После небольшого перерыва слово взяли эллинисты: прозвучали доклады о фонетических особенностях цакопского диалекта (*В.В. Федченко* и *М.Л. Кисилиер*), отличающегося от стандартного греческого целым рядом уникальных специфических черт, о новогреческих астрономических загадках (*А.Е. Тушин*), об использовании кодов в поэзии Визииноса (*Е.А. Иосифиди*), о свадебной обрядности греков Призовья (*Л. Гуцяи*). На эту конференцию приехали и московские балканисты: *М.М. Макарецев* выступил с докладом «Система местоимений в славянском говоре с. Бобштица», аспирант *А.Е. Тушин* представил доклад «Новогреческие астрономические загадки в сопоставлении с македонскими и турецкими». Комментарии к московским докладом, сделанные в ходе дискуссии балканистами из Санкт-Петербурга, имели в основном лингвистическую направленность, чем особо сильна питерская школа балканистики.

Балканские чтения были организованы Центром лингвокультурных исследований «Balkanica» при поддержке гранта РФФИ № 11-06-06022. Проведение подобных симпозиумов в Институте имеет почти полувековую традицию. С первых симпозиумов по балканистике (1960–1970 гг.) был взят курс на максимальную широту гуманитарной проблематики и на реконструкцию древнейших элементов балканского культурного прототекста (см. [8]). В методике, в подходах к анализу и интерпретации данных особое значение придавалось и придается методам семиотики, что отличает московскую балканистику от питерской школы, возникновение которой неразрывно связано с интересом *А.В. Десницкой* к албанистике и влиянием Ленинградской грамматической школы. Именно этим может быть большая ориентация петербургской балканистики на собственно лингвистику, на историческое языкознание, диалектологию и лингвогеографию в балканских странах, хотя в рамках XL Международной филологической конференции прозвучало немало и этнографических, и этнолингвистических докладов, что отражает современную тенденцию к комплексному подходу к проблемам балканского феномена вообще и балканского языкового союза, балканской языковой картины мира в частности.

«Балканские чтения» с самых первых московских научных встреч в Институте славяноведения (в 1970-е годы конференции назывались «Симпозиумами по балканистике») ориентировались на программные тезисы *В.Н. Топорова*, опубликованные в качестве предисловия к сборнику «Первый симпозиум по балканскому языкознанию. Античная балканистика (23–24 мая 1972 г.). Предварительные материалы (Тезисы докладов. Сообщения. Аннотации)» (М., 1972).

Тематика выступлений на «Балканских чтениях 11» была сконцентрирована вокруг концептов света и тьмы, развития палитры цветообозначений и особо отмеченных в культуре цветов в балканских текстах разного рода. Различные преломления этой центральной темы звучали как в лингвокультурных и этнолингвистических докладах, так и в, на первый взгляд, чисто лингвистических докладах. Обращение к сопоставлению двух универсальных проблем, символики оппозиции «свет – тьма» и символики цвета, с одной стороны, и концентрация исследователей на балканском материале – с другой, позволило достичь ценного баланса между широтой и глубиной стоящих перед учеными задач.

Всего на конференции прозвучало 30 докладов российских и зарубежных ученых-балканистов, часть из которых несколькими днями ранее выступала в Санкт-Петербурге. Кроме сотрудников Института славяноведения РАН и других московских центров (ГМИИ им. А.С. Пушкина, РГГУ, МГУ и др.), в конференции участвовали балканисты из Санкт-Петербурга (акад. РАН *Н.Н. Казанский*, *А.Ю. Русаков*, *А.Н. Соболев*, *Ф.А. Елоева*, *А.А. Новик*, *Н.Г. Голант*, *В.Г. Колосова*, *Д.С. Ермолин*). Иностранцами гостями Центра стали известные лингвисты *Р. Александер* (Калифорнийский университет, Беркли), *П. Асенова* (Софийский университет, Болгария), *Е. Бужаровская* (Университет Скопье, Македония), *Б. Джозеф* (Университет Огайо), *М. Менцей* (Университет Любляны, Словения), *Л. Попович* (Университет Белграда, Сербия), *Л. Раденкович* (Институт балканистики, Белград),

В. Фридман (Университет Чикаго), Э. Црвенковская (Университет Скопье, Македония), З. Шмитек (Университет Любляны, Словения). На московской конференции, как и на конференции в Петербурге, выступило немало молодых исследователей – аспирантов и молодых кандидатов наук. Показательно, что многие доклады молодых балканистов перекликались и дополняли друг друга. Для современной российской балканистики это очень важный момент: похоже, что новое поколение балканистов из двух столиц работают вместе и их волнуют сходные проблемы балканских языков и традиционной картины мира.

Открывал конференцию доклад *Б. Джозефа* (США), посвященный анализу звукового символизма лексики, связанной с идеями ‘свет’ и ‘горение’ в греческом и албанском языках. Американский ученый утверждал, что подобно тому, как в английском языке звуковой кластер *gl-*, не имеющий морфологического значения, включает в себе понятия ‘огонь’, ‘горение’, ‘сияние’ и т.п. (*glow, gleam, glitter, glisten*), в балканских языках выступает сочетание (*ts+V*)/(*dz+V*) со схожим значением горения, блеска и жжения: *tsǐkva* (‘запах паленого, дыма’), *τσουρονφλίζω* (‘жечь’) и в албанском (*dz+V*): *xixelloj* (‘искриться’).

В докладе *В. Фридмана* «Балканизмы цвета: что это такое, черное, белое, и красное/прочитанное со всех сторон» ученый сопоставил актуальную в США до сих пор, несмотря на успехи адептов политкорректности, оппозицию «белый – не-белый» (где понятие «не-белый» до Второй мировой войны могло включать в себя и польских, и итальянских иммигрантов) с традиционной оппозицией «белого и черного» в балканском фольклоре, где первый соотносится с положительными характеристиками, например красотой героини, а черный – с опасностью и чуждостью. Далее ученый коснулся другой интересной проблемы культурно мотивированных цветообозначений – названий видов домашних животных и птиц через их окраску.

Продолжил конференцию совместный доклад *П. Асеновой* (Болгария) и *У. Дуковой* (Германия) «Номо *balcanicus* во тьме и на свету». Исследовательницы проанализировали развитие в балканских языках терминов, метафорически описывающих эмоции человека (‘темный’ в болгарском, румынском и албанском и ‘покрытый облаками’ в греческом, албанском и арумынском). Не был оставлен без внимания докладчицами и грамматический аспект этой глагольной лексики, относящийся к пассивности-активности глаголов. Все это позволило сделать вывод о наличии особого единого ареала, представленного греческим, албанским и арумынским, в котором первый оказал влияние на два других; к этому ареалу приближается болгарский, а румынский оказывается несколько в стороне.

Доклад *Н.Н. Казанского* (Санкт-Петербург) был посвящен истории развития системы древнегреческих и латинских цветообозначений. Древнейшие греческие цветообозначения микенского периода могут быть связаны с хозяйственной лексикой (при этом, например, *ro-ni-ki-ja* ‘пурпурный’ использовалось только для описания колесниц и было противопоставлено *mi-to-we-sa* ‘красный’). Также ученым было представлено несколько этимологий, связывающих обозначения некоторых астрономических объектов с идеями ‘светозарности’ и ‘блеска’.

Э. Црвенковская (Македония) в своем докладе проанализировала особенности реализации византийской «философии света» в переводной славянской гимнографии. Концепт «свет» эксплицируется как через многозначную лексему «свет», так и через связанные с ней «предметные» лексемы «свеча», «светило» или через смежные понятия ‘блеск’, ‘светлый’.

Возвратил слушателей в микенскую эпоху доклад *Л.И. Акимовой* (Москва), представивший анализ раннегреческой хроматической системы на примере расписного саркофага рубежа XV–XIV вв. до н.э. Исследовательнице удалось продемонстрировать сложность и развитость символики цвета в рассматриваемых росписях и выделить в качестве одной из важных структурных оппозиций противопоставление *синий–желтый*, являющуюся отражением более глубокого противопоставления *черный–белый*.

Полисемия и амбивалентность символики света и тьмы в Древней Греции стала темой доклада *А.А. Новохатько* (Фрейбург). На материале древней аттической комедии было показано, что первостепенное значение в ней имела тьма потустороннего мира, Аида. Другим вариантом семиотической трактовки тьмы может служить тьма варварства, противопоставленная свету и порядку культуры полиса. Однако черный может быть и положительной характеристикой со значениями ‘смуглый’, ‘мужественный’, ‘храбрый’ в отличие от белого, характеризующего героя как ‘женственного’ и ‘трусливого’.

Л. Попович (Сербия) в своем докладе представила аудитории анализ цветообозначений

в русском, украинском и сербском фольклоре и продемонстрировала в семантике и символической цветовой рефлексии древнейшей оппозиции «блестящий – без блеска», предшествовавшей появлению собственно цветовой противопоставлений.

Продолжили тему блеска в народной культуре два дополнивших друг друга доклада *М. Менцей* (Словения) и *Л.В. Виноградовой* (Москва), посвященных ночным «светящимся» духам. Эти духи, описываемые чаще всего как «огоньки», движущиеся или мерцающие, символизируют души умерших, а огненная стихия традиционно представляется как одна из ипостасей человеческой души.

Второй день конференции начинало «лингвистическое» заседание под председательством *В. Фридмана* (США), посвященное исключительно балканской лингвистике и диалектологии. Открывал это заседание доклад *Р. Александер* (США), продемонстрировавший перспективы проекта под рабочим названием «Живая традиция болгарской диалектологии». В конце прошлого века похожий проект «Малый диалектологический атлас балканских языков» оказался очень удачным, несмотря на то что его активно критиковали за непредставительную сетку исследуемых сел. Даже еще меньшее изучение современных диалектов в различных регионах Болгарии свидетельствует об устойчивости «балканскости» в условиях наступающей модернизации и стандартизации и соответствуют концепции балканской модели мира.

Соотносимой с балканской моделью мира оказывается и трехчленная система определенного артикля помакских говоров болгарского языка, исследованная *Е. Адаму* (Франция). В этих говорах трехчленная система не только сохраняется, но и коррелирует с временными характеристиками высказывания, что подтверждает выводы более ранних исследований *Т.В. Цивьян* и *Т.Н. Свешниковой*. Доклад *А.Ю. Русакова* (Санкт-Петербург) был посвящен некоторым особенностям диалектов албанского языка области Дибра и возможным причинам уникальности некоторых черт дибрских говоров. В качестве введения в проблему докладчик посвятил часть своего времени экскурсу в историю диалектного развития албанского языка. *Е. Бужаровская* (Македония) рассмотрела многозначность македонского глагола *сака* ‘хотеть’, ‘нравиться’, ‘любить’, находящего параллели не в соседствующих южнославянских языках, а в албанском и арумьнском. Завершил это заседание программный доклад *А.Н. Соболева* «Румынские штудии Капитара и возникновение академической балканистики», предложивший новое, отвечающее современности прочтение научно-исторических взглядов на балканский языковой союз, бытовавших на самой заре балканистики. Доклад по предложению редактора журнала «Вопросы языкознания» будет полностью опубликован в этом издании в разделе «История науки».

К проблематике света и тьмы, балканского цветового спектра вернул слушателей доклад *И.А. Седаковой* (Москва), которая рассмотрела колористику современного македонского романа «Пырей» *П.М. Андреевского*. Цветовая гамма романа отличается минимализмом, «задействованы» лишь основные цвета архаического треугольника (по *Виктору Тернеру*) – черный, белый и красный. Привычная позитивная символика белого и красного в этом романе получает, как и черное, преимущественно негативное звучание и связана со сферами болезни, смерти и несчастий. Эта амбивалентность и смена знаков оценки – типичная балканская черта, ярко представленная в «Пырее» и в других текстах, о которых шла речь на конференции.

В сообщении *Д.С. Ермолина* (Санкт-Петербург) были также представлены свидетельства исключительной важности об архаической триаде белый–черный–красный, в данном случае в погребальной обрядности приазовских албанцев. Белый в представлении албанцев Приазовья о загробном мире соотносится с раем, черный – с адом, в том числе и через цветовую характеристику, например, дегтя (алб. *katran*, болг. диал. *катран* служит обозначением преисподней). Предметы красного цвета в погребальной обрядности выполняют опознавательную функцию, помогая умершим быть узнаваемыми ранее ушедшими родственниками (а также, в недавнем прошлом, символизировал лояльность к коммунистической партии).

Актуальной триада белый–черный–красный оказывается и в современной балканской живописи, как убедительно показала *Н.В. Злыднева* (Москва). В изобразительном и вербальном искусстве Балкан используются одни и те же модели: переход цвета в свет, нейтрализация оппозиции «свет–тьма» через сближение ее членов, наложение цветообозначений и смена их оценки.

Л. Раденкович (Сербия) сконцентрировался в своем докладе на семиотике красного цвета в погребальной обрядности и демонологии славян, подчеркнув связь красного с кровью и огнем, что находит свое отражение как в лексике, так и в обрядах. *З. Шмттек* (Словения), продолживший тему цветового символизма, предложил обобщающий обзор символики основных цветов в словенском фольклоре, включив в их число также «золотой» и «серебряный», которые символически указывают не только на особую ценность определяемого этими эпитетами, но и на связь с небом или с подземным миром.

Завершающий день конференции открыл доклад *А.А. Новика* (Санкт-Петербург) «Краситель – краска – цвет – свет в одежде и традиции албанцев». Ученый рассказал не только об использовании «классической» цветовой триады, но и других цветов, например оранжевого, пришедших в албанский национальный костюм вместе с появлением искусственных красителей. В докладе уделялось внимание как непосредственно методикам окрашивания ткани, так и влиянию на костюм славянской, византийской и ориентальной традиций.

В докладе *Н.Г. Голант* (Санкт-Петербург) были освещены некоторые аспекты символики румынских оберегов в форме нитей, подтверждающиеся и данными румынского языка. Палитра цветов мартовских нитей не исчерпывается красным и белым, хотя они и остаются самыми популярными: первый выполняет прежде всего защитные функции, второй направлен на сохранение/приобретение красоты по принципам симпатической магии.

А.А. Плотникова (Москва) рассмотрела различные поверия, связанные с рождением «в цветной рубашке» через призму этногеографии, что, например, позволило локализовать представления о связи рождения ребенка в «цветной рубашке» и его демонических качеств в западной части Южной Славии.

А.П. Якимова (Москва) показала, как цвет в болгарском костюме соответствует возрасту человека: от белых пеленок младенчества к яркому, расшитому, с заметной ролью красного свадебному костюму, а от него – возвращение к бесцветности, серости в костюме пожилой женщины и в погребальной одежде.

Темы дневного заседания третьего дня, завершившего научную часть конференции, были во многом связаны с этноботаникой. *А.Б. Итполитова* (Москва) сопоставила описание растений с их изображениями в народных травниках XVIII – начала XX в., что позволило не только оценить уровень компетенции художника/составителя, но и выделить некоторые особенности соответствия цвета в тексте и в изображении, варьирующего от полного соответствия до полного отсутствия корреляции. Здесь важно отметить перспективность подобных исследований, поскольку в русских травниках очень много балканских заимствований, не говоря о том, что такие рукописные книги порой привозились из Византии и просто переводились на русский. Другой подход к колористике флоры предложила *В.Б. Колосова* (Санкт-Петербург), проанализировавшая модели и мотивировки образования фитонимов для «огненных трав», т.е. растений, названия которых отсылают к огню, искрам и т.п. Основной мотивировкой такой номинации служит цвет лепестков (желтый, красный, но иногда и другие цвета), реже – жгучий вкус. Также с огнем связаны народные названия низших грибов, воспринимавшихся как болезни, поражающие (словно «обжигают») сельскохозяйственные культуры.

О.В. Белова (Москва) сопоставила цветовую символику у южных славян с колористикой восточных и западных славян, обобщив представления о цветовом спектре в фольклоре по материалам этнолингвистического словаря «Славянские древности» (Т. 1–4. М., 1995–2009). Из «цветовых» статей словаря ясно видно, что хроматические характеристики сохраняют свое значение на всех уровнях народной культуры, как подчеркивая его типичное свойство, так и выделяя специфичное. При этом балканская часть славянского ареала в этом также обнаруживает свою «балканскость», сохраняя связи с другими славянскими культурами, но и проявляя очевидные балканские черты, типичные для неславянских языков и культур Балкан.

Сообщение *А.Е. Тунина* (Москва) о цветовом коде новогреческих загадок во многом перекликалось с докладами этноботаников. В тексте загадки цвет мотивируется реальным свойством денотата, но при этом может использоваться непосредственно цветообозначение, или кодирование через предметы, в которых цвет является важной онтологической характеристикой. Так, например, нередко присутствует пищевой код: солнце как мед, масло (т.е. желтое), луна как сыр (т.е. беловатая).

К «Балканским чтениям» был издан сборник тезисов и материалов «Балканский спектр: от света к цвету» (М., 2011).

Информация о проектах по балканистике, полевых исследованиях, публикациях и конференциях размещается на сайтах ИЛИ РАН (<http://iling.spb.ru>), филологического факультета СПбГУ (<http://www.philarts.spbu.ru>), Института славяноведения РАН (<http://www.inslav.ru>).

© 2012 г. А.Е. Тунин

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Малый диалектологический атлас балканских языков. Пробный выпуск / Ред. А.Н. Соболев. München, 2003.
2. Малый диалектологический атлас балканских языков. Серия лексическая. Т. I. Лексика духовной культуры / Ред. А.Н. Соболев. München, 2005.
3. Малый диалектологический атлас балканских языков. Серия лексическая. Т. II. Человек. Семья / Ред. А.Н. Соболев. München, 2005.
4. Малый диалектологический атлас балканских языков. Серия грамматическая. Т. I. Категории имени существительного / Ред. А.Н. Соболев. München, 2005.
5. Малый диалектологический атлас балканских языков. Серия лексическая. Т. III. Животноводство / Ред. А.Н. Соболев. СПб.; München, 2009.
6. Доклады российских ученых. IX Конгресс по изучению стран Юго-Восточной Европы (Тирана, 30.08–03.09.2004) / В.К. Волков (отв. ред.), А.В. Жугра (отв. секретарь), А.Ю. Русаков (отв. редактор), И.А. Седакова, А.П. Сытов, Т.В. Цивьян. СПб., 2004.
7. Доклады российской делегации. X Конгресс по изучению стран Юго-Восточной Европы (Париж, 24–26 сентября 2009 г.) / Ред. Н.Н. Казанский, К.В. Никифоров и др. СПб., 2009.
8. *Седакова И.А., Цивьян Т.В.* Из истории наших конференций // Мартеница. Mărțișor. MART'Σ. VERORE... (Материалы «круглого стола» 25 марта 2008 года). М., 2009.

К ЮБИЛЕЮ АЛЕКСАНДРА АЛЕКСАНДРОВИЧА ГУГНИНА

Исполнилось 70 лет Александру Александровичу Гугнину, доктору филологических наук, профессору, известному российскому и белорусскому литературоведу-германисту и слависту. Уроженец белорусского города Полоцка, выпускник филологического факультета МГУ, защитивший кандидатскую диссертацию по проблемам романтизма в немецкой литературе, А.А. Гугнин был инициатором и участником многих проектов по изданию произведений немецких писателей XIX и XX вв. на русском языке, его перу принадлежат многочисленные статьи о творчестве отдельных писателей, предисловия к их книгам. В 1984 г. судьба связала А.А. Гугнина с Институтом славяноведения и балканистики АН СССР (сейчас Институт славяноведения РАН). Он входил в круг авторов этапных литературоведческих трудов института, написав главы о литературе ГДР в двухтомной «Истории литератур Восточной Европы после Второй мировой войны» (1995–2001) и главы о серболужицкой литературе в трехтомной «Истории литератур западных и южных славян» (1997–2001). Работы А.А. Гугнина по истории серболужицкой литературы носят во многом первопроходческий характер в отечественном литературоведении, именно за исследования в этой области ему была присуждена ученая степень доктора филологических наук.

Во второй половине 1990-х годов по инициативе А.А. Гугнина был воссоздан центр славяно-германских исследований в Институте славяноведения, к работе над его проектами (см., в частности «Славяно-германские исследования». М., 2000. Т. 1–2) были привлечены не только видные отечественные филологи, но и историки – слависты и германисты, были установлены тесные связи со славистическими кафедрами германских университетов. Работы А.А. Гугнина о литературной ситуации в ГДР в сборниках серии «Власть и интеллигенция. Из опыта послевоенного развития стран Восточной Европы» (1990-е годы), в книге «Конфликты в послевоенном развитии восточноевропейских стран» (М., 1997) и т.д. органично вводили литературный процесс Восточной Германии в более широкий общественно-исторический контекст.

Научную работу на протяжении многих десятилетий А.А. Гугнин совмещал и до сих пор совмещает с преподавательской. Он возглавлял литературоведческие кафедры в педагогических вузах Москвы и Новополоцка.

Человек большой филологической культуры, А.А. Гугнин известен в среде коллег-филологов и как хороший поэт, опубликовавший не один сборник стихов.

Прекрасный профессионал и очень обаятельный человек, А.А. Гугнин продолжает активно трудиться над реализацией своих творческих замыслов.

Коллеги

Коллектив журнала «Славяноведение», членом редколлегии которого был в течение долгого времени А.А. Гугнин, присоединяется к теплым поздравлениям и пожеланиям дорогому юбиляру новых творческих успехов.

ПАМЯТИ ЕЛЕНА ЗАХАРОВНЫ ЦЫБЕНКО (1923–2011)

17 сентября 2011 г. ушла из жизни Елена Захаровна Цыбенко, выдающийся славист, воспитатель нескольких поколений российских полонистов. Ей принадлежит огромная заслуга в создании послевоенной отечественной литературоведческой полонистики, лидером которой она оставалась в течение многих десятилетий.

Всем, кто знал Елену Захаровну, хорошо известно, что она была не просто полонистом, а, можно сказать, полонофилом, погруженным в польскую литературу, посвятившим ей всю свою жизнь, «послом польской культуры в Москве», как с благодарностью называют ее польские коллеги.

Елена Захаровна родилась 2 января 1923 г. в Детском селе (ныне г. Пушкин) под Ленинградом в семье военнослужащего. В 1940 г. она окончила среднюю школу в Ленинграде, а в 1945 г. – русское отделение филологического факультета Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова. В 1944 г. в МГУ была воссоздана кафедра славянской филологии, и ей требовались молодые талантливые специалисты. Елена Захаровна, которую еще на университетской скамье интересовала польская культура, поступила в аспирантуру по специальности «польская литература». Годы аспирантуры (1945–1948) стали временем глубокого изучения польского литературного процесса и напряженной работы над кандидатской диссертацией о творчестве Болеслава Пруса. С тех пор и до последних дней своей жизни Елена Захаровна была связана с филологическим факультетом МГУ – начиная с 1948 г., она прошла все ступени научного роста: преподаватель, старший преподаватель, доцент (с 1952 г.), профессор (с 1972 г.). В 1969 г. Елена Захаровна защитила докторскую диссертацию на тему «Польский социальный роман 40–70-х годов XIX века». В 1993 г. ей было присвоено звание заслуженного профессора МГУ.

Елена Захаровна теснейшим образом сотрудничала с Институтом славяноведения РАН с момента его создания и до конца своей жизни. В Институте работают многие ее воспитанники, она активно участвовала в институтских коллективных трудах и сборниках по истории, культуре и литературе Польши, конференциях и симпозиумах, в работе диссертационного совета Института, выступала на страницах журнала «Славяноведение».

Творческая деятельность Е.З. Цыбенко многогранна. За долгие годы работы на филологическом факультете МГУ ею прочитано множество общих курсов лекций и спецкурсов по истории польской литературы и польско-русским литературным связям. Елена Захаровна читала лекции и в зарубежных университетах: в Белорусском и Львовском, в польских – Варшавском и Ягеллонском, Силезском и Торунском, в университете имени Гумбольдта в Берлине. Естественно, что Елена Захаровна принимала участие во множестве международных и российских конференций, съездов, конгрессов, симпозиумов, являясь организатором и вдохновителем многих из них.

Под руководством Е.З. Цыбенко защищены дипломные работы многих десятков студентов и более двадцати кандидатских диссертаций. Она консультировала многих будущих докторов наук, ее ученики работают в Москве и других городах России, в Белоруссии (Минск, Гродно), в Грузии, в Литве.

Значительны достижения Елены Захаровны в научной области – принадлежащие ее перу фундаментальные монографии, разделы и главы в университетских и академических «Историях литературы», многочисленные статьи являются неоценимым вкладом в отечественную и мировую славистическую науку. В списке ее трудов, начиная с 1951 г., свыше трехсот публикаций, в том числе около пятидесяти – в Польше, а также в Германии и Югославии.

Обозначим кратко основные направления научных интересов Елены Захаровны:

– История польской литературы XIX века. Выдающийся вклад в изучение польского историко-литературного процесса внесла фундаментальная монография Е.З. Цыбенко «Польский социальный роман 40–70-х годов XIX века», получившая высокую оценку в польском и русском литературоведении.

– Сравнительное литературоведение и польско-русские литературные связи. Здесь особенно пригодилось прекрасное знание Еленой Захаровной не только польской, но и русской литературы, а также ее научная добросовестность, обращение с литературными фактами, не допускающее априорных выводов. Новаторскими в этой области явились такие труды Е.З. Цыбенко, как книга «Из истории польско-русских литературных связей XIX–XX веков», работы «Особенности польской и русской романтической прозы 30–40-х годов XIX в.», «Тургенев и польская литература», «К. Бальмонт и польская литература», «Романы Г. Сенкевича в русских переводах и критике», «Роман Генрика Сенкевича “Quo vadis” и русский читатель» и др.

– Проблемы развития современной польской литературы (статьи «Особенности развития романа-эпопеи в славянских литературах последних лет в контексте европейского романа», «“Слава и хвала” Ярослава Ивашкевича и роман-эпопея в современной польской литературе», «Роман Ежи Анджеевского “Месиво” и польская “возвращенная проза”», «“Конрад Валленрод” Адама Мицкевича и современный польский роман» и ряд других работ).

Многие важные коллективные научные труды созданы российскими славистами совместно с учеными Варшавского университета по инициативе и при непосредственном участии в них Е.З. Цыбенко: «Романтизм в славянских литературах», «Традиции и новаторство в славянских литературах XX века», «Русская и польская литература конца XIX – начала XX в.» и др.

В XXI в., несмотря на почтенный возраст, Елена Захаровна не снизила творческой активности. В 2000–2011 гг. она приняла участие в серии трудов Института славяноведения РАН, посвященных «имагологической» проблематике – взаимному видению народов в литературе и культуре России и Польши. Последняя ее публикация в институтском издании – статья «Ю. Словацкий в русских переводах и критике (до конца XIX в.)» вышла в свет в сборнике «Юлиуш Словацкий и Россия» (2011).

На протяжении многих лет Е.З. Цыбенко руководила учебно-научной лабораторией филологического факультета МГУ «Русская литература в современном мире», занимающейся проблемами литературы русского зарубежья и изучением современной литературоведческой русистики за рубежом. Более тридцати лет Елена Захаровна была заместителем главного редактора журнала «Вестник Московского университета».

Исключительно велика роль Елены Захаровны в популяризации польской литературы в России. Она выступила составителем и автором вступительных статей сборников сочинений Б. Пруса, Э. Ожешко, была членом редколлегии девятитомного издания собрания сочинений Г. Сенкевича и автором статей и комментариев в ряде томов этого издания. Ею написаны предисловия к другим изданным у нас произведениям польских писателей разных эпох.

Неутомимая деятельность Е.З. Цыбенко по изучению, преподаванию и популяризации польской литературы в России снискали ей заслуженную популярность и уважение в ши-

роких славистических кругах не только в России и Польше, но и во многих других странах. Статьи о Е.З. Цыбенко присутствуют в общих энциклопедиях и энциклопедических литературных справочниках, изданных в Польше и в России.

За заслуги перед польской культурой Елена Захаровна награждена одним из высших орденов Польши – «Командорским крестом со Звездой ордена Заслуги Польской республики» (1999) и другими орденами и медалями.

Большая эрудиция, необыкновенная работоспособность, высокая требовательность к себе, организаторский талант сочетались в Елене Захаровне с благородством, душевной щедростью, доброжелательностью, отзывчивостью, искренним интересом к людям, заботливостью по отношению к ученикам, молодым ученым. Об этом хорошо знают не только многочисленные друзья и ученики Елены Захаровны в России, но и приезжавшие в Москву польские ученые, для которых двери ее дома всегда были гостеприимно открыты.

Светлая память о Елене Захаровне Цыбенко, замечательном ученом и человеке, навсегда сохранится в наших сердцах.

Ученики и коллеги

CONTENTS

ARTICLES

<i>Kimura K.</i> (Tokyo). «Raik's case» (1949) in the context of the Hungarian-Yugoslavian relations	3
<i>Ulunyan Ar. A.</i> (Moscow). Did anyone prepare a coup d'état in Albania? «Temi Sejko's case»: versions	16
<i>Iskenderov P.A.</i> (Moscow). An echo of the Polish «Solidarność» Movement in the mountains of Albania.....	33
<i>Noskova A.F.</i> (Moscow). Russian historiography of Stalinism in the USSR and the countries of Eastern Europe: some results of the research (the late twentieth – early twenty-first centuries).....	40
<i>Yakushkina Ye.I.</i> (Moscow). Semantic of the Serbian lexemes <i>чојство</i> и <i>јунаштво</i>	55

REPORTS

<i>Murashko G.P.</i> (Moscow). The events in Czechoslovakia in 1968 viewed with the eyes of the KGB and Ministry of Home Affairs of the USSR: reflections on a book... ..	62
<i>Khorev V.A.</i> (Moscow). Another Bronevski.....	70
<i>Sholak Z.</i> (Novi Sad). The personal name and its substitute in the work of Ivo Andrić.....	80
<i>Ganenkova T.S.</i> (Moscow). Grammatical meanings of the predicate <i>на</i> in the modern Macedonian language.....	86

REVIEW-ARTICLES AND REVIEWS

<i>Kosik V.I.</i> С.Н. Букасова-Богословова. Руската следа във Варна	99
<i>Kosik V.I.</i> И.Стоянов. ТЦБК. Идеи и проекти	100
<i>Stankov N.N.</i> B. Ferencuhová. Francúzsko a slovenská otázka 1789–1989.....	103
<i>Nikiforov K.V.</i> S.P. Ramet. Tri Jugoslavije. Izgradnja države i izazov legitimacije. 1918–2005.....	105
<i>Silkin A.A.</i> A.J. Тимофејев. Руси и други светски рат у Југославији: утицај СССР-а и руских емиграната на догађаје у Југославији 1941–1945	112
<i>Serapionova E.P.</i> В.В. Марьина. Советский Союз и чехо-словацкий вопрос во время Второй мировой войны. 1939–1945	115

SCHOLARLY LIFE

<i>Tutin A.E.</i> Balkan studies in Moscow and St. Petersburg today: similarities and differences.....	117
--	-----

JUBILEES

To the jubilee of Aleksandr Aleksandrovich Gugin.....	123
---	-----

OBITUARIES

In memoriam of Yelena Zakharovna Tsybenko (1923–2011).....	124
--	-----

Сдано в набор 04.10.2011 Подписано в печать 01.12.2011 Формат бумаги 70 × 100¹/₁₆
Цифровая печать. Усл.печ.л. 10,4 Усл.кр.-отг. 3,3 тыс. Уч.-изд.л. 12,0 Бум.л. 4,0
Тираж 307 экз. Зак. 1981

Учредители: Российская академия наук, Институт славяноведения РАН

Издатель: Российская академия наук. Издательство «Наука», 117997 Москва, Профсоюзная ул., 90

Адрес редакции: 119991, Москва, Ленинский проспект, 32а. Телефон 8-495-938-01-20

E-mail: zhurslav@mail.ru

Оригинал-макет подготовлен АИЦ «Наука» РАН

Отпечатано в ППП «Типография “Наука”», 121099, Москва, Шубинский пер., 6

Индекс 70891

ISSN 0132-1366 Славяноведение, 2012, № 1